

МАКСУД ШЕЙХЗАДЕ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

ТАШКЕНТ
1978

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма

МАКСУД ШЕЙХЗАДЕ

ТОМ ВТОРОЙ

ПОЭМЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ
«МИРЗА УЛУГБЕК»

ТАШКЕНТ
1978

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма

Составитель МУХСИН ЗАКИРОВ

Шейхзаде, Максуд.

Избранные произведения: В 2-х т. [Пер. с узб. (Сост. М. Закиров.)]—Т. Изд. лит. и искусства, 1978 С.—Т. 2. Поэмы. Ист. трагедия „Мирза Улугбек“. 280 с.

1. Закиров, М.

2. Улугбек, М., о нем.

В поэзии Максуда Шейхзаде идет горячая переключка былого с настоящим, это определяет его словарь, его образы, его темы. Во второй том Избранных произведений М. Шейхзаде включены поэмы и историческая трагедия „Мирза Улугбек“. Послесловие Ибрагима Гафурова.

Ш $\frac{70403 - 131}{352(06) - 78}$ 138 — 78

Уз2

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978 г. (оформление, составление, послесловие)

ПОЭМЫ

С В Е Т О Ч

Рокочет рев январского карная
Могучий медногорлый бас.
Неистовая музыка степная
Утихнуть не желает ни на час.

У быстрых рек сердца остановились,
Потрескались источников уста.
В объятых гор леса, как стадо, сбились
И степь — пургой объятая — пуста.

Не высь ли на деревья, мглой туманной,
Отбушевав, садится на покой?
Иль то земля на звездный путь Саманный
Молочно-дымной катится рекой?..

И быстро-быстро сумрак наступает,
Дух человека бесприютно сир.
Сегодня горе грудь мне затопляет,
Сегодня в горе погружен весь мир.

Я медленно кишлачною дорогой
Шел меж седых, глухонемых садов,
По берегу, где снега пласт убогий
Чернел узором галочьих следов.

О, даже здесь, на самой грани света,
Кишлак со мною в горе погружен,

Да, в этот час шестая часть планеты
В печали: в этот час скончался ОН!

И, утомленный, я остановился
В наполненной народом чайхане
И под напев метели погрузился
В воспоминанья о великом дне...

Открылось траурное заседание.
Оратор тихо начал свой доклад.
В глубоком и торжественном молчаньи,
Его словам внимали стар и млад.

И я читал во всех глазах решение:
«Клянусь твоим путем идти всегда.
Ильич, отец! Ты нашего селенья
Не позабыл, ты к нам пришел сюда!...»

Народ ушел. Темно. Лишь пахло чаем
И, затухая, тускло рдел мангал.
И я, воображеньем увлекаем,
Куда-то быстро вслед за ним шагал.

Свои законы есть и у мечтаний:
Я с детства — чуть сгустится темнота,—
Как птица, на коне воспоминаний
Мечтою мчался в прошлые лета.

Когда ж горела лампа, то бывало,
В грядущее я улетал всегда.
За дымные столетий перевалы,
Где блещут несказанные года...

На этот раз темна была стоянка:
Над тусклою жаровней потолок,
Как черный див над пойманной беглянкой,
Крылом нависшим небо заволок.

Когда-то чайхана была сторожкой
При крепости, где бек последний жил.
Он царствовал, как бешеная кошка,
И беспримерных зверств примером слыл.

Урда, как челюсть — хищными зубами
Усаженная — через люк дарчи¹,
Ощерилась над белыми садами,
Чернея глухо в снеговой ночи.

Слезами в каждой складке камня выбит
Рассказ о муках, погребенных здесь.
Щербленные клыки руина глыбит.
Как летопись насилий и злодейств.

Бек в преступленьях перегнал Заххака²,
Живую кровь сосал, как албасты³,
Пока навек не сгинул в бездне мрака,
Он сам — исчадь адской темноты.

О, сколько молодых надежд увяло,
Его дыханьем смрадным сожжено!
Стенает ветер в сумраке подвала
Как отзвук стонов, смолкнувших давно!

Как птицы, годы мчались косяками,
Был темен человека краткий век.
Юнцы мужали, мужи стариками
Согнулись: время таяло, как снег.

Но друга нет изменчивей, чем счастье,
Верблюд, упав, уронит каджавэ⁴.

---

¹ Д а р ч а — окно.

² З а х х а к — герой поэмы Фирдоуси „Шах-намэ“, деспот.

³ А л б а с т ы — злой дух, вампир.

⁴ К а д ж а в э — корзина.

Против Заххака, против самовластья
Из недр народа восстает Кавэ¹.

Свой грубый фартук, обоженный горном,
Подняв, как знамя мщения, кузнец,—
Хоть одинок был,— молотом упорным
Заххака трон разрушил наконец.

Но тысячи Кавэ в потоке жарком
У нас объединились меж собой.
И хижины рабов дворцам и аркам
Последний смертный объявили бой.

И этот бек, последыш века злого,
Исчез, пропал, как страшный сон ночной.
И воют над обломками бывшего
Теперь лишь совы в башне крепостной...

И, образами полный, из бездонных
Глубин веков, пред взором глаз моих,
Возник весь путь народов угнетенных
И гений, что привел к победе их.

Тот, перед чьим дерзанием разверзся
Скрывавший солнце вековечный мрак,
Кто пламенем неугасимым сердце
Свое зажег над миром, как маяк.

Кто дал права рабам, приют бездомным,
Кто научил нас мудрости побед,
Кто племенам, заброшенным и темным,
Дал радость, упование, жизнь и свет...

---

¹ Кавэ — герой поэмы Фирдоуси „Шах-намэ“, кузнец, поднявший народное восстание против узурпатора.

По ставням, воя, ветер бил все злее...
...И вдруг,— за миг до этого темна,—
Слепящим светом, молока белее,
Внезапно озарилась чайхана!

«Светильник Ильича» зажегся это.
И, как пловца отрядный манит берег,
Моя мечта — вослед потоку света —
В грядущее свой устремила бег.

И будто дальним пеньем соловьиным
Ударило мне в душу. И она
Неслась к цветущим, утренним долинам,
Счастливого предчувствия полна.

И песня о весне звенела властно
В душевной, сокровеннейшей глубин...
Порой холодной, ледяной, ненастной,
Поэт, весну и счастье полюби!

Нет места для зимы, как для недуга,
В долинах и садах родной страны.
В моей стране поют зима и выюга
О силе и могуществе весны!

Бессмертным солнцем Ленина согрета
Кровь наша, молодá и горяча.
В забытых кишлаках, на грани света,
Тьму сокрушила «Лампа Ильича».

А время стай птиц весенних реет.
И книга дней грядущих нам ясна.
Мужает отрок, старец молодеет,
И жизнь цветет, как вечная весна.

...Когда-нибудь, о нас рассказ слагая,
Грядущего бахши или поэт,

Дать внукам образ Ленина желая,
Расскажет притчу стародавних лет:

«Когда-то, в незапамятные годы,
Покрыт был вечным мраком небосвод.
В плену, не зная света и свободы.
В том мире темном жил один народ.

И вот родился муж в том мире темном,
Который всех от тьмы освободил.
Он сердце сделал светочем огромным
И мрак великий сердцем победил.

Он с тем горящим ало шамчирогом¹,
Светившим на столетия вперед,
По ярко светом залитым дорогам
К свободе, к счастью вывел свой народ.

И умер он. Но кровь его живая,
Кровь сердца, так чиста и горяча,
Что светит и досель, не угасая:
Ее зовем мы «Лампой Ильича».

То было в незапамятные годы,
Когда за счастье вышли в бой народы...»

---

¹ Ш а м ч и р о г — светильник.

НАСЛЕДСТВО

(Будущим командирам)

Трусые потеряли голову,
Богатыри вскипели в борьбе,
Подъехали, сошлись на поле брани;
Гремя саблями, пиками,
Ударили одни других,
Сколько раненых было!
(Из народного узбекского эпоса)

I

Смолк ружейный гром средь степей родных.
Недруг был разбит и бежал стремглав.
Небосвод теперь необычно тих,
Смолк ружейный гром, бурей отпылав.

Стих ружейный гром. Только ворог наш
Все еще живет. И не потому ль
Через горный кряж, пограничный кряж,
Долетают к нам злые тени пуль?

Смолк ружейный гром. Только все же вдруг
Выстрел полыхнет, разорвав покой.
Эхо вскинется и размножит звук.
И прокатится в высоте глухой.

Пронеслись бои в чадной дымной мгле.
Дым развеялся. Всюду тишина.
Ухо чуткое приложи к земле —
Трель кузнечика на заре слышна.

Но случайно ли, тишине назло,
О хозяине стонет добрый конь?..
Нет узды на нем, и сползло седло,
На копытах кровь, а в глазах огонь.

Друга давнего призывает он,
Друга сильного с саблей как алмаз,
Друга верного боевых времен,
С кем победу он добывал не раз.

Но ответа конь будет долго ждать —
У товарища не осталось сил.
Даже если бы стали тучи ржать,
Крик их воина б не разбудил.

О коне своем друг забыть не мог,
Но бойцу в седло не садиться впредь.
Он от многих ран тяжело занемог —
К горлу воина тянет лапы смерть.

Сапоги его тронул конь губой,
Вспомнил конь недавние времена,
Как джигит лихой на нем мчался в бой,
Прижимая звонкие стремяна.

Лишь сегодня друг оборвал свой путь,
Партизан упал среди седых песков.
Только час назад он, расправив грудь,
В скачке бешеной настигал врагов.

Сметена была ставка басмачей,
Блеском молнии вспыхнул сабли взмах.
Как змея спешит из норы своей,
Так стальной клинок задрожал в руках.

А кругом гремел рукопашный бой,
Как дехкан траву, друг косил врагов.
Острой саблею, грозной и кривой,
Защищая свой отчий дом и кров.

Подлый враг бежал, и, гонясь за ним,
Красный воин вдруг пулей был сражен.

Чтоб догнать врага по пескам седым.
Ринулся вперед красный эскадрон.

Партизан упал в желтизну песка.
Глянул партизан на родной простор,
Понял человек то, что смерть близка,
Рану на груди он землей натер...

А в ушах бойца гордый крик «вперед!»,
И еще в ушах ржание коня.
Это верный брат, конь любимый ржет,
Это стонет он, недругов кляня.

Прошептал боец:— Родина, прости,
Больше мне не встать, не летать в бою...
Лучше смерти нет, чем упасть в пути.
За святую цель жизнь отдав свою.

Только тело все не остынет враз,
Кровь еще течет, и душа жива,
Мысль еще видна в глуби темных глаз,
Сердце помолчит и пробьет едва.

Месяц не прошел, как ты стал женат,
Губ жены своей не познал ты всласть,
Потому что ты, родины солдат,
Защищать ушел праведную власть.

Солнце льет лучи, брызжет через край,
А огню в груди больше не гореть.
Молодая жизнь, навсегда прощай!..
Вот она когда наступает, смерть...

II

Только вдруг лицо заслонила тень.
Что это — вода или ветерок?
То ли облака в знойный летний день,
Чтобы солнца жар сжечь бойца не мог?

Нет, кругом друзья-воины стоят,
Недругов добив и идя домой.
Увидали все: молодой солдат
Принимает смерть твердо, как герой.

Вот напряг боец потускневший взор
И узнал друзей и сказал друзьям:
— Я еще дышу, я еще не мертв,
Я еще хочу слово молвить вам.

Счастливым был, друзья, мой весенний путь,
Только не успел я изведать благ.
Враг направил мне дуло прямо в грудь.
Меткий он стрелок, окаянный враг.

На коня теперь я не сяду впредь,
И не нужен мне яростный клинок.
Соколом хотел в небо я взлететь,
Но сломал крыло и взлететь не смог.

Завещаю вам пыл свой боевой,
Захлебнется пусть враг в моей крови.
Ненависть моя, будь всегда живой,
Горло сжав врагу, рук не оторви.

Не услышу вновь я дутара трель,
Не увижу я, как цветут цветы,
И весенних мне не ценить недель
И не понимать в мире красоты.

Враг стал поперек всей моей судьбе,
Счастье подрубил беспощадно он.
Мужа пусть найдет нового себе
Милая моя, нежная Ойхон...

И затих боец. Боль в глубинах глаз.
Плакали друзья, плакал верный конь.

Взгляд остекленел. Пульс навск угас.
Тухнет так в степи на ветру огонь.

Возле большака, где жасмина куст,
Предали земле война друзья.
Тот цветущий куст молод был и густ,
Вырос он в степи, свежесть принеся...

Сердца богатырь не сберег в борьбе.
Недруг, проклят будь до конца времен!..
Ищет мужа пусть среди живых себе
Юная вдова, нежная Ойхон.

III

— Где же мой отец? Мама, отвечай,
Я кого могу папою назвать?
— Твой отец, сынок, отбыл в дальний край,
Папа далеко,— отвечает мать.

— Что это за край? Так ли он далек?
Что там за места? Что за города?
— Подожди, сынок, подрастешь, сынок,
Все тебе сама расскажу тогда.

— А каков отец? Может, есть портрет?
Я бы на него только посмотрел...
— Мало жили мы. В сутолоке лет
Твой отец, дружок, сняться не успел.

— Что ж на память мне он оставить смог?
Неужели нет от него следа?
— Подожди, сынок, подрастешь, сынок,
Все тебе, сынок, объясню тогда.

Отвечает так и вздыхает мать.
Слезы жгут глаза, давит камень грудь,
Мать идет к окну и глядит опять
На бегущий вдаль бесконечный путь.

IV

Когда зацветет жасмин,
Пройди по той дороге,
Пройди и вспоминай
Тех, что сложили здесь головы.
(Из песни 20-х годов)

— Здравствуй, старый друг, мой жасмин
степной,

Ты навстречу мне ветви протяни.
Я доволен, брат, как всегда, тобой,
Сладко отдохнул я в твоей тени.

Я в полдневный зной вовсе изнемог,
Ты меня, жасмин, оградил и спас.
Глядя, как вспорхнул пестрый мотылек,
Я припомнил вдруг лет минувших сказ.

Пенистый родник протекает здесь,
Партизанским мы тот родник зовем.
У бурлящих вод холм могильный есть,
Спит в нем партизан беспробудным сном.

У прохожих всех надпись на виду,
Вихрь ее не стер, не покрыла пыль:
«Здесь в бою с врагом в памятном году
Мужественно пал партизан Фазыль».

А вблизи колхоз. Мимо каждый день
Едут и идут тысячи людей,
Их жасмин зовет, раскрывая тень,
И поит родник их водой своей.

Павшего бойца все благодарят,
Он погиб за то, чтобы цвел простор,
Чтоб струил жасмин нежный аромат,
Чтоб спускался к нам свежий ветер с гор.

Роднику отдал он любовь свою,
Жизнь свободную добывая нам,
Саблей бил Фазыль басмачей в бою,
Правду вечную открывая нам.

Ранним вечером молодой пастух
Достает свирель, у холма присев.
И взлетает песнь, и ласкает слух,
И о счастье нам говорит напев.

Что-то в этот год слишком цвел жасмин,
Что-то в этот год краше всех весна,
Будто вёсны все год собрал один —
Так напряжена и пышна она.

То не просто цвет на жасмине том —
Счастье края здесь расцвело сейчас,
Травы мягкие шелестят кругом —
От луны они не отводят глаз.

В час ночной сюда подскакал джигит,
Он нашел жасмин несмотря на тьму.
Долго он скакал, пылью он покрыт.
Значит, нужен был этот холм ему.

Юноша, открой, что ты ищешь здесь?
Ты не брил усов, статен ты и юн.
Добрый твой костюм запылился весь,
Ты зачем к седлу привязал хурджун?

Быстр, как вольный барс — сил не занимать,
Ловкий, стройный стан и бесстрашный взгляд.
Правильно юнца воспитала мать —
Вырос из него родины солдат.

Он семнадцать раз в жизни знал весну,
С детства он обрел светлую судьбу.

С детства он любил вольную страну,
С детства понимал всю ее борьбу.

Начал мальчик жить трудною порой,
Мир лежал кругом полный бурь и гроз.
Но взрастил юнца справедливый строй,
Правдой жить юнцу помогал колхоз.

Недруг правды той одолеть не смог.
Укрепила мощь родина труда.
В военшколу мчит нынче паренек.
Замыслы сбылись. Принят он туда.

На могильный холм все глядит джигит,
В думы погружась, позабыл о том,
Что, устав стоять, рядом конь храпит,
Что копытом бьет конь перед холмом.

Словно говорит мертвому юнец:
— Ты давно здесь спишь беспробудным сном.
Твоего лица я не знал, отец,
И о сыне ты не слышал своем.

Даже если б ты из могилы встал
И опять бы жил, родину любя,
Мимо б ты прошел — сына не узнал,
Мимо б я прошел — не узнал тебя.

Только ты, отец, очень дорог мне,
Кровь твоя всегда бьет во мне волной.
В детстве ты меня навещал во сне,
А когда проснусь — тоже был со мной.

Знаю я тебя, помню о тебе,
Пал ты как герой на своем посту.
Клятву я даю стойким быть в борьбе,
Речка и луна слышат клятву ту...

Нынче в путь большой выезжаю я,
Нынче в сердце чувств не могу унять.
Саблю на бедро прикрепляю я —
Эту саблю мне подарила мать.

Саблю уронил ты, упав с коня,
Что родится сын, ты и знать не мог.
Сабля подойдет нынче для меня —
Мне открылась даль боевых дорог.

Не ржавеет сталь! Пусть, от страха пьян,
Недруг, задрожав, уползет во тьму,
Саблю эту брал в битву партизан.
Командир растет — с саблей быть ему!

Застоялся конь и дороге рад,
Сразу взял разбег — только гикнул сын.
А джигит скакал и смотрел назад,
На могильный холм, где цветет жасмин.

К И С М Э Т

(СУДЬБА)

Под какой, скажи, звездой,
Над какой рекой-водой,
За какой горой седой,
В добрый час или худой,
На большие ли дела —
Мать сыночка родила?
Далеко ли путь его
От селенья своего
В земли дальние лежал,
Иль нигде он не бывал
Дальше ив и ручейка
Близ родного кишлака?
Прежде знал ли кто его,
Замечал ли кто его?
Верно, если кто и знал,
Замечал и уважал —
Это сверстники, друзья
И колхозная семья.
Где он рос, мужал и креп,
Добывал трудом свой хлеб
В поте честного лица,
Старших радуя сердца.
Дружно, весело текла
Жизнь семьи и жизнь села.
На собраньях говорил
Мало он. Застенчив был,

Красной девушки скромней.
Если сверстнице своей
(Той, что втайне он любил
И которой был он мил)
Скажет слово иногда —
Покраснеет от стыда.
Вот каков тогда был он,
Наш отважный Кучкарджон.
Не гадалщик я, а враг
Всяческих гадальных врак.
Коль заведомо не лгать,
Очень трудно предсказать
Человеку поутру,
Что с ним будет ввечеру.
Всем хорош был наш Кучкар.
С молоду имел он дар
Трудолюбья, силы рук.
Был он добрый, верный друг,
Да, но кто же знал тогда,
В те недавние года,
Что Кучкара слава ждет,
И что весь родной народ
Будет чествовать его,
Как героя своего?
Так по небу иногда,
Как по озеру суда,
Безобидные на взгляд,
Тучки легкие скользят...
Но и часу не пройдет,
Все пойдет наоборот, —
Небо примет грозный вид,
Почернеет, загремит.
Тучи с шумом налетят,
Копья молний заблестят,
Ливень с градом, как поток,
Грянет — крупен и жесток.

Как гроза, война пришла,
Ширь земную потрясла.
Виноградникам, садам,
Кишлакам и городам,
Матерям, седым горам,
Ручейкам, степным ветрам,
Пиалам, где стынет чай,
Мы промолвили: «Прощай!»
И друзьям сказав: «Прощай!»
В путь собрался Кучкарбай.
Мать всплакнула. (Что скрывать?
Ведь на то она и мать!)
Сын-джигит у ней один,—
Гордость он ее седин,
Бесконечно дорогой,—
Уезжает в край родной...
Но смахнув слезу со щек,
Молвила: «Прощай, сынок!
Поезжай, счастливый путь!
Будь здоров, отважен будь!..»
И смущения полна,
Быстроглазая одна
Девушка, держа в руке
Сласти в белом узелке,
Молвила: «Издалека
Ждем вестей от вас, ака!»
Но в тот миг гудок завыл,
Ее голос заглушил
Свист паров и гром колес.
Слон огромный — паровоз,
Запыхтев, загрохотав,
Тяжкий потащил состав...

Дни и месяцы прошли.
Дома писем издали
Ждут от сына своего,

И однажды от него
Почтальон письмо принес:
«Здесь и вьюга и мороз,
Но здоров я. Мы — в боях.
Перед нами всюду враг
Отступает и бежит.
Путь наш к западу лежит.
Мой привет друзьям, родне,
Всем, кто помнит обо мне,
И соседке молодой,
Девушке хорошей той!»
Уж к концу идет зима,
От Кучкара нет письма.
Вдруг из северной земли,
Будто ветры донесли
Весть чудесную о том,
Что великим храбрецом
Оказался их Кучкар.
Слушают и млад и стар
Речь по радио:
«Внимай,
Радуйся узбекский край,
Он — твой сын!»
Его портрет
Смотрит со страниц газет.
Узнает его кишлак.
Рад его увидеть всяк.
Раньше чем письмо домой
Отослать успел герой,
Разнеслась везде кругом
Слава громкая о нем.
Сазы подняли бахши
И запели от души:
«В честь тебя, Узбекистан,
Я слагаю свой дастан,—
Ты такого, как Кучкар,

Дал орла отчизне в дар!
Пусть в боях он будет цел,
Чтобы враг урон терпел.
Слава же его отцу,
Честь и слава удальцу!»
Весть о нем лишь разнеслась,
Песнь в народе родилась —
Зазвенела, зацвела —
Про Кучкаровы дела.
Как оставшийся один
Он, как некий исполин,
Храбро ринувшись вперед,
Ворвался во вражий дот,
И фашисту, что кричал:
«Эй, сдавайся!» — отвечал —
На ответ остер и скор —
Витязь выстрелом в упор.
Если враг тебе грозит,
Пулей отвечай, джигит!
Так с отрядом целым в бой
Доблестный вступил герой.
Пулей одного свалил.
В грудь другому штык вонзил,
Остальных же в плен забрал,
Крепко руки им связал,
Победил отряд в бою.
И на сторону свою,
Через поле, под пургой,
Пленных гонит пред собой...
Гуще снег, метель лютей.
Ветер валит с ног людей.
Сколько хочешь, снег, мети —
Но фашистам не уйти!
Чу — как будто конь заржал, —
То разъезд наш прискакал.
Пушка грянула вдали, —

Наши части подошли...
Сквозь пургу Кучкар идет,
Пленных пред собой ведет.
У Кучкара тонкий нюх,
Острый глаз и чуткий слух.
Словно пойманных волков,
Не упустит он врагов.
Свой родной, далекий край
Вспоминает Кучкарбай...
Там теперь цветет урюк,
Взгорья зелены вокруг.
Там вода буйна, шумна —
Пробужденная от сна.
Там в блаженном забытьи
Свищут в рощах соловьи,
Веют теплые ветра,
Весел ночью блеск костра.
Там Кучкара ждет семья,
Ждут колхозники-друзья,
Ждет высокая луна,
Ждет и девушка одна...
«Ох, родная Фергана,
Золотая сторона!
Стосковался я, Аим¹,
По ночным садам твоим,
Но дорогу лишь одну
Знаю я на Фергану:
Через фронт — на запад — лег
Путь, ведущий на восток.
По снегам закатных стран
Путь в родной Узбекистан.
Через всю Россию лег
Путь джигита на восток!
Лишь когда мы победим,

---

¹ Аим — кишлак, родина Кучкара Турдыева.

Я вернусь к садам родным!»
Вот и штаб уж недалек.
Через поле, через лог
Гонит витязь под пургой
Пленников перед собой.
Мысль его ясна, проста,
Совесть у него чиста.
Грудь врага он сокрушил,
Долг священный совершил.
Есть у наших стариков
Присказка: «Хоть сто волков
Будь в лесу, но лишь один
Лев над лесом властелин».
К западу идет герой,
А за ним,— на грозный бой,
Ободряя грудь его,
Озаряя путь его,—
Вдохновляющее шлет
Слово весь родной народ...
Под какой,— скажи — звездой,
Над какой рекой-водой,
За какой горой седой,
В добрый день или худой,
На большие ли дела
Мать джигита родила?
Далеко ли путь его
От селенья своего
В земли дальные лежал,
Где он в мире побывал?
Люди знают ли его,
Уважают ли его
Кроме сельщины своей
Да колхозников-друзей?
На вопросы эти вам
Наш рассказ ответит сам:
Под счастливую звездой

И счастливою порой,
За серебряной горой,
Чтобы вырос сын-герой,
На высокие дела
Мать джигита родила.
От горы родной вдали
По путям иной земли
Он поездил, погулял,
Он в столицах побывал.
Не один родной Аим —
Вся страна — гордится им.
Вождь СССР всего —
Знает мудрый муж его!

А К С А К А Л

Посвящается памяти Ахунбабаева

I

Мой друг, будь спутником сегодня для меня.
Не спрашивай путей, не бойся расстояний,—
Садись на моего крылатого коня
И полетим с тобой в страну воспоминаний.
Он старый большевик, могучий, точно сталь,
Он добрый человек, отзывчивый, сердечный.
То на лице его написана печаль,
То полон смеха он и радости беспечной.
Слегка прищуренные ясные глаза,—
Глаза, что для добра сияют точно зори,
Глаза, в которых скорбь и горькая слеза,
Когда пред взглядом их людское горе.
Открытый мудрый лоб — экран высоких дум,
Уста, что созданы то для улыбок ясных,
То для речей пленяющих и страстных,
Все тайны бытия в себя впитавший ум.
Как сказочный Рустам, могуч, широкоплеч,—
Величие горы гранитно-вековое,—
Он был рожден, чтоб родину беречь,
Он был рожден — быть родины главою.
Он близок каждому в своей родной стране.
Вот почему страна ему сказала:
«Как некогда земля поверила весне,—
Так верим мы тебе. Будь нашим аксакалом».
Хороший муж, товарищ благородный,
Прославленный в народе аксакал,

Герой рассказов и легенд народный
По родине своей проходит аксакал.

II

Он славным был правителем, но он
Эмиром не был, не был падишахом.
Он почестью в народе окружен;
Она любовью создана — не страхом.
Заботливый в стране своей родной
Он знает все: что нужно для дехкан,
Пойдут ли сели этою весной,
Поднимутся ли воды Заравшана.
Почем в Хорезме хлеб, что замышляет враг,
Как стебли хлопка вырастают ныне,
На сколько долек; как полив и как
В Чусте на яблони упал осенний иней.
В Ташкенте находясь, он слышит, как в Хиве
Летит гусиный стан, как мастера Термеза,
Задорно соревнуясь в мастерстве,
Бьют молотами звонкое железо.
Он старцам юные сердца влагает в грудь;
Он, точно водолаз, изведаль море жизни,
У всех в его отчизне ясен путь,
Несчастных больше нет в его отчизне.
Печать и подпись он берет в дорогу.
Здесь разъяснил он, там он приказал...
К усердным ласковый, а к нерадивым строгий
По родине своей проходит аксакал.

III

Его приветствуют тенистые сады,
Веселые огни приветствуют его.
Кивают ветви яблонь и джиды,
Садовника увидев своего.

В своей отчизне знал он каждый плод.
Нет деревца в стране, которого б не знал он,
Пшенице, машу строгий вел учет
И сам порою трактор исправлял он.
Шоферу своему он был проводником,—
Нет уголка в стране, в котором он бы не был:
Земля ему бывала тюфяком
И одеялом — голубое небо.
Его не утешал ни ураган, ни гром.
В кипении борьбы ему чужда тревога.
Он не боялся встретиться с врагом —
Ведь у него друзья на всех дорогах.
Востока истый сын, где он открыл исток
Науки управления страную?
Кто был учителем, кто дал ему урок?
Народ и Ленин. Только эти двое.
Велики дни его и славны, как он сам,
Они прошли, в лучах свободно расцветая.
Прошли в полях, прошли по цветникам,
Прекрасным, как его улыбка молодая.
В своей стране садовник первый он.
Немало яблонь бережно взрастил он.
«Все с кровью рождено. Таков судьбы закон»,—
Бывало, улыбаясь, говорил он.
Всем радость, счастье дать в стране свободы,
В достатке видеть всех — так он мечтал.
Проходят месяцы, проходят годы
По родине своей проходит аксакал.

IV

«Ака» зовут его соратники в Совете,
«Ота» зовут его юнцы и старики;
Далеких детских лет его друзья, соседи
Всегда гордятся: «Мы с ним земляки!»
Друзей далеких лет не забывая.

Пору минувших дней он в памяти хранит.
Вот он с друзьями на супе¹ сидит,
И круг обходит чаша круговая.
Дутар напевом древним зазвучал;
И закачались плечи в такт дутара.
И в бороде хотя уж серебрится старость —
Сам запеваёт песню аксакал.
«О, где возлюбленная ты, где сладостная ты?
Красой твоей покорены в моем саду цветы».
И вторя, весь кишлак поет вослед за ним.
Так любит он друзей, так ими он любим,
Потом детей он соберет окрест,
И в щедрости щедрее Хотантая,
Бекмес, конфеты дарит, не считая,
И праздник для детей его приезд.
«Ты вырастешь — ученым будешь? Да?
А ты, конечно, — славным комиссаром?
И я к тебе приеду старым-старым.
Как гостя, примешь ли меня тогда?»
У девушки он спрашивал: «Когда же
Твоей счастливой свадьбы справим той?»
И жениха ей находил, и даже
Сам был на свадьбе славным тамадой.
Увидит на поле, что парень еле-еле
Ворочает кетмень, — возьмет его кетмень —
«Вот как бывало раньше мы умели!
А что же ты?» — и пристыдивши лень,
Арык отроет вмиг, как будто он Фархад,
В труде своем не знающий преград.
В веселье и в делах по праву — аксакал.
Сидит всегда он на почетном месте.
Вот вдалеке запел певец и в песне
Не в лад высокой нотой зазвучал.
И Юлдашбай-ака, закрыв глаза, с досадой

---

¹ Супа — глиняное возвышение для отдыха.

Так говорит: «Смотрите-ка, друзья,
На этого, превыше веток сада
Взлетевшего дурного соловья!»
И смех веселый по собранью льется,
И сад, и сай, и дом, и весь кишлак смеется;
Где он — там речка веселей струится,
И веселей кирка ломает сердце скал,
И к мудрому к нему обращены все лица...
По родине своей проходит аксакал.

V

Глава республики, он надписью своей
Скрепляет справедливые законы.
Он скажет — на просторы площадей
Выходят праздничные стройные колонны.
Поэзия влечет его давно.
Порою, сидя на коврах айвана,
Раскроет он страницы «Чар-дивана»
И пьет газелей звонкое вино.
Он думает: «Сегодняшний приказ
Как раз ответом на газель вот эту.
Нет, право, памятник бы этому поэту.
Был рад бы Навои, когда б он жил сейчас».
Порою книгу старой медицины,
Скорбя чужой бедой, листает он. «А вдруг
Какой-нибудь седой табиб старинный
Знал, чем смиряют этот злой недуг».
Увидит дерево, что сам взрастил когда-то,
«Пусть будет детворе его румяный плод.
Как быстро выросло, как пышно, как богато!
Вот он — наш сад, что время не сотрет».
Навстречу гостю, ласковый, сердечный,
Выходит сам; расскажет анекдот
О славном Насреддине — смех беспечный,
Как море, всех собравшихся зальет.

«Бессмертно — доброе!» Он станет у окна,
Следит за облаков жемчужною чредой,
«Как тополя стройны! Как хороша весна!
Века бы жить на родине такой!»
Потом — за стол. В руке его перо,
Пред ним приказы, планы посевной,
Очередной отчет Информбюро,
Пособье вдовам, съезд очередной...
Все перечесть, найти ответ всему,
Секретарю напомнить своему,
Что нужно приказать, кому помочь...
А между тем уже уходит ночь,
Уже зажглась румяная заря...
«Нет, право, эта звонкая весна
В отчизну нашу навек влюблена!
Не так ли?» — спросит он секретаря.
«Враг будет побежден, вернется радость вновь,
В земле истлеет вражья плоть и кровь.
Не может сель сломить гранитных скал.
Скорей бы этот день — одно мое желанье...»
Закрыв глаза, он весь ушел в мечтанья...
По родине своей проходит аксакал.

VI

Друзья! Как тяжело, что наша жизнь не вечна,
Особенно, когда так дорог человек!
Да! Слава доброго ярка и бесконечна
И голос доброго живет в журчаньи рек,
В гудении ветров... Но мы б хотели
Видать его в саду, среди полей,—
Каким мы жарким пламенем горели
От страстного огня его речей!..
Вновь на открытии нового канала
Его увидеть, праздник встретить с ним...

О, жалость! Беспощадно смерти жало.
Нам больше не видать его живым!

· · · · ·
Последний час зимы. Как раз — час ночи.
Вселенная открылась весне.

Слезой туманит скорбь отчизны очи.

Стыдится солнце известить о дне...

В дороге, в поезде я услышал об этом...

Последний час зимы... последний час...

Как может мозг вместить поэму без поэта!

Я даже растерялся — он угас!..

Ведь с именем его так не созвучна смерть.

Со стоном вьются птицы над холмами,

И лошади дробят копытом твердь —

«Где наш наездник?» И шумят ветвями,

Тоскуют яблони: «Приди, садовник наш!»

Тоскует песнь. Тоскует фарфор нежный

Глазированных нежноцветных чаш.

Безбрежна боль, печаль о нем безбрежна.

«Я воспою его звенящими стихами,

Сложу дастан о нем» — поэты говорят...

Друзья! Бессмертен он, он жив, он с нами,

Смотрите. Вот он устремляет взгляд

На горизонт. Он ждет сынов могучих,

Ушедших отстоять отчизны жизнь и честь.

Они придут, рассеет ветер тучи

И солнцем для него блеснет победы весть...

Он видит нас, как прежде нас видал.

Друзья! Он здесь, он рядом с нами; знайте:

Приказывая нам — боритесь, побеждайте!

По родине своей проходит аксакал.

ОДИННАДЦАТЬ

Посвящается памяти одиннадцати Героев Советского Союза, героически погибших, защищая важную в стратегическом отношении высоту от превосходящих сил фашистских захватчиков на Сталинградском фронте в годы Великой Отечественной войны.

I

Одиннадцать мужей стальных
Для доблести — немалый счет,
Чтоб стать в бою для остальных
Легендой, рвущейся вперед.
Был каждый молод и могуч,
Как сокол юга быстрокрылый,
Ласкал в пути их ветер милый,
Будил под утро солнца луч.
И, прославляя край родной,
Все шли дорогою степной,
Все жили славою одной.

II

Восток из мирной стороны
Собрал их всех в одном строю,
Чтоб каждый честь своей страны
Мог отстоять с врагом в бою.
Подруги провожали их,
И в час недолгий расставанья
Шептали нежно: до свиданья!
Но знал ли кто-нибудь из них,
Что, презирая смерть и страх,
Узбек, татарин и казах
Уснут смертельным сном в степях?

III

Великий город — Сталинград!
Жить мужеством — его закон;
Бойцы его на том стоят,
И стойкостью прославлен он.
Здесь дрогнувших не видел враг,
Здесь трус завидует герою;
Оружие готова к бою,
Одиннадцать сказали так:
— Нам в руки меч вручил народ
И город славы не падет.
Нет, Волга вспять не потечет!

IV

И стражей на холме встает
Сплоченный мужеством отряд,
Напрасно рвется враг вперед —
Твердыней витязи стоят.
Ревет железный вал у ног,
И смерть глядит в лицо герою.
Так смерч, не справившись с горою,
Вздымает до небес песок.
Стеною витязи стоят,
Не дрогнул боевой отряд:
Нет воину пути назад!

V

Не так уж холм степной высок,
Но глянешь вдаль с его высот —
И милый край, родной Восток
Перед глазами поплывет.
Увидишь над грядой песков
Край неба, близкий и туманный.

Плывут на запад караваны,
Малютка спит в тени садов.
Старик-садовник в сад идет
Собрать плоды, а у ворот
Конь ключевую воду пьет.

VI

А по осенней колее
Идут обозы и войска.
И на реке Амударье
Видны суда издалека.
А дальше — двор за кишлаком
И у калитки мать родная,
Героя-сына вспоминая,
Зовет его подругу в дом.
И это все под вихрем бед
Должно упасть? Свалиться? Нет!
Нет!.. — вторит эхо им в ответ.

VII

Опять враги на штурм идут,
И наглы мастера резни,
И трупы под холмом растут,
Уже как холм второй они.
Свист пуль. И грохот. Треск гранат.
Земля взлетает кверху. Травы
Примяты. Пьяные оравы
Откатываются назад.
Стоят одиннадцать сынов,
Одиннадцать могучих львов,
Одиннадцать — гроза врагов!

VIII

Что прах, что горсть земли? Пустяк!
Из праха прах не прорастет.
Но горсть родной земли — кишлак!
День, выигранный в битве, — год!
Забудь, что край велик, земляк!
Ведь став к врагам твоим спиною,
Простишься ты с землей родною.
А кто ты без нее? Чужак!
К врагу лицом, к холму спиной,
Одиннадцать в траве степной
Жизнь отдали за край родной!

IX

Не знает отдыха герой
В начале жизни и потом,
Одиннадцать нашли покой,
Припав к бессмертию лицом.
На помощь к ним полки спешат,
Идут на помощь батальоны.
Не встанет пулею сраженный:
Одиннадцать в траве лежат.
Глаза открыты. Гордый взгляд
Врагов бегущих видеть рад.
Не дрогнул город — Сталинград!

X

Легенды смерть переживут, —
Бессмертна родина моя!
Священным матери зовут
Тот холм, где пали сыновья.
Легендой стали в наши дни
Одиннадцать мужей Востока,

И весть о них бежит далеко,
Легендой обросли они,
Легендой стал священный прах,
Поют о них в родных степях
Узбек, татарин и казах.

XI

Вам не к лицу печальный стих,
Не время слезы проливать,
Как жаль, что рифм нет золотых,
Чтоб вас одной короновать,
Кто знает, что в последний час
Вам обещало солнце юга
О чем шептала вам подруга,
Не вы, — они в долгу у вас!
В долгу луч солнца, облака,
Хорезм и степи кипчака
И эта гордая строка!

ПОЭМА О ТАШКЕНТЕ

Посвящение

Кочует в руслах вековых вода,
Не вечны мы, но вечны города.
В них оставляет каждый человек
Иль прочный дом, построенный навек,
Иль дерево плодовое в саду,
Или детей и внуков череду,
Иль песню, или острый анекдот,
Что поколения переживет.
Или такую кладку крепких стен,
Что и в веках не знают перемен.
И вот, когда я город свой хвалил,
Сперва со мной ты не согласен был:
«Боюсь — преувеличен твой рассказ!»
Потом, когда ты побывал у нас,
Сказал ты: «Очень город ваш хорош
Увидев, красоту его поймешь!..»
И я решил в поэме воплотить,
Все, что не мог в рассказ изустный влить.
Всю к дорогому городу любовь,
Былые годы, радостную новь.
Всем, кто в Ташкенте жил или живет,
Кто образ города в душе несет,
Всем посвящает эту песнь поэт,
Как дар свой и как дружеский привет,

Когда перо взяла моя рука,
 Знакомого я вспомнил старика,
 Рассказ его о горестной судьбе
 Народа и о тягостной борьбе
 С сатрапами, о муках и цепях,
 Когда на троне был Ак-падишах*.
 В Сибирь старик когда-то сослан был,
 Где свод небесный чашей ледяной стыл.
 Он мне рассказывал: «Бежали мы,
 Шли по тайге, среди глубокой тьмы.
 Мороз ударил, шли мы без пути,
 И думалось— от смерти не уйти...
 Мы молча шли; подобрался народ
 Суровый, закаленный средь невзгод.
 Огнем сполохов пламенела высь,
 От стужи лютой цепенела мысль.
 Казалось, в сердце застывала кровь,
 С трудом мы до привала добрались.
 Был леденящий ветер жгуч и дик,
 От стужи не ворочался язык.
 И вдруг пронесся в тишине ночной
 Тоскливый возглас: «Ах, Ташкент родной!»
 Мы обернулись: что за человек?
 Глядим — понурый, пожилой узбек
 Сидит, вздыхая: «Ах, Ташкент, Ташкент!»
 И поднялся и ожил в тот момент
 В душе моей залитый солнцем край.
 И вздох, что был подслушан невзначай,
 Казалось, в сердце каплю влил тепла,
 И слабая надежда ожила,
 Что, может быть, вернемся мы домой,
 Что, может, будет жизнь у нас иной.

---

* Ак-падишах — русский царь (буквально „белый царь“),

Во тьме и стуже солнце вспоминать,
Ведь — это ночь лучами разогнать!..
Как будто солнце у меня взошло
Тогда в груди... И лето ожило...»

II

Когда о Ташкенте при мне говорят,
В глазах моих яркие солнца горят,
Горячее лето, и множество лет,
И тени деревьев, и солнечный свет...
О солнце мое, собеседник отцов!..
«По солнцу живи!» — их обычный привет.
Мой друг, если летом ты здесь не бывал,
Ты, значит, и лета еще не видал.
В чирчикской долине оазис цветет,
Там солнце с зарей на работу встает,
Оно поднимается раньше людей
На труд — в золотистой спецовке своей.
И я это солнце прославить хочу,
Как чашею строчкой поздравить хочу.
Кому здесь хоть раз привелось побывать,
К Ташкенту привяжется тот человек.
И солнце лучистую ставит печать,
Как в паспорте — в памяти, в сердце навек.
«Коль нашей воды воробей изопьет,
Он даже из Мекки сюда прилетит!»*
Тенист и отраден здесь лиственный свод,
И щедро земля золотая родит.
С древнейших времен это солнце всегда,
С красавицей сравнивал каждый певец,
Я солнце зову «исполином труда»,
Оно нам помощник и добрый отец.
Звалось оно — «Роза», «Светильник»,
«Тюльпан»,

---

* Узбекская народная поговорка.

«Невестой» оно и «Владыкой» звалось,
Но есть в прославлениях древних изъясн,—
Трудам его места в стихах не нашлось.
Приветлив ласкающий ветер весны,
Когда опьяненно сады расцвели.
Любовь, незабвенные юности сны,
И блеск и заря пробужденной земли,
Так что ж зарифмовать «Гуль» и «Бюль-
Бюль»,

Идти проторенной в столетьях тропой?
Сумей восхвалить раскаленный июль,
Величие знойного лета воспой.
Я — трудолюбивое солнце пою,
Я — славу и почесть ему воздаю.
Оно поднимается, как хлебопек,
С улыбкою доброю глядя на мир,
И тесто мяса, чтоб испечь его в срок
К полудню — оно раскаленный тандыр.
К закату, когда холодеет оно,
Патыром* духмяным желтеет оно.
Когда разливает свой зной саратан,
Без отдыха солнце на службе стоит.
На небе оно, как в кругу пахлаван,
Что всех ротоборцев один победит.
Так в долгую пору асада, когда,
Как синее пламя палит небосвод,
Оно, как ягнят белорунных стада,
Поля беспредельные хлопка пасет.
И солнце и лето я славлю давно,
Взращен я его животворным теплом.
Исследуй Салара кремнистое дно,
Ты солнца узоры отыщешь на нем.
Рассыпано щедрое солнце везде,
Обилие наше даровано им.

---

* Сдобная лепешка.

Но предки томились в труде и нужде...
Знать, было и солнце у них не таким.
Огромное солнца хозяйство народ
В свои величавые планы включил...
Нас партия к светлому счастью ведет
Дорогой, что Ленин народам открыл.

III

Повесть этого города очень стара,
Корни повести в тысячелетья ушли.
Эту книгу листали событий ветра,
Их приметы размыты слезами земли.
Кто о них мне расскажет? Свидетелей нет,
Птицы, травы живут не по тысяче лет.
Рассказали б о прошлом страны, может быть,
Камни, если б могли говорить.
Букв арабских узор на коряблых листах,
Черета позабытых и славных имен...
Фолианты старинные перелистав,
Я разыскивал смысл в устремленьях времен.
Одного поколения жизнь коротка,
Но в рядах поколений бессмертен народ.
Жив и борется он, хоть проходят века,
И надежды звезда его дальше ведет.
Видно, чтоб не зиял меж столетий провал,
Чтобы нить человечества не порвалась,
Чтобы жизнь в поколениях народ отстоял,
В нашем сердце к свободе любовь родилась.
Да, великая книга столетья живет,
И надежда извечная есть в письменах:
День настанет, обрушится каменный свод
Зла и гнета, и стены развалятся в прах!..
Книги, вы как советчики с нами всегда:
На страницах проходят былые года,
Незапамятные говорят времена,
И старинных героев звучат имена.

Пролетают века на страницах за час...
Вы смеяться порой заставляете нас.
Вот к неведомым далям плывут корабли,
Войны грозно проходят по лику земли.
Краткий мир наступает, наука цветет,
И восходит на башню свою звездочет.
Но и книги бросают в минувшее свет,
Ты сказал бы, не далее тысячи лет.
А из мрака, где хроник теряется взгляд,
Голоса отдаленных преданий звучат.
Словно туча, враждебные дивы встают,
Пахлаваны чудовищ в сражениях бьют.
Словно реки в ущельях неведомых гор,
Струн древних сказаний ведут разговор,
И в дастанах, чьи бейты хрустально чисты,
Блещут образы мужества и красоты.
Слушал много и жадно я в жизни моей
Старых сказок, преданий и повестей
От садовников, медников и пекарей
Вечеру на пороге прохладных дверей.
Еще до Искандера здесь город стоял,
На базары с яолсвета съезжались купцы,
Стекла в рамы веранды стекольщик вставлял,
Пили воду из синих прудов кузнецы.
Чачский лук* среди витязей был знаменит,
Тетива его в давних преданьях звенит.
И над щедро политою древней бахчой
Конус высился башенки сторожевой.

IV

Слава дедам, что здесь, у слияния рек,
Стены первые ставили, кров возвели,

---

* Лук, изготовленный в Чаче (древнем Ташкенте). Он славился своей добротностью на всем Среднем Востоке.

Чтоб зимой не грозили им ливень и снег,
Здесь они поселились и дом обрели.
Здесь земля плодородная, вдоволь воды,
В изобилии зреют на солнце плоды,
Здесь привал на большом караванном пути —
Место лучше для города вряд ли найти.
Здесь Востока и Запада древняя связь.
Сборы пошлин, торговый немолкнувший шум...
И ревели верблюды, в пути истомясь,
Из Китая с шелками шагавшие в Рум*.
Слава тем, кто назад тому тысячу лет
Основали здесь город, что звался Бинкет,
По далеким степям кочевали они,
«Стой!» — Чирчик увидав, закричали они.
Все же тем, кому строить каналы пришлось,
Здесь, у праздничной скатерти, мест не нашлось.
Были щедрыми солнце, земля и вода,
Только люди труда голодали всегда.
Ибо люди труда были только рабы
И презренные пасынки в доме судьбы.

V

Я помню старый мост через Анхор,
Урда** была здесь — прежде — княжий двор.
Уж нет дворца и властелина нет
Осталось лишь название с давних пор.
Беклярбеги в Урде когда-то жил,
Ему была подвластна вся страна.
Но глиняный фундамент рыхлым был,
И бек исчез, и рухнула стена.

---

* Под Румом подразумевались в древние времена малоазийские владения Византии и Греции.

** В феодальных ханствах это цитадель, где жили правители.

Забвенью время быстро предает
Все, что увяло, где царил застой.
Преданье лишь о крепости живет,
Но крепость сравнена давно с землей.
Теперь все это так... Но ведь тогда...
С тех пор уже столетие прошло —
Дрожали все пред именем «Урда».
Дремотно время, как Сейхун, текло.
Скрипя, тринадцать городских ворот
Здесь открывались рано по утрам.
Вступали караваны. Шел осмотр,
Сбор пошлины с товаров разных стран.
И если полноценен был товар,
Его перевозили на базар.
И там весь день перепродажа шла,
Убыток — тем, другим — барыш несла.
И снова из тринадцати ворот,
Едва заря рассветная блеснет,
На юг, на север караваны шли,
Скрываясь медленно в степной дали.
Порою в те ворота, словно вихрь,
На обнаженных саблях смерть неся,
Влетали с гиком толпы верховых
Топча, уничтожая все и вся.
Порою бек-разбойник нападал,
Как коршун, караваны разбивал.
Тянулась иногда издалека
Сюда эмира алчная рука,
Невольников и золото брала,
И грабила, и вешала, и жгла.
И чуждых шахов иногда войска
Шли с шумом, словно бурная река.
И после них на месте городов
Руины оставались на века.
Кипели племена, народ вставал,
Захватчиков надменных изгонял.

Но вскоре новый хищник приходил,
Опять людей он грабил и казнил,
Взимали в Шаше с каждого двора
Замят — то Самарканд, то Бухара:
Шли непрерывно распря и война,
Изнемогала в бедствиях страна.
То налетал Коканд, а то Кипчак,
И для отпора в ход пускались вновь
Стрела и сабля, камень и кулак —
Сильнее смерти к родине любовь.
И если бек в беде был ротозей,
То на совете избранных мужей
Отнять решали у него печать
И прочь его из города прогнать.
Междоусобий вековое зло
Губило труд, здоровье, ремесло.
Все было бедствием омрачено,
Был край цветущий гибелью объят,
И городскому люду уж давно
Осточертел кровавый этот ад.

VI

Бывало: степью — из конца в конец —
От Бухары до волжских берегов,
Со стражею наемною купец
Гнал беспокойно лошадь средь песков.
У нас повсюду славились давно
Московский яркий ситец и сукно,
В больших котлах уральских лучший плов
Варился у кокандских поваров.
И срок настал. Российские полки
Вошли в пределы солнечной земли.
Великие преодолев пески,
Они к стене Ташкента подошли.

Привратник, видя копыя сквозь туман,
Сказал: «Там войско, а не караван!»
В упор орудья грянули огнем,
И в дряхлых стенах зазиял пролом.
Хоть в каждом закоулке затаюсь,
Еще толпа отчаянно дралась,
Уже отряд сарбазов был разбит,
И всем, казалось, гибель предстоит.
Тогда седые города отцы —
Старейшины и судьи, и купцы —
Сошлись в Большой мечети на совет.
В тревоге видя, что исхода нет.
Один подумал о семье своей,
Другой подумал о земле своей.
Один подумал о своих стадах,
Другой подумал о своих садах.
Один о доме, где детей взрастил,
И о святыне дедовских могил.
Один за свой болеет вилайет,
Тот, этот — в хадж* идти дают обет.
Все думали, что хватит крови им.
Один, по странам ездивший чужим,
Сказал: «О вы, наставники, отцы!
Урусов я встречал в краях чужих.
Есть люди справедливые у них,
Доброжелательные мудрецы».
И старцев городских решил совет:
«Сопrotивляться дальше смысла нет.
Все в божьей воле, всякий поворот,
Пусть мир на нашу землю низойдет!
Кто может будущее предсказать?
Зачем нам кровь напрасно проливать?
Нам горы бедствий принесет война,

---

* Х а д ж — паломничество в Мекку.

А прибыли не будет ни зерна.
Нельзя идти наперекор судьбе,
Погибель нам в бессмысленной борьбе.
Мы жили, мирного не зная дня,
В тревоге постоянной, в море зла...
И так уж ханов злобная грызня
До разоренья землю довела.
«Хвала аллаху — как гласит коран.
Урусият* стеною станет тут,
Не то франги** придут через Афган
И в рабство нас, как негров продадут.
России мы покорность принесем
И жизнь в ее убежище спасем».
Решенье узаконили. И вот —
Казии, аксакалы и тура***
Из Камаланских Северных ворот
Под белым флагом двинулись с утра.
Мулла-имам серебряный поднос
С тринадцатью ключами русским нес,
С ключами от тринадцати ворот
Торжественно он выступил вперед.
Тринадцать эти — не простых ключей —
Тринадцать старых золотых ключей,
Теперь уже не нужных никому,
Вручил он генералу самому.
И над страной из-за Уральских гор
Крыла орел двуглавый распростер.
Был царь и был эмир. Теперь народ
Душил двойной невыносимый гнет.
Грабитель жадный, взяточник, делец
Край разоряли из конца в конец.
Тот, кто все это видел и следил,

---

* В разговорной речи так называлась Россия.

** Франг — европеец.

*** Чиновники.

Их в «Господах Ташкентцах» заклеил.
Всем были видны эти «господа»,
Но видели немногие тогда,
Что за войсками следом в Туркестан
Шел из России новый караван.
И не грабитель в караване том,
Ученый, археолог шел с врачом,
Учителя и инженеры шли,
Они добро и свет с собой несли.
И с той поры судьба моей земли
С Россиею связалась навсегда.
И зовы революции пришли
К забитым людям рабского труда.
Глаза свои правдолюбивый дух
Навстречу Солнцу Севера открыл.
Зов огневой восстанья не потух —
Рассвет свободы землю озарил.
Народы подымались в строй борцов,
Как братья, против тронов и венцов.

VII

Там, где стояла ханская Урда,
Чье имя с карты стерто навсегда,
Бегущий в степи с отдаленных гор,
Бурливый, желтый катится Анхор.
Садится солнце, отражаясь в нем,
Окрасив волны золотым огнем,
Слешит, всегда торопится вода...
Ее ты называешь молодой,
Но приглядись — она, как мир, седа.
Она, как образ времени живой,
Как образ мира, движется всегда,
Вослед волне, смеясь, бежит волна,
Движенье ускоряет быстрина.

Анхор ведь так же, как вчера, течет,
Но присмотрись,— Анхор уже не тот.
В нем нынче волны новые бегут,
Вчерашние обратно не придут.
Так даже миг — не только день иль век —
Обратно не воротит человек.
Те волны, что шумели здесь вчера,
В арыках побежали по садам
И напоили почву, иль с утра
Ушли парами к мгlistым облакам,
Иль в хаузы дремотные втекли,
Или за дальний горизонт ушли.
Вода сегодня новая идет,
Хоть и родня она вчерашних вод.
Купают ивы в струях водяных
Узор ветвей колеблемых своих
И шелестят веселою листвою,
Как будто здесь сошлись они на той,
Хозяин их — тенистый карагач,
В его ветвях ютится старый грач.
И улицам широким веселей
В синеющей тени густых аллей.
Вблизи Анхора улица одна
В честь Абдуллы Тукая названа.
Название это говорит о том,
Что наши люди дружат со стихом.
Здесь дышит дух Тукая... Что ни шаг,
Поэта имя вижу на дверях.
Тебя и камни помнят здесь! Твой стих
Доныне в шуме лиственном не стих!..
Вот памятник с подъятою рукой
На перекрестке встал передо мной,
Весь, как живой немолкнувший призыв:
Жива свобода, вечно Ленин жив!
Дорога лишь вперед — туда, где свет
Немеркнущий! Назад дороги нет!

VIII

Наша Красная площадь еще не стара,
Но историку много она говорит.
В ней, как в книге, записано наше «вчера»
И, как в зеркале, завтрашний день наш открыт,
Здесь цветут наши праздники шелком знамен.
Подружилась страна моя с новой судьбой.
И живая десница по лону времен
Всю республику нашу ведет за собой.
Пробужденным сознанием понял народ
Корабля исторического поворот.
Мы по Ленину в Среднеазиатском краю
Всенародно воздвигли державу свою.
Нам в содружестве крепком народов-друзей
С каждым днем горизонт коммунизма ясней.
Это партия новое солнце зажгла
На земле, что оковы с себя сорвала.
В зал огромный вхожу и сажусь, осмотрясь.
Здесь моя заседает народная власть.
Здесь печатью свободной страны утвержден
Каждый данный по воле народов закон.
Ритм стихов у свободы заимствовал я,
От свободы и каждая песня моя.
Во весь рост знаменосцем мой город встает,
Словно светоч Востока в созвездьях огней,
Он алмазом блистает и сказом поет,
Раскрывается сказкою нынешних дней.
Желтой Азией нас называл клеветник,
Утешался он выдумкой, с короб налгав.
Правды ищущий, к нам приходи и взгляни
И увидишь воочию, кто лжет и кто прав!
Тонет в красном цветенье наш город весной,
Утопает в сияющей голубизне,
Семицветная радуга аркой тройной
Тихой осенью вспыхивает в вышине,

Где желтели пустыни — там розы цветут,
Словно злобным лжецам молчаливый ответ...
Днем и ночью арыки журчат и поют.
Вот под сенью платанов — Ташкентский Совет.
Поутру в эту дверь депутаты войдут
И о нуждах моих разговор поведут.
Нужно все проследить и везде успевать;
Память каждого, как записная тетрадь,—
Там названия улиц, заводов и школ
И арыков, которые нужно копать.
Сколько окон на улице, сколько дворов,
Сколько в доме детей, матерей, стариков,
Сколько саженцев в парке и старых дубов —
Все должны наизусть они помнить и знать.
Здесь всегда уваженьем — хоть город велик —
Многодетные женщины окружены.
Здесь в Ташкенте «Товарищ», «Уртак», и
«Рафик»,
И «Гипташ» полноценны во всем и равны.
Здесь, кто ищет работу, — работу найдет:
Щедр наш город и великодушен народ.

IX

Забитость, рабство, голод и нужда,
Бесправье, угнетенье, произвол...
Насильник подлый в прежние года
Народ до вырождения довел.
А тунеядцы — сколько было их
На нашем теле — малых и больших!..
Терпенье истощилось, час настал,
Схватились грозно труд и капитал.
Прорвался дух Ташкента боевой
В шестнадцатом году и запылал,
Когда над нарастающей грозой
Посев свободы нам в сердца запал.

И вспыхнула Октябрьская заря,
Над горизонтом заревом горя.
И нас освободили от оков
Отвага и рука большевиков.
И Ленина услышал Туркестан:
«Восстаньте дружно, дети мусульман!
Разрушен угнетения оплот,
Вам в помощь — революция идет!»
Шли коммунисты первые в боях —
Душе большевиков неведом страх:
В боях не отступает, лишь вперед
Идет под стягом ленинским народ.
Будь не одна в груди большевика —
Сто жизней будь на долгие века,
Он все бы сразу отдал до одной,
За свой народ восставший трудовой.
Чтоб радостной, свободной стала жизнь,
Рабочие Ташкента поднялись,
И воля победившего труда
В отчизне утвердилась навсегда.
Как Октября волна дошла до нас,
Султан-Араба* слышал я рассказ.
«Смерть отступила!» — он мне говорил,
«Жизнь победила!» — он мне говорил.
«Я буду славить жизнь покуда жив...»
Тогда Узбекистан из края в край
Откликнулся на ленинский призыв;
Ташкент ответил: «Слушаю! Лаббай!»**
И ликовал мой город, отворя,
Врата навстречу утру Октября.
И первый он — Ташкент — на весь Восток
Светильник мира нового зажег.

---

* Видный деятель революционного движения.

** Лаббай — Слышу! Готов! — выражение, распространенное на Востоке.

Уверенно и смело — полон сил —
Народовластья знамя он раскрыл.
Хаким-заде — вонитель и поэт —
Воспел великой эры новый свет,
Блестя и звуча, как вешний гром,
Кокандским пламенеющим стихом.
Народ к борьбе за правду звал Ташкент,
Твердынею Советов стал Ташкент.
И Туркестана право, и закон,
И справедливость утверждал Ташкент.
В боях тяжелых город вырастал,
И, как скала, под бурей устоял.

Х

По ночам поет о Ташкенте
Шум арыков, шелест ветвей.
Кто рассказ начнет о Ташкенте,
Не закончит и за сто дней.
Чем прославлен Ташкент?— Делами,
Вдохновенным своим трудом,
Музыкантами, поварами,
Лучшим пловом и шашлыком!
Что ты видел в Ташкенте?— Это
Солнце, горы редких плодов.
Восемь месяцев длится лето
Под отрадной сенью садов.
На верандах и на балконах
Вижу девушек череду.
Я в тени проспектов зеленых
Со старинным другом иду.
И всю ночь соловьи бессонно
На цветущих поют кустах.
И улыбки, словно бутоны,
Раскрываются на устах.
Сердце радостью одаряет,

Даже летняя здесь жара,
Свежей снедью благоухают
В старом городе вечера.
Как серебряные колонны,
Строем высятся тополя.
Мир, сиянием напоенный,
И синееющая земля...
День лучистой хмурью не тмится,
Так прозрачен воздух, что в нем
Видно, как аромат струится
Роз, раскрывшихся вместе с днем.
И листва на древних чинарах
Счет ведет пролетевших лет.
Снова птицы на гнездах старых
По весне им поют привет.
Облака с вершины Чаткала
Виснут белою бородой.
«Облака, вы орлов на скалах
Укрываете мглой седой?»
«Есть где, есть где орлам укрыться! —
Отвечают мне облака —
В час, когда наши чудо-птицы
Прилетают издалека!
Высоту наполняя громом,
Обгоняя медленный звук,
Вот они — над аэродромом
Исполинский свой чертят круг!..»
Я в цветенье бело-багряном
Наш оазис новый застал,
Нет, не зря поэт «Багистаном»
Берега Чирчика назвал.
«Край цветущий!» Я имя это
Повторяю стократ в стихах,
Сок хмельной с наступленьем лета
У лозы вскипает в корнях.
О, корзины с клубникою тяжесть,

Что прохладой манят в зной!
Сядешь в тень и невольно скажешь;
«Здесь он, кажется, рай земной!»
На широких навесах спеет
Виноград: ангури-шакар*,
Хусайне* в кистях тяжелеет —
Нашей осени лучший дар.
И прославлен по всей отчизне
И рожден услаждать уста
Образ щедрости, символ жизни —
Виноград Ризамата-ата**.
А в больших плетенках урюка,
Отправляясь в дальний полет,
Золотое светило юга
Северянам привет свой шлет.
Груш тенистых согнулись ветви,
Урожай плодами богат,
И орехи с деревьев столетних
С треском падают, словно град.
Наземь капает сок гранатный,
Горы яблок рдеют кругом,
Для меня этот плод ароматный
Дочь моя разрежет ножом.
Вновь к деревьям тутовым старым
Вдоль канала я ухожу.
Объясненья их тихим чарам,
Как влюбленный, не нахожу.
Коль на то пошло, шелковица
Наших старых садов поэт,
Доброта и сладость таится
В сути свойств ее и примет.
Чуть весна долину пригреет,
Чуть цветенья пора придет,

---

* Сорта винограда.

** Знаменитый виноградарь Р. Мусамухамедов.

А уж белый тутовник спеет,
Опадает, сладкий, как мед.
А в тиши из тонких волокон,
Под дремотною тенью ветвей,
Возникает шелковый кокон,
Снега утреннего белей,
Чтоб потом засверкать, как пламя,
Выйдя из-под искусных рук,
И на праздничном бекасаме*,
И на платьях наших подруг.
Вот за то, что она не скупится
И так много добра нам дает,
Густолистая шелковица,
Говорят, сотни лет живет.
Тихий вечер рощу окутал,
В темных листьях зашелестел,
И не зря я о старых тутах
Восхваления песню запел.
Молодая шумит шелковица,
Клонит ветви — темна, тиха,
И неволью опять стремится
К ней душа моего стиха.
Пусть же гуще тут вырастает,
Им богата наша земля.
Пусть одеждой своей блистает,
Покрывает шелком поля.

XI

В Ташкенте три целых сезона лето:
Весна — это наспех, раннее лето,
Настоящее лето — большое лето,
Осень — позднее, золотое лето.
Здесь, чередуя прохладу и зной,
Лето зиму стеснило,

---

* Высokосортная шелковая ткань.

И зима ему дань весной
И осенью заплатила.
Долгую осень и вешнюю рань
Летнее солнце греет.
С зимы двойную взывая дань,
Лето у нас богатеет.
Лето зиму обступило кругом,
Срок свой она завершает с трудом.
Каждому сердцу звучат в ответ
Най и дутар, и саз.
От семи до семидесяти лет
Люди поют у нас.
Бубен гудит от зари до зари
Из глубины садов.
Радуга песен стоцветно горит,
Ярок наряд певцов.
Но ведь и сам я поэт, друзья,
Песня во мне живет.
Песню о счастье слагаю я,
Прямо на слух, без нот.
Если сажусь за дружеский плов —
Ложку беря свою;
Если пою я в кругу певцов —
Песню свою пою:
«В среднеазиатской глубине
Зеленый город есть,
Счастливо, радостно живет
Народ свободный здесь.
Далекий друг мой, приезжай,
Дай мне тебя обнять.
Ты был у нас, не забывай
И приезжай опять.
Над сводом лиственных аллей
Алеет свет зари.
Любимая, приходи скорей —
Не опоздай, смотри!

Густой листве в ночи вздыхать,
Клониться к забытью...
Здесь вышел юноша встречать
Любимую свою.
Старинный друг мой, приезжай,
Дай мне тебя обнять,
Ты был у нас, не забывай
И приезжай опять.
Здесь россыпь роз и свет, и мир,
Любовь и смех подруг.
Приди к нам на вечерний пир,
Садись в наш тесный круг.
И будет песня и струна
Нам в спутницы дана.
На скатерти дымится плов
И пиала полна.
Скорее зажигай огни,
Ты слышишь в дверь: стук, стук?!
Пришел, должно быть, он — взгляни —
Наш долгожданный друг.
Открыты двери, мы войдем
И сядем за столом.
Просторен наш уютный дом —
Всем хватит места в нем.
Как звезды, гости собрались
И среди них луна.
Кок-чай готов, и плов готов,
И пиала полна.
Любезный друг мой, приезжай,
Дай мне тебя обнять.
Ты был у нас, не забывай,
К нам приезжай опять!»

XII

Погляди на карту: с давних пор
Все ручьи к садам текут в Ташкенте

С этих синих, оснеженных гор.
В исторической его анкете
Есть вопрос о возрасте.

Ответ:

«Мне чуть меньше трех тысячелетий».
Хоть и нет для городов анкет,
Но в ответах многих есть единство.
Ваше свойство главное?

В ответ

Слышу я:

«Гостеприимство».

* * *

В синеве ночного тумана
Поздний сон на город сойдет.
Но Ташкент просыпается рано,
Лишь рассвет на Чимгане блеснет.
Не ленивый и не сонливый,
Целый день шумит говорливо.
Он творить великое в силах —
Крепок мышцами, волей крут.
Слышишь молнии льются в жилах
И сердца моторов поют.
И едва снега на вершинах
Заревым огнем расцветут,
Вижу: с маркой «Ташкент» машины
Из ворот городских идут.
Это сердце Узбекистана,
Гром и жар его мастерских.
Под жужжание ткацких станов
Льются волны шелков цветных.
Люди издавна здесь одеваться
Любят в яркий, нарядный шелк,
Нам за дело стоит лишь взяться,
Дело двигается хорошо.

Все теперь мы сами умеем,
Что отцам не снилось в былом.
Мы не только хлопчатник сеем,
Сами яркий ситец мы ткем.
Ритм заводов стремительно властен —
В мой вторгается ритм и размер,
Знаю — в каждой семье есть мастер,
Иль рабочий, иль инженер.
Каждый день по утрам у моста
Мы здороваемся с тобой.
Ты — плечистый, среднего роста,
Добрый давний знакомый мой.
Да, отец твой в Укче* был медник,
Весь свой век вел с нуждою спор.
В ремесле — ты его наследник,
Но тебе подчинен мотор.
Там свершаются чаянья века —
В заводских огромных цехах.
Образ нового человека,
Поднимайся в моих стихах!
Ждали долго Земля и Время,
Ждал тебя, призывал поэт.
Ты окрепло, дружное племя,
Для тебя сияет рассвет.
Ты на подвиг вышел суровый,
Ты ковал победы оплот
И по светлой дороге новой
Ты пошел, трудовой народ.
Цель и смысл моего дастана,—
Это, в ногу с тобой стремясь,
Прославлять тебя неустанно,
Мой великий, ведущий класс.
Жить для будущих поколений,
Петь во славу новых людей —

---

* Название одного из старых районов города.

Цель и смысл всех моих творений,
Цель и смысл всей жизни моей.
Вдохновенные в созиданье,
Стену каменщики кладут,
Мы возводим светлое зданье,
Мы — за жизнь,

Мы — за мир и труд!

Лучше камень ставить на камень,
Кирпичи раствором крепить,
Чем размахивать кулаками
И друг другу войной грозить.
Эти песни, как стяги взвиты,
Ты прислушайся к их словам:
— Кто приходит с душой отрытой,
Тот нам друг

и тому — салам!

ХIII

Дорогой кровавой ценою
Нам достался мир, о друзья!
Принесенных грозной войною
Испытаний забыть нельзя.
Помню летний день... Воскресенье...
Все разъехались. Город пустел.
Я в читальне нашей за чтеньем
В это утро один сидел.
Тополя дыханием мира
Тихо веяли за окном,
Я листал манускрипт Хондемира*,
Смысл ища сокровенный в нем.
Сколько тайн мне вновь открывали,
Хондемир, узоры твои...

---

* Знаменитый историк, современник Навои.

С новой силою оживали
Перлы образов Навои.
Двери скрипнули боковые,
И разрушилась тишина.
Чей-то голос: «Вести плохие!»
Кто-то громко сказал: «Война!»
Омрачилось сиянье мира...
Я на улицу поспешил.
Я надолго закрыл Хондемира
И свою жанг-наме* открыл.
Люди... Люди... Война еще в новость...
Но испуга нет в голосах.
Нет — решимость, стойкость, суровость
Я читаю во всех глазах.
Город — словно военный лагерь
Не на праздник, не на парад,
Подымая души, как стяги,
За отрядом идет отряд.
Нет, и я в стороне не остался,
Гневом всей земли обуян,
Первым мне в тот день повстречался
Старый друг — Хамид Алимджан.
Как обычно: собран, спокоен,
Но в отличие от прежних дней
Весь открылся вдруг предо мной он —
Вдохновенней, тверже, сильнее.
«Да,— сказал он,— Гитлер — не шутка,
Повстречаться с врагом таким —
Это жертвы и жертвы. Жутко.
Но, конечно,— мы победим!
Пусть фашист и подл, и коварен,
Мы раздавим его, сотрем,
Так давай, брат, крепче ударим
Закаленным, как штык, стихом!»

---

* Жанр героической поэмы в классической поэзии Востока.

Пламенея священной мезтью,
Весь Союз поднялся на бой.
Перед Родиной выполнил с честью
Долг свой город любимый мой.
Потрудились в грозные годы
Мы на совесть, а не на страх.
Кровь узбекского народа
Пролилась в великих боях.
Тот, кто все отдает, что имеет,
За отчизну — тому не краснеть,
Наша дружба всего сильнее —
Так о ней нам и песни петь.

XIV

По садам я — через площадь —
прохожу к мостам.
Снова там сады и скверы,
бьют фонтаны там.
Сотни раз насквозь прошел я
город — где живу,
Улиц — тысячу на память —
в нем я назову.
Много раз пересекал я
площадь Бируни.
В дни трудов и размышлений,
память, загляни!
Хорошо бродить и думать
в тишине ночей.
Над водой, где пала густо
тень карагачей.
А на куполе театра Мукуми
опять

Стан голубей с рассветом
станут ворковать.
Если любят эти птицы
наш поющий дом,
Как же людям не влюбиться
в наш поющий дом?
А подальше — дом родильный —
новых жизней всход;
Чадолубием гордиться
может наш народ.
Здесь рождение ребенка —
радостная весть,
Многодетным — уваженье,
многодетным — честь.
Отдаю я Шаахмаду —
кузнецу поклон —
Дал пятнадцати сиротам
воспитанье он.
И Бахри-апа всем сердцем
полюбила их
И вскормила и взрастила,
как своих родных.
В городском саду фонтаны
плещут в тишине,
Шепот струй напоминает
о минувшем дне.
Проходя дорогой давних дум
через сады,
Дорогой Уйгур, я вижу здесь
твои следы.
Утро каждое в свой театр
здесь ты проходил.
Как я встречами с тобою,
друг мой, дорожил!
Был ты в жизни и на сцене
подлинно велик.

Навсегда тобой прославлен
старый Занжерлик*.
Всем, кто знал тебя, ты будешь
памятен навек,
Вдохновенный, чистый сердцем,
мудрый человек.
Носят улицы в столице
дорогой моей
Имена великих, славных
прошлого людей.
Имена великих предков
свет свой льют живым
Современникам, героям
и друзьям моим.
Утром в путь под тополями
отправляюсь я,
Встречные мне все знакомы —
все мои друзья.
Вот — учитель, вот — рабочий,
вот — студент, шофер,
Вот спешит в больницу доктор,
вот идет актер.
Руку к сердцу прилагаю,
говорю «Салам!
Мы — друзья, одна дорога
в будущее нам!»
Это — мой народ любимый,
я — его поэт.
И меня при встрече каждый
радует привет.
Мыслей и напоминаний
рой во мне кипит,
Как живых набросков ворох,
что в тетрадь не вшит.

---

* Старая махалля, где родился М. Уйгур – один из основателей национального узбекского театра.

Голос горлицы, дыханье
ранних роз весны,
На росинках не угасший
поздний луч луны.
Голос флейты, цвет тюльпана,
лиственный навес,
Смех и песни, блеск багряный
утренних небес.
Память о друзьях умерших —
завещанье их.
Зов немолчный дней грядущих,
повесть дней былых...
И узнал я, долгой жизни
поверяя счет:
Злое гибнет и уходит,
лишь добро живет!..

XV

Ты расцветаешь, мой Ташкент,
пышнее, что ни год,
И славный путь, великий путь
нас в коммунизм ведет.
С Москвою, с Киевом, с Баку
идем в одном строю,
Бок о бок с ними мы в труде,
плечом к плечу в бою.
Ты, город мой, в кругу друзей —
форпостов мира страж.
Пятиконечная звезда
на карте символ наш.
Да, тем что сделано, у нас
гордиться право есть.
И не уроним мы ни в чем
Страны Советской честь.

В портал прохладный входишь ты
театра Навои,
Здесь вечером поют певцы
любимые твои.
Считает долгом Халиму
послушать наш народ,
И молодежь здесь красоту
искусства познает.
Как сад, прекрасный город мой,
цветешь и дышишь ты,
В тени ветвей фонтаны бьют —
алмазные цветы.
Вчера я спутника Земли
глазами проводил,
Весь мир, дыханье затая,
полет его следил.
Как молния, он пролетал
и нес народам он
Привет и дружескую весть,
как добрый почтальон.
То — гения родной страны
могучий луч горит,
С непостижимой высоты
познания взор глядит,
В нем наша мощь. Науки он
советской торжество.
Участье принял и Ташкент
в создании его.
Нет, не поверил бы глазам
бессмертный Улугбек
Увидев, как звезду зажег
на небе человек.
По воле Ильича у нас
Востоку светит свет.
Декрет издал он — основать
у нас университет.

И знаний животворный ток
отсель за годом в год
По городам и кишлакам
республики идет.
К ученым нашим хлопкороб
приходит на совет,
На все свои вопросы он
находит здесь ответ.
Ведь хлопком славится моя
узбекская земля,
И наш ученый хлопковод
выходит на поля.
И весь мой город — хлопкороб,
коль правду вам сказать.
Коль нужно — все мы урожай
выходим собирать.
И мирзачульский агроном у нас,
и инженер
Как больше хлопка получить
всем подают пример.
Новатор видит пред собой
простор грядущих дней,
Я Турсункула бы назвал
философом полей —
Он изучил язык земли,
хлопчатника, воды.
А виноградники его!
А новые сады!
Его прославленный колхоз
по праву знаменит,
И ткач ивановский о нем
с почтеньем говорит.
А я — поэт — горжусь, что с ним
я дружен много лет.
Будь я художником, с него
я сделал бы портрет.

И надписал бы: «Наш народ
 хозяин сам себе,
 И волю твердую свою
 диктует он судьбе».

Библиотека Навои*,
 о если бы твои
 Сокровища увидел наш
 великий Навои!
 Книгохранилище твоё
 прославлено везде.

Ты — посвящения очаг,
 помощник нам в труде.
 В глубокой тишине твоей
 провел я много дней.

И незабвенных, верных здесь
 я приобрел друзей.
 Теперь мы учимся у них,
 хоть многие из них

Погибли, бедствия терпя
 во тьме веков былых.
 Наш день, как новая лоза,
 к минувшему привит:

И прошлое с грядущим день
 сегодняшний роднит.
 Но день сегодняшний, друзья,
 с былым не совместим.

И наш сегодняшний Ташкент
 не назовешь былым.
 На месте улочек кривых
 и пыльных махалля

Встают огромные дома
 из камня и стекла.

---

* Библиотека имени Навои в Ташкенте имеет одно из богатейших в мире собраний уникальных книг и рукописей.

Да, хорошеет город наш,
прекрасный город-сад,
По росту городу мы шьем
и по плечу наряд.
Стеклом блистает свод цехов
просторных заводских,
А сколько новых школ, больниц,
столовых, мастерских.
В знак дружбы чая пиалу
нальет ташкентец вам—
Наш дом для всех друзей открыт,
и рады мы гостям.
Базары славятся у нас
не меньше, чем сады,
В неделю все семь дней полны
базарные ряды:
Лепешки, мясо и кишмиш,
на блюдах свежий плов,
Густой кумыс и горы дынь
и всяческих плодов.
Все это так, но правду все ж
мы скажем, не смутясь,
Что от былого кое-где
остались пыль и грязь.
Чтоб вырвать сорняки, рука
хозяйская нужна,
И грязь отмоем мы с полы
цветного чапана.
Понуро хижины кой-где
убогие стоят,
Как над исчезнувшим былым
надгробий скромный ряд,
Следы печалей прошлых лет
уйдут в конце концов,
Но уважаем мы труды
прославленных отцов.

Как песни каменные, пусть
стоят во всей красе,
Твердыни этих старых стен
и своды медресе.
И ярко будут нам светить,
как вечные огни,
И человечность Навои,
и правда Бируни,
И смех разящий Мукими,
как гневный блеск грозы,
И свет Фурката, и призыв
бесстрашного Хамзы.
В бессмертную реку времен
теперь они вошли,
И их творенья в коммунизм
идут, как корабли.
Столетье обновляет край,—
так говорит узбек.
За сорок лет обновлены
земля и человек.
Мы, друг, не будем в стороне —
пойдем вперед смелей!
Дней больше будущих у нас,
чем было прошлых дней!

XVI

Народ и страна
Дают имена
Своим городам навек.
И медленно идут времена
Над нами — за веком век.
Подобно тому, как людям иным
По делам прозванья дарят,
Ташкенту нашему псевдоним

Я дал бы «Саламабад» —
«Город приветствий!» Лучше навряд
Подберу я название. К нам
С Востока и с Запада гости летят
И все говорят: «Салам».
«Алейкум салам!» И цветов букет
Подносим мы им в ответ.
Принимаем радостно мы друзей,
Искренен наш привет.
Крепка спокойствия мирного дверь,
Зорки взгляды дружеских глаз.
И темные козни разбоя теперь
Врасплох не застанут нас.
Теперь у нас не тринадцать ворот,
А считай — сто тринадцать ворот.
«Хлебосольный, щедрый город Ташкент!» —
Слух о нас по земле идет.
Из стран, не сбросивших рабства оков,
К нам посланцы народов спешат
От пяти континентов, семи поясов
Гости едут к нам и летят.
Мы — воздушные Востока врата,
Мера мы обновленья Земли.
Для друзей наша дверь всегда отперта;
Откуда б они не пришли.
Ясно теперь для мира всего:
Закон нашей жизни — мир.
Гость приезжает — для нас торжество,
Песня радостна, светел пир.
«Ваш город домом родным мне стал!» —
Прощаясь, сказал индус.
Сукарно у нас девчурку назвал
Именем добрым Юлдуз.
Юлдуз — это имя значит Звезда,
О многом оно говорит,
Так пусть наша крепкая дружба всегда

Высокой звездой горит!
У любого узбека с давних времен
Обычаем повелось,
При встрече с другом сначала он:
«Мир ли?» — задаст вопрос.
Слово «мир», как лоза. И глубок
Корень Мира в земле у нас.
Если жизнь — бегущий поток,
Мир — потока видящий глаз.
«Землей садовников» Ташкент назову,
Миром живет садовод.
«Столицей заводов» Ташкент назову.
Рабочий миром живет:
Мы — город рабочих и мудрецов,
«Мир!» — говорит мудрец,
Мы — город звонкоголосых певцов,
О мире поет певец.
Друзья, вы — гости отчизны моей,
Вам — дружба моей страны.
Пусть умножается круг друзей
И сгинет призрак войны!
Не только цветы вам поднесены,
Протянута дружбы рука.
А если дружбой сердца скреплены,
Цена любви высока.

XVII

Густея, синея,
Прохладою вея,
Идут вечера.
И песни, и радость
Несут вечера.
Сказав — до свиданья! —
Солнце уходит.

Не думай, что солнце
Ушло отдыхать —
Оно направляется
Дальше гулять.
Ветер играет
Темной листвою,
Благоухает
Свежей травой.
Да, хороши
У нас вечера,
Только спадает
Дневная жара.
Дали стемнели,
В садах тишина,
Блещет в реке
Чаровница Луна.
Звезды горят
Над уснувшей пустыней,
Тишь и отрада
В цветущей долине.
Сон до утра
По домам беспробудный...
В парках же, в городе
Шумно и людно.
Эти танцуют
С улыбкой счастливой,
Эти уселись
За кружкой пива,
Эти спешат
На доклад о Луне,
К плову садятся
В другой стороне.
В сотнях домов
Под прохладной листвой
Свадьбы сегодня —
Веселье и той.

С бубном хафиз*
И с дутаром машшак**,
Слышатся песни
«Лапар» и «Ушшак»***.
В городе спрос
Большой на певцов.
Истари мы
Знатоки голосов.
Вот оживает
Голос Туйчи,
Смолкнуть живых
Заставляет в ночи.
Песня звучит,
Нарастая, вдали,
Слышу я: он
Поет Физули.
«Об исцеленье при свиданье
Узнай у страждущих в разлуке,
Об исполнении желанья
Узнай у изнемогших в муке...»****
Песня из доброго
Корня растет.
Голос хафиза
Вовек не умрет.
Веселы гости
На тое у вас,
Пьют «май-Чарас»
И «май-Мусаллас»*****
Шумно и радостно

---

* Хафиз – певец.

** Машшак — музыкант.

*** Название узбекских народных песен и мелодий.

**** Стихи из газели азербайджанского поэта XIV века М. Физули, очень популярного среди узбекского народа,

***** Марки узбекских вин.

Тосты звучат.
Десять желают
Невесте ребят,
Звезды над миром
Все ярче цветут,
Поздние быстро
Трамваи бегут.
Смена ночная
В просторных цехах,
Двигается дело
В проворных руках.
Руки верны,
Усилья дружны —
Это растет
Изобилье страны.
Бодрствуя с ними,
Не спит и поэт,
Новой страницей
Встречая рассвет.
Морем уходит
К западу тень,
Новый для мира
Рождается день.

XVIII

Звенья Отчизны
В словах не вместить —
Нет граней у слова
«Родная страна».
Для Родины — жить,
Для народа — творить!
Цель наша прекрасна,
Дорога ясна.
Страна от Камчатки легла до Карпат,

От Северных льдов до Памирских громад,
От тигровых троп и таежных костров
До атомных неистощимых котлов.
От электростанций, что в синей дали
Горят ожерельем бессонных огней,
До нового спутника нашей Земли,
От горных снегов — до весенних полей.
Отчизну, как вечную песню, народ
От прадедов к правнукам дальним несет.
Отчизна!

Страна красоты и добра.
Всемирного братства людей колыбелы
Враждебные нас не задержат ветра,
Великих путей не завевет метель.
На землях целинных хлеба шелестят,
В пустыне вчерашней оазис цветет.
И партии нашей сияющий стяг
Страну исполинскую к счастью ведет.
На знамени нашем — эмблема труда.
Путь только вперед и вперед нам всегда.
Растут поколения, не зная оков,
Под солнцем священной свободной земли.
С отрядами славными большевиков
Здесь некогда Фрунзе и Куйбышев шли.
О русские люди, на подвиг, на месть
Вы нас подымали,
Вели за собой!
С тех пор у узбеков пословица есть:
«Если русский —

спутник твой,

Знай —

ты выбрал путь прямой».

Цвети же, сияй лучезарной звездой,
Мой город любимый, мой город родной,
Идущий путем коммунизма — Ташкент
Факел социализма — Ташкент.

В стране Низами я с младенческих лет
Куры неумолчным напевам внимал,
Но хоть близ Ганджи я родился на свет,
Тебя не напрасно родным я назвал.
В долине зеленой у волн Сырдарьи
Я вырос поэтом — по воле судьбы,
И грели мне сердце улыбки твои,
Лучем отражаясь в касе маставы*.
Пегас мой примчался в просторы твои,
И стал мне наставником твой Навои.
Путем каравана поэзии я
Прошел издали, направляясь к тебе.
И были со мной дорогие друзья,
И я благодарен за это судьбе.
Я счастлив, Отчизна, что я твой поэт,
Что партией дан мне мой творческий свет,
Поэзия, говор живых родников!..
Слышал поговорку я у стариков:
«Ту землю, где вешний росток прорастет,
Своею родною землей он зовет».
Как к песне извечной, к тебе я приник,
Ташкент мой, стихов моих чистый родник.
И стала родною моею навек
Земля, где родились Гафур и Айбек**,
Как братья, они обласкали меня,
Надежной рукой поддержали меня.
Один — нашей пламенной песни душа,
Другой — нашей прозы узбекской творец.
Они мне открыли, радушьем дыша,
И двери домов и богатство сердец.
Мы хлеб свой делили в тяжелые дни

---

* Мастава — густой суп, заправленный кислым молоком.

** Имеются в виду выдающиеся узбекские советские писатели — Гафур Гулям и Айбек.

И радости нас волновали одни.
Да, прожито много...

А даль широка —
В безбрежное катится жизни река.
Тебя, как умел, воспевал я в стихах,
Мой город, как солнце, небренный в веках.
Октябрь воплощен в твоей светлой судьбе,
Чей луч пламенеет и в сердце моем.
На этом кончаю я песнь о тебе
У сказа народного взятым стихом.

«МИРЗА УЛУГБЕК»

Историческая трагедия
в пяти актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Мирза Улугбек — великий ученый, государь Мавераннахра, 55 лет.
- Абдуллатиф — его сын, 29 лет.
- Али Кушчи — друг и ученик Улугбека. Известный астроном, 33 года.
- Гавхаршад бегим — мать Улугбека. Жена Шахруха Мирзы, 70 лет.
- Саккаки — знаменитый поэт, друг Улугбека, 40 лет.
- Фируза — любимая жена Улугбека, 21 год.
- Нигарханум — старшая жена Улугбека, ханская дочь, 37 лет.
- Шейхулислам Бурханиддин — прогрессивно настроенный деятель мусульманского духовенства. Верховный глава мусульманской общины, 70 лет.
- Сайид Абид — мухтасиб (надзиратель за исполнением законов шариата), 65 лет.
- Аббас — оруженосец Абдуллатифа. Сын сайид Абиды, 30 лет.
- Ишан Убайдулла Ходжа Ахрар Вали Ташкенди — реакционный шейх, вождь фанатического дервишизма, 45 лет.
- Абдураззак Самарканди — известный историк, 35 лет.
- Бек Арслан — военачальник, 50 лет.
- Мавлано Мухамед Мискин — казий Самарканда (духовный судья), 60 лет.
- Фарманшах Корчи — градоначальник Самарканда, 45 лет.
- Пири Зиндони — (*букв. казематный старец*) прозвище заточенного в зиндан Хасана Ахангара, 80 лет.
- Баба Кайфи — (*букв. дед навеселе*) — неопределенного возраста и профессии человек.
- Бердияр — слуга Улугбека, 35 лет.
- Буракбек — главарь кипчакских повстанцев.
- Диванбеги Ходжа Узбек — церемониймейстер при дворце Улугбека, 45 лет.
- Атамурад — дехканин, 70 лет.
- Призрак Амира Тимура (Тамерлана).
- Учащиеся медресе. Духовные лица (улемы), дехкане, базарный люд, женщины гарема, музыканты, певцы, танцовщицы, воины, слуги, телохранители, тюремщики, пленники, арестанты, лица из свиты Улугбека и пр.

События происходят в 1448—1449 гг. в городе Самарканде и его окрестностях.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Окрестности Самарканда. У подножья горы Кухех на одном берегу реки Оби-Рахмат — фасад трехэтажной обсерватории. На другом — видны контуры фарфорового дворца Улугбека. Перед дверью, ведущей в обсерваторию, высится башня. Сумерки. Звездное небо. На сцене трое стражников, один из них сидит на пне, другой ходит по аллее, третий смотрит на небо.

І стражник

Эй, тише, зря оружием не бряцать!
Великий шах изволит наблюдать
За звездами!

ІІ стражник

Послушай, милый друг,
А правда ль, что ты в звездах смыслишь тоже?

ІІІ стражник

Коль так, и нам премудрость объясни!

ІІІІ стражник

Постигнуть суть нас не лишей надежды,
Открой и нам глаза!..

І стражник

Эх вы, невежды,
Меня за разумение светил
Великий бек от прочих отличил.

II стражник

Мулла-ака, ты просвети и нас,
Когда в невежд вдолбить ты что-то сможешь.

І стражник

Нелегко труд...

III стражник

А для меня подчас
Что небо, что земля — одно и то же,
Скопленья звезд — стада, а небо — луг.

II стражник

Да неужто и ты не чужд наук,
А я — глупец.

III стражник

Постигнуть суть не сложно.
Созвездья — овцы, месяц — их чабан.
То он халат накинет свой, то сбросит,
То, как в шатре, засядет в облаках.
То голым вылезет, прости аллах!
Ну как — есть истина в моих словах?

І стражник

Нет истины, хоть с виду есть ученость.
Ну, продолжай.

ІІІ стражник

Так, значит, там стада.
Дождь — молоко овечек мягкотелых,
Снег — шерсть, что наземь падает, когда
На небесах стригут баранов белых?

ІІ стражник

Как складно говоришь ты про стада.

І стражник

Речь хоть складна, но правдой не богата.
На самом деле каждая звезда
Не агнец, а душа живая чья-то,
И если гаснет чья-нибудь звезда,
Выходит дух из тела навсегда.

ІІІ стражник

Коль ты такой мудрец, определи,
Где чья звезда горит на небосклоне.

І стражник

Вон видишь, в направлении Киблы
Горит звезда сидящего на троне.
А ниже вон, между ветвей чинара,
Горит звезда великого Сардара.

II и III стражники

А чья звезда вон та?

I стражник

Ахрар Ходжи.

Одна из звезд падает.

II и III стражники

Звезда летит!

I стражник

Попробуй удержи.

II и III стражники

Скажи, мудрец, кого же смерть скосила?

I стражник

Как знать мне, я не писарь Азраила.

Я знаю лишь одно, что принял бог

Того из нас, чьей жизни вышел срок.

Со стороны обсерватории появляется диванбеги.

Диванбеги

Эй, тише, болтуны, вас слушать — стыд!

Из вас ученых все равно не выйдет.

Пусть в небо повелитель наш глядит,

Он лучше нас мирь и звезды видит.

А вам, ослам, науки не нужны.
Ступайте, да быстрее, к тем воротам.
Принять гостей сегодня мы должны.
Их встретьте с подобающим почетом.

Стражники уходят к воротам. Диван беги удаляется
обратно в обсерваторию.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Там же. В фарфоровом дворце светится окно. На небе звезды и
молодой месяц. Близ обсерватории на башне, скрестив руки, стоит
Улугбек. Он будто читает загадочную книгу Вселенной.

У л у г б е к

Серебролицый путник в черном поле,
Склоняюсь пред тобой я — царь земной.
Твой стан согнулся в этот час ночной.
В таком пути согнуться мудрено ли?
Но ведомо: пройдет немного дней —
И снова разогнешься ты беспечно,
Как страсти и стремления людей,
Бессонен ты, твое движенье вечно.
Цари земли не знают, что их ждет,
Какой из их путей верней и лучше,
Тебе ж сопутствует благополучье,
Когда б ты ни взошел на небосвод;
Взирают люди на владык земли
И думают: мгновенно их блистанье.
А ты, владыка, чуть блеснешь вдали,
И ясно всем, что вечно мирозданье.
Спешит влюбленный молодой жених
За брачный полог к деве белолицей,
За полог тайн небесных и земных

Мудрец проникнуть долгий век стремится.
К познанию страсть неистребима в нас.
Ее сравню с костром, зажженным в поле.
Костер нельзя задуть, чтоб он погас:
Чем дуешь ты сильнее, тем пламя боле.
Еще мальчишкой, хоть и был я прост,
Небесный свод мне был нужнее хлеба,
Я слышал говор молчаливых звезд,
Без грамоты читал я книгу неба.
Шли годы, и взрослел я с каждым днем,
И понимал, что нет удела хуже,
Чем средь мужей ученых быть царем
И быть среди царей ученым мужем,
Но, царствуя, стремился я всегда,
Чтоб стали знания спутниками власти,
Я говорил, что зрячая беда
Порою лучше, чем слепое счастье.
Я сеял семя света весь свой век,
Я восходов жду, пусть люди мыслят сами...

Улугбек замечает внизу застывшего в почтительной
позе диванбеги Ходжу Узбека.

Скажи, что ты застыл, Ходжа Узбек,
Следишь за небом?

Д и в а н б е г и

Нет, султан, за вами.
Я, жалкий раб, не смел вам помешать.
Я видел лик ваш, озаренный светом.

У л у г б е к

Ты прав: на эту глядя благодать,
Любой сухарь становится поэтом.
Какие вести?

Д и в а н б е г и

Едут во дворец
Все те, кого вы во дворец призвали.

У л у г б е к

Ну что ж, все приготовь, встречай их сам.
Я появлюсь чуть-чуть позднее. Да, кстати,
Пойди скажи моим ученикам,
Чтобы они свои труды кончали.
В столь поздний час пусть в город не идут.
Ты приготовь ночлег им в летнем доме.
И пусть мой ученик Али Кушчи
Окончит то, что должен был окончить,
И принесет все нам...

Улугбек уходит в фарфоровый дворец. Диванбег и
ударяет в ладоши.

Д и в а н б е г и

Эй, кто там есть?
Быстрее сюда, сегодня много дела.

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Там же. В саду все необходимое для приема гостей. На столбах и ветвях деревьев — разноцветные фонари. Кругом ковры. На супах подушки и одеяла. Сцена пуста, но слышны голоса людей, приближающихся со стороны наружных ворот. Входит диванбег и. Он вводит гостей: сардара бек Арслана, Шейхулислама, Фарманшаха Корчи, Абдураззака Самарканди, Саккак и других приближенных Улугбека. Одни усаживаются, другие разговаривают стоя. После всех одиноко входит казий Мискин и садится в стороне.

Шейхулислам

Ах, Саккаки, высокая душа,
Ваш стих прекрасен, вам послушно слово.
Особенно концовка хороша.
Когда не трудно вам, прочтите снова.

С а к к а к и

(читает наизусть)

Ты, что постиг закон светил, миров планет,
Пойми, султан, меня, во мне загадок нет.

Велик был ум Сино, Платона, Птолемея,
Но больший, чем они, ты оставляешь след.

Немало надо лет, чтоб снова появились
Великий шах такой, такой другой поэт.

Б е к А р с л а н

Простите, Саккаки, в своих стихах
Кого зовете вы «великий шах»?

С а к к а к и

Я подразумеваю Улугбека.

Б е к А р с л а н

Еще — прошу вас — дайте мне ответ:
Кто этот столь блистательный поэт?

С а к к а к и

(показывая на себя)

Убогий раб, покорный вам от века.

А б д у р а з з а к

Историю людей за веком век
Я проследил, и укрепилась вера
В том, что таких владык, как Улугбек,
Земля не знала после Искандера.

Милей меча властителю перо.
Постичь он хочет тайны мирозданья.
Неразлучимы разум и добро,
Разумны и добры его деянья.

Прав Саккаки: велик владыки свет.
Султан наш мудр, он правит милосердно.
А то, что про себя сказал поэт...
Наверное... коль сказано, так верно.

Все смеются.

Ф а р м а н ш а х

Будь я царем, поэта своего
Я скакуном бы одарил за это.
А после, может быть, за хвостовство
К хвосту коня я б привязал поэта.

Все смеются.

С а к к а к и

Мой бей, вы осчастливили меня.
За похвалу пред вами я склоняюсь.

Но я ни от чего не отрекаюсь.
И если мне пожалуют коня,
Чтоб он бесхвостым был, я постараюсь.

Все смеются. В это время со стороны фарфорового дворца в царском облачении появляется У л у г б е к. Гости встают с поклоном. Улугбек садится на переносной трон. С его появлением беседа не стала напряженной.

У л у г б е к

Добро пожаловать, мои друзья.
Пусть радость вытеснит все наши беды.
Вас во дворец призвал сегодня я
Для пира, для совета, для беседы.
Пусть будет пир наш светом осиян!

Г о с т и

Мы все к услугам вашим, наш султан!

У л у г б е к

Благодарю!

(улыбаясь) •

Ну чем окончен спор?
Я краем уха слышал разговор.
Хоть были и великие предтечи,
Но все-таки мне кажется: стихи,
Которые слагает Саккаки,—
Бесценные алмазы тюркской речи.
В сердцах народа вечно будут жить
Стихи, что превратились в песнопенье.
Диванбеги, нельзя ли подтвердить
Деяниями наше утверждение?

Д и в а н б е г и удаляется в сторону фарфорового дворца.

У л у г б е к

(продолжая)

Что, Фарманшах, есть смысл в моих словах?

Ф а р м а н ш а х

О, ваша мысль — жемчужина, мой шах!

У л у г б е к

Как быстро вы менять готовы мненье!
А впрочем, так повсюду и везде.

С а к к а к и

(Фарманшаху)

Что скажете вы о таком суде?

Доносится музыка. Женский голос поет песню на газель Саккаки.

Пустынна и мертва моей души страна,
Чтоб горе облегчить, налейте мне вина.
Я долго жить хотел, чтоб дольше быть с любимой,
Но если нет ее, мне жизнь зачем нужна?

Она, чей облик всем приносит наслажденье,
Румяна, как гранат, как кипарис, стройна.

Все прах: добро, и власть, и слава, и богатство,
В сравненье с взглядом той, что краше, чем луна.

Пусть Саккаки умрет, тоскуя о любимой.
Пусть прахом все пойдет, но пусть живет она.

Ф а р м а н ш а х

Сдаюсь, стою с повинной головой.

У л у г б е к

Не я, а песня вам была судьей.
Друзья мои, довольно праздных слов.
Вот я о чем тревожусь постоянно...
Я нынче утром принимал послов
Московии, Египта, Индостана.
Я думаю, что было б, например,
Когда б, о дружбе сговорясь заранее,
Согласно б шли, забыв различье вер,
Буддийцы, христиане, мусульмане.
И без того достаточно беды.
Путь всех людей достаточно тяжелый,
Зачем же взваливают груз вражды
Себе на спины люди и престолы?
Хочу я крикнуть: разогните спины,
Стряхните тяжкий груз — давно пора.
Едино солнце, и земля едина,
Един цветник познания и добра.
Пусть каждый род в цветник посадит семя,
И это семя пусть дает ростки.
Пусть аромат вдохнет любое племя.
Что ты на это скажешь, Саккаки?

С а к к а к и

Когда на нить родного языка
Прилежно, наподобье ювелира,
Поэт нанизывает жемчуга,
Он ищет их на всех базарах мира.

Сокровища земных краев — для всех.
Мир, как ковер, един многоузорный,
Сокрытье красоты — великий грех.
И тут безгрешен я — ваш раб покорный.
И, подданный своей родной земли,
Могу ли я не восхищаться сказкой
О чистоте Меджнуна и Лейли,
Хоть эта сказка — дар земли арабской!
Невнятен был бы тюркский мой напев,
Узор мой был бы бледный или тусклый,
Когда б я жил, однажды не узрев
Тугой косы и взгляда девы русской.
Я, может, и строки б связать не смог,
Когда б не знал о розах Индостана,
Когда б я в тюркской песне пренебрег
Сравненьем девы с серною Хутана.
Я был бы жалок, если б в простоте,
Гордясь величьем собственного рода,
Забыл, что во всеобщей красоте
Есть вклад посильный каждого народа.

А б д у р а з з а к

У всех народов разные обычи,
И все-таки во всех краях земных,
Живущих по законам вер различных,
Людей хороших больше, чем плохих,
И средь неверных и средь правоверных
Жестоких менее, чем милосердных.

Ш е й х у л и с л а м

Пусть волею аллаха воцарится
У нас покой и мир на много лет.
Терпению аллаха нет границы,
И милости его скончанья нет.

К а з и й М и с к и н

(в сторону)

Так это значит — остается нам
Терпеть всех иноверцев, инородцев,
Коль это говорит Шейхулислам,
Так что же черни думать остается?

У л у г б е к

Что говорит почтеннейший Мискин?

К а з и й М и с к и н

Позвольте мне задать вопрос один?

У л у г б е к

Я слушаю!

К а з и й М и с к и н

Ужель велит султан
Рабам аллаха жить, любовь питая
К поганым храмам франкских христиан,
К безбожеству язычников Китая?

У л у г б е к

Судить о вере надо осторожно.
Не все, чего не знаем мы,— безбожно!

К а з и й М и с к и н

Есть лишь ислам. Все остальное — ложно!

У л у г б е к

Коль так, так убедите в этом всех,
Чтоб приняли гяуры веру эту.

К а з и й М и с к и н

Общение с гяурами есть грех.

У л у г б е к

Так как же быть, нести вражду по свету?
Жечь города, неволить, резать, бить?

К а з и й М и с к и н

Так вера нам повелевает жить!

Ш е й х у л и с л а м

Вы искажаете в своем усердьи
Законы, что извечны и тверды.
Сжигаете аллаха милосердьи
В пожаре ненависти и вражды.

Слуги разносят золотые бокалы с вином. Казию Мискину
подносят шербет в фарфоровой чаше.

К а з и й М и с к и н

Всех мусульман зовет Ходжа Ахрар,
За нашу веру драться без боязни.

С а к к а к и

Простите. Это тот Ходжа Ахрар,
Которого «кишлачным шейхом» дразнят?

К а з и й М и с к и н

(со злобой)

Нет, это тот, кого вознес аллах,
Тот, по чьему единственному слову
Сто сот мюридов с палками в руках
Сложить за веру головы готовы.

Ш е й х у л и с л а м

Мой шах, я знаю шейха с давних пор.
Он далеко не глуп и не бездарен.
Он кровожаден так же, как хитер.
Невежественен так же, как коварен.
Но в ненависти, во вражде слепой
Он властен над безумною толпой.

Б е к А р с л а н

Лишь повелите, мой великий шах,
Я в ночь гнездо их превращу во прах!

У л у г б е к

Ах, бек Арслан, куда вас повело,
Не всякий раз смывают кровью зло.

А б д у р а з з а к

Вы, мавлано, кричите, что Китай —
Страна гяуров и безбожный край.
А между тем сейчас в руке у вас...

К а з и й М и с к и н

Что говорите вы? Не понимаю.

А б д у р а з з а к

Та чаша, что вы держите сейчас,—
Изделие умельцев из Китая.

Казий с презрением ставит чашу в сторону, вытирает
руки платком. Все смеются.

У л у г б е к

(смеется)

Вот видите, почтенный мавлано,
Таков закон, не разорвать нам круга.
Всем на земле народам суждено
Жить и не обходиться друг без друга.

(Обращаясь ко всем гостям)

Поднимем кубки, слушайте меня.
Пусть будет эта ночь светлее дня.

Все, кроме казья Мискина, поднимают кубки, пьют.
За сценой играет музыка.

У л у г б е к

(продолжая)

Так пойте, пейте сладкое вино.

К а з и й М и с к и н

(со злобой)

Согласно вере, пить и петь грешно!

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. У лугбек и его приближенные пируют. Играет музыка. Снаружи, со стороны ворот, слышны громкие голоса, шум. Входит диванбеги.

У л у г б е к

Эй, что это за шум?

Д и в а н б е г и

Сайид Абид

Со свитой прискакал из Самарканда.
Но наши стражники в столь поздний час
Его не пропускают к вам в покои.
Сайид кричит, он хочет видеть вас.

У л у г б е к

Пусть входит, но один!
Хоть знать не стоит,
С какою снова жалобой пришел
Он — мастер всяких пакостей и зол.

Входит сайид Абид с посохом в руке. У него вид одержимого. За ним диванбеги. Музыка умолкает.

С а й и д А б и д

О падишах мой, я — сайид Абид,
Ищу царя, что сможет правоверных
От горя защитить и от обид.
Очистить от неверия и скверны.

У л у г б е к

Я не пойму, чем надо вам помочь,
В чем суть беды, скажите, чтоб мы знали.

С а й и д А б и д

Есть у меня единственная дочь!

Ш е й х у л и с л а м

Ее убили?

С а й и д А б и д

Нет, страшней. Украли.
Школяр из медресе, как ловкий вор,
Опутывая липким пустословьем,
Похитил дочь мою, и мой позор
Смыть можно лишь его преступной кровью.
Я — мухтасиб, доверен мне надзор
За соблюденьем веры и корана.
Я сам — сайид и умудрен и стар,
А дочь мою похитил кто? Гафар,
Школяр, сын бедняка из Андижана.

С а к к а к и

Простите, вероятно и весьма,
Что согласилась девушка сама.

С а й и д А б и д

Все знают — вера девичья легка.
Их ум не больше, чем у мотылька.
Пусть грешника настигнет ваша кара!

У л у г б е к

(мягко)

Где, говорите, скрылась эта пара?

С а й и д А б и д

Велите, и я мигом их найду.
Они скрываются у вас в саду.
Вы повелели пропускать туда
Учеников, чтоб там вести занятия.
И дочь моя — позор мне и беда —
Пришла туда, надев мужское платье.
Со слугами пустился я вослед,
Но стража там — и мне дороги нет.
Туда входить не должен я — сайид.
Сад Улугбека лишь греху открыт.

У л у г б е к

Поверьте — мне понятна боль отца,
Но успокойтесь, проявите милость.
Что, если ваша дочь сама решилась?
Зачем же нам разъединять сердца,
Которые в любви соединились.
Я знаю честность этого Гафара.
Зачем же думать, что он ей не пара?

С а й и д А б и д

В отцовском доме дочь, как в клетке птица.
Желанье птицы спрашивать смешно.
Она и в клетке золотой томится
И в степь иль в сад стремится все равно.
Что может девушка решить сама?

Есть сердце у нее, но нет ума.
О государь, велите же схватить
Виновника моей беды, Гафара,
Иначе сад ваш могут разорить
Во гневе дервиши Ходжи Ахрара.
Далеко ль до беды, все может быть.

Ш е й х у л и с л а м

Так, значит, вот куда уходит нить!

У л у г б е к

Сайид Абид, картина мне ясна.
Вы, Фарманшах, быстрее берите стражу,
Без промедленья отправляйтесь в сад.

С а й и д А б и д

Благодарю!

У л у г б е к

Оберегайте сад.

С а й и д А б и д

Чтобы никто не мог уйти оттуда.

У л у г б е к

Нет, чтоб никто не мог туда проникнуть.
Учащиеся в нашем медресе
Находятся под нашею защитой.
А вы, казий Мискин, скрепите брак.
Я, Улугбек, повелеваю так!

Фарманшах и казий уходят.

С а й и д А б и д

Проклятье мне, я получил удар —
Не по грехам своим, сверх всякой меры.
Будь проклят мир, где в почести школяр
И в унижении поборник веры!

Ш е й х у л и с л а м

Вы повторяете нелепый вздор,
Который по харчевням и базарам
Дервиши сеют с некоторых пор,
Те, что научены Ходжой Ахраром.

С а й и д А б и д

(с яростью)

О да, Шейхулислам, не мудрено,
Что это богохульство здесь творится,
Под сводами, где шейхи пьют вино
И пляшут обнаженные блудницы.
Наверно, близко окончанье мира,
В котором шейх не праведней кяфира.

Присутствующие возмущены его словами.

Б е к А р с л а н

(гневно хватаясь за рукоять сабли)

Позвольте мне, великий мой султан,
Воздать...

У л у г б е к

Не торопитесь, бек Арслан.

Ш е й х у л и с л а м

Судом духовным надо осудить
Преступника за то, что он без страха
Посмел так дерзновенно оскорбить
Властителя, который — тень аллаха.

С а й и д А б и д

Я умереть за веру, хоть сейчас
Готов... Но отомстит мой сын Аббас!

У л у г б е к

О нет, питомец злобы и вражды,
Вас не пошлет на казнь моя обида.
Враг света и поборник темноты
Сайид, лишенный святости сайида.
Вам ненавистен чей-то добрый нрав,
Веселый взгляд и радостное слово.
Родная ваша дочь и та, восстав,
Бежит стремглав из-под родного крова.
Наука ваша — мщение и тьма,
Правление без знаний и ума.
Вам в Бухаре случалось ли бывать,
На медресе там видели, наверно,
Слова, что повелел я начертать:
«Стремленье к знанию — долг для правоверных!»
Прозванье мученика, лик святого
Вы, пострадав, хотите обрести.
Но этому не быть. Даю вам слово:
Вас не убьют, вы можете идти!

С а й и д уходит.

С а к к а к и

Что делать, звуки подают в ночи
Не только соловьи, но и сычи!

У л у г б е к

Друзья мои, довольно, поздний час.
Вы от трудов устали, отдохните.
Я сам с печалью отпускаю вас,
Но ночь есть ночь.

Г о с т и

Прощайте, повелитель!

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Там же. Убранство пира исчезло. Перед входом в расад-хану широкий стол, на нем астрономические инструменты, бумаги. Звезды особенно яркие, как всегда перед рассветом. Над входом в обсерваторию горит большой фонарь. Выходят У л у г б е к и его ученик А л и К у ш ч и. Подойдя к столу, наклоняются над бумагами. Временами Улугбек отрывается от таблиц и глядит на заходящий лунный серп.

А л и К у ш ч и

(глядя в бумаги)

Обитель власти, наш расчет чуть-чуть
Отличен от расчета Птолемея.
Ошибся ль грек, вычерчивая путь?

У л у г б е к

Весьма возможно, наш расчет точнее,
Не абсолютно точен, а точней.
Я думаю: пока земля вертится
И мыслящие люди есть на ней,
Точны не будут звездные таблицы.

А л и К у ш ч и

(склоняясь над столом)

Султан, еще спросить хочу я вас...

У л у г б е к

(погруженный в наблюдения, отвечает не сразу)

Я не султан, зови меня «устаз».

Слышится топот коней. Торопливо входит д и в а н б е г и.

Д и в а н б е г и

Мой повелитель, там посланец ждет!

У л у г б е к

Ужель не может подождать он часа?

Д и в а н б е г и ,

Не может и секунды...

У л у г б е к

Пусть войдет!

По знаку диванбеги входит гонец, с поклоном вручает Улугбеку бумагу, свернутую в трубку.

Г о н е ц

От вашего наместника Барласа.

Улугбек разворачивает свиток, пробегает глазами.

У л у г б е к

(гонцу)

Ступай!

Г о н е ц

Я ухожу.

(Уходит.)

У л у г б е к

Покоя нет,
Опять беда, на Сырдарье восстанье.
Пока нелепо так устроен свет,
Не разгадать нам тайны мирозданья.

(К диванбеги)

Дай знать сардару, приготовь коней!

Диванбеги уходит.

Прощай, мой друг, бог весть на сколько дней!

Улугбек направляется в сторону фарфорового дворца.
Неожиданно перед ним возникает Ф и р у з а.

Ф и р у з а

Ужели свет очей, мой свет дневной
Зайдет за горы, не простясь со мной?

У л у г б е к

(обняв ее одной рукой)

Я шел к тебе проститься. Дай мне руку.
Опять беда приносит нам разлуку.
Опять идут мятежники войной,
Смерть и рузруху сеет их свирепость.
Уже перед ташкентскою стеной
Стоит их войско, осаждая крепость.
Цари в своих поступках не вольны,
И мы должны проститься, дорогая.
Есть у меня две страсти, две луны:
Одна на небе, на земле другая!

Ф и р у з а

Позвольте быть мне с вами, я должна
Делить с любимым беды и тревоги.
В часы между боями пери сна
Манить в его походные чертоги!
На этом свете, о мой господин,
Так много беков, Улугбек — один.

У л у г б е к

Не для тебя походное житье,
Которое бог знает сколь продлится.
Пусть будет ожидание твое
Причиной, чтоб быстрее мне возвратиться.

Ф и р у з а

Учитель, все равно за вами следом
Уйдет мой дух, покинувший меня.
Я пропаду, коль с вами не поеду.
Плоть без души — не дым ли без огня?

У л у г б е к

(улыбаясь)

Не спорь, Фируза-ой, не то сейчас
Не муж твой, а султан издаст указ.

Ф и р у з а

Ну что ж, я отвечаю иногда
На просьбу — нет, на повеленье — да!

У л у г б е к

Моя голубка, создал жен аллах
Не для войны, а чтоб мешали войнам,
Не старит жен тревога о мужьях,
Коль жены верны и мужей достойны!

Появляется д и в а н б е г и. Он принес Улугбеку саблю и доспехи.

Д и в а н б е г и

Готовы кони.

У л у г б е к

Что ж, опять бои,
Иль мне не суждена судьба иная?

Спокойной ночи, милые мои,
Луна небесная, луна земная.

У л у г б е к уходит. Прислонясь к дереву, как окаменелая, стоит
Фируза. Вслед за Улугбеком идут диванбеги и
Али Кушчи.

З а н а в е с

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ворота Самарканда открыты настеж. В ожидании возвращения с победой Улугбека толпится самый разный люд: горожане, чиновники, учащиеся медресе, дервиши, нищие. Снуют торговцы фруктами, сладостями, водой. Сидят шашлычники. Проходят дехкане спалками в руках и хурджунами на плечах. В стороне, сидя на корточках, мальчишки играют в альчики. Гадалщик гадает двум женщинам. В толпе выделяются иноземцы: китайцы, арабы, иранцы, славяне, кавказцы и другие. Тут же сидит Баба Кайфи. Он, как всегда, навеселе. На боку у него бурдюк с вином. Он пишет прошение двум дехканам, получает с них теньгу, бросает ее в карман.

Д е р в и ш и

(поют)

Создал всех людей аллах,
Человек — былинка, прах.
После смерти в царстве божьем
Все равны: и раб и шах.

І г о р о ж а н и н

Кровь, говорят, лилась, Барат-ака!

II г о р о ж а н и н

Враг наше войско потеснил слегка,
Шах очутился, было, в окруженье,
Но подоспел сардар со стороны,
И наш властитель выиграл сраженье.

III г о р о ж а н и н

Ах, лишь бы не было опять войны!

I г о р о ж а н и н

Без войн цари не добывают славы,
Без войн клинки сардаров станут ржавы.

II г о р о ж а н и н

Нет, человек иной шах Улугбек.

I г о р о ж а н и н

Он шах сперва, лишь после человек.

III г о р о ж а н и н

Но он идет дорогой войн и бед.
Когда уже иной дороги нет.

С л е п о й к а л а н д а р

(подходит, вкрадчиво)

Как понимать: «дороги нет иной»?
Не сам ли он на Шаш пошел войной?
Он упивается кровавой дракой.

Г о р о ж а н и н

(хватая каландара за шиворот)

Опять шпионишь вскормленный собакой!

Горожанин прогоняет каландара пинком. Слепой каландар исчезает, но вскоре снова появляется на сцене. Баба Кайфи встает со своего места и приближается к каландару.

Б а б а   К а й ф и

(делает глоток из бурдюка и начинает декламировать стихи Омара Хайяма)

«Когда мы наслаждаемся вином?
Коль в понедельник, вторник, в среду пьем,
Пьем в пятницу, в субботу, в воскресенье.
Когда вино и ночью пьем и днем!»

(Обращаясь к слепому каландару.)

Ну как, слепой шельмец?

С л е п о й   к а л а н д а р

Сгинь, сатана.

Б а б а   К а й ф и

Глотни, глупец, хорошего вина!

С л е п о й   к а л а н д а р

Сгинь, дьявол. Божий раб вина не пьет!

Б а б а   К а й ф и

Вино очистит твой вонючий рот!

Хочет насильно влить вино в горло каландара. Слепой каландар кричит; сбегают другие каландары.

К а л а н д а р ы

Не подноси к нему нечистых рук!

Б а б а   К а й ф и

Так это же не я, а мой бурдюк!

Начинается потасовка. Учащиеся медресе вырывают Баба Кайфи из рук каландаров.

С л е п о й   к а л а н д а р

У богохульцев пьяных нет стыда,
У школяров поганых нет стыда,
Куф-куф, нет бога, кроме бога!

Б а б а   К а й ф и

(передразнивая)

У дервишей поганых нет стыда,
Для пьяных даже горе не беда.
Туф-туф, нет бога, кроме бога!

С л е п о й   к а л а н д а р

(громко)

Дождешься, всем воздастся по грехам.
Молчи, гяур!

Б а б а К а й ф и

А что кричишь ты сам?

(Пьет вино. Пародируя поэтов.)

Кричит сардар — трепещет бедный люд.
Кричит ребенок — на руки берут.
Кричит поэт — венком его венчают.
Кричит осел — его дубиной бьют,
Ну, как мои стихи?

Ш к о л я р ы

(иронически)

Прекрасно, друг!

Входит м у х т а с и б с а й и д А б и д. Слепой каландар
бросается к нему.

С л е п о й к а л а н д а р

О мухтасиб, спасите божьих слуг!
Нас этот пьяный оскорбить посмел.

Б а б а К а й ф и

Слепой, слепой, а своего узрел!

С а й и д А б и д

Опять, поганый, ты навеселе?
Опять ты здесь?

Б а б а   К а й ф и

А где ж мне быть?

С а й и д   А б и д

В земле!

Б а б а   К а й ф и

Ты говоришь со мной, сайид Абид,
Так, будто здесь твоя земля от века,
Но это божия земля, сайид,
И царство не твое, а Улугбека.

С а й и д   А б и д

Ох, пьяный грешник, нет поганей твари.
В зиндан тебя, побогохульствуй там!

Б а б а   К а й ф и

Сайид Абид, однажды на базаре
Ответил божьему слуге Хайям:
«Хоть ты святой, меня ты не святей,
Хоть я хмельной, но разве ты трезвей? ,
Я упиваюсь кровью винограда.
А ты сосешь по капле кровь людей!»

С а й и д   А б и д

Стих дерзок, по тебе скучает яма!

Б а б а   К а й ф и

Коль дерзок стих, так в яму брось Хайяма!

С а й и д А б и д

Скажи мне, где живет он, я найду...

Б а б а К а й ф и

(присвистывая, показывает на небо)

Живет он там: в раю или в аду!

Школяры хохочут.

С а й и д А б и д

Я понимаю: все вы заодно.
Один в один, один другому пара.
Вы богохульцы, и не мудрено,
Все вы дружки поганого Гафара.

Ш к о л я р ы

(смеясь)

О мухтасиб, почтенный...

С а й и д А б и д

Вы смеетесь.

Но ничего, заплачете, дождетесь!

Школяры хохочут. Баба Кайфи исчезает в толпе.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Толпа в почтительном молчании ждет появления Улугбека. Среди встречающих в переднем ряду Ш е й х у л и с л а м, А б д у р а з з а к, С а к к а к и, А л и К у ш ч и. За кулисами громкий голос приближающегося г л а ш а т а я.

Г л а ш а т а й

Да будет всем известно
Здесь и повсеместно,
Что государь великий — страж закона —
Венец земли и украшение трона,
Султан — потомок праведных султанов,
В кровавой битве разгромил смутьянов.
Смутьянов черных он привел к смиренью.
Всех непокорных он подверг пленению.
И ныне осчастливит возвращеньем
Раеподобный город Самарканд!
Почтение и слава падишаху!

Т о л п а

Аминь, благодарение аллаху!

Глашатай проходит по сцене в сопровождении двух пажей, держащих в руках знамена. Все трое сквозь раступающуюся толпу через открытые ворота вступают в город.

Ш е й х у л и с л а м

К нам снова мир вернулся и покой.

С а к к а к и

Покуда вновь не вспыхнул где-то бой.

А б д у р а з з а к

Что делать, жизнь властителя сурова.
Кир и Чингис вели войну весь век.

С а к к а к и

У них призыванья не было другого,
А наш султан ученый человек.

Г о л о с а в т о л п е

Он слез с коня, сюда придет сейчас.

Под восторженный шум толпы появляется У л у г б е к. За ним бек Арслан, Бердияр и другие приближенные. Народ кланяется. Слуги ставят переносной трон. Улугбек снимает саблю и воинские доспехи. Берет в руки посох, надевает чалму мудар-риса. Он утомлен и озабочен.

Пока Улугбек переодевается, старый дехканин А т а м у р а т переговаривается с молодым дехканином.

М о л о д о й д е х к а н и н

О, не оставь, аллах великий, нас!

А т а м у р а д

Теперь нам надо улучшить мгновенье,
Чтоб победителю вручить прощенье.
Как умудриться выйти мне вперед?

У л у г б е к

Привет тебе, о добрый мой народ.

Толпа ликует.

С а к к а к и

*(выходит вперед, читает свою знаменитую оду
в честь Улугбека)*

Рассвет рассеял ночь и озарил твой трон.
Ушла тревога прочь, мир снова водворен.

Явилось и ушло властителей немало,
Но, Улугбек, с тобой кто может быть сравнен?

Тот вознесен из нас, кто вознесен тобою.
А вызвавший твой гнев навеки посрамлен.

Чтоб восхвалить тебя, страну твою, престол твой,
Касыду я сложил, похожую на стон.

Я, раб твой Саккаки, свой стан перепоясав,
Спешу к твоим стопам, чтоб принести поклон.

У л у г б е к

Привет тебе, поэт, тебе, народ.
С победой я принес вам ветку мира.
Когда откуда-то беда грядет,
Она всего сильнее бьет эмира.
Я вас оборонил от многих зол.
Аллах великий проявил к нам милость.
Удел правителя всегда тяжел.
В ответе он за все, что б ни случилось.
Пусть даже где-то курица пропала,
В ответе царь, так исстари бывало.

С л е п о й к а л а н д а р

А коль сайид теряет дочь свою?

І г о р ж а н и н

(негромко второму)

Ого, знакомый голос узнаю!

Атамурат, вырываясь вперед, падает перед Улугбеком на колени.
Сайид Абид задерживает его и пытается оттащить.

А т а м у р а д

О государь великий, нас прости.
Мы с жалобой...

Сайид Абид пытается оттащить старика от трона.

У л у г б е к

Эй, мухтасиб, пусти!

(Атамуреду)

Я слушаю тебя.

А т а м у р а д

О царь, прости.

От податей закята и от дани
Спин разогнуть не можем мы, дехкане.
С нас подать бай берет два раза в год.
Во имя трона с нас хаким дерет,
А мухтасиб берет во имя веры.

Протягивает Улугбеку прошение. Улугбек
передает бумагу Али Кушчи.

У л у г б е к

Мы все прочтем и вскоре примем меры.

Б а б а К а й ф и

Пришло бы счастье к нам наверняка,
Но смерть проворней счастья бедняка!

С а й и д А б и д

Вели схватить бунтовщиков проклятых.
В зиндан их, справедливый Улугбек!

У л у г б е к

Так весь народ сгноим мы в казематах.

(к Баба Кайфи)

Скажи, кто ты, веселый человек?

С а й и д А б и д

О шах, сей раб над верою смеется.
Он пьет вино, он сеет смуту, ложь.

Улугбек смотрит на Баба Кайфи.

Б а б а К а й ф и

А что еще мне делать остается?
Глядишь на рожи постные и пьешь.
Пьешь, коль в почете подлеца ты видишь,
Коль в унижение мудреца ты видишь.
Услышишь стоны бедных, смех святош.
Отелится корова чья-то — пьешь.
Пьешь с радости весь день, коль день хорош,
А если день ненастен — с горя пьешь.
Коль скажут: «Полно пить, уймись скорей!» —
Мне слышится обычно: «Полно, пей!»

С а й и д А б и д

Греховны эти пьяные слова.

У л у г б е к

Хоть он и пьян, но речь его трезва!
Бывает часто: пьяные реченья
Умней иного трезвого сужденья.

(к Баба Кайфи)

Ступай, трудись, достойных много дел.
И наслажденью должен быть предел!

Улугбек направляется к воротам. Дервиши, следуя за ним, выкрикивают дервишеские моления.

Создал всех людей аллах,
Человек — былинка, прах.
После смерти в царстве божьем
Все равны: и раб, и шах.

У л у г б е к

А это что еще за праздный люд?

С л е п о й к а л а н д а р

Мы — дервиши, для нас греховен труд.

У л у г б е к

Чем заняты вы?

С л е п о й к а л а н д а р

Наш удел — смиренность,
Служение аллаху, пост, раденье.
Готовимся мы к Страшному суду!

У л у г б е к

А как вы добываете еду?

С л е п о й к а л а н д а р

Долг черни и кормить нас и жалеть.
От века было так и будет впредь!

У л у г б е к

Эй, Бердияр, весь этот праздный люд
Гони туда, где строим мы дорогу.
Пусть там натрут мозоли и поймут,
Что иногда и труд угоден богу.

К а л а н д а р ы

Нас, божьих слуг, ввергают в грех. Беда!

У л у г б е к

Труд не бывал греховен никогда!

Стражники угоняют каландаров.

С а й и д А б и д

Султан великий, ваш приказ жесток.
Не по грехам для них такая кара.
Не стоит на строительство дорог
Гнать, как рабов, людей Ходжи Ахрара.
Ходжа нас учит: если каландар
Изображен на каменном заборе,
То и перед забором млад и стар
Склониться должен, или всем нам горе.

У л у г б е к

Сайид Абид, пожалуйста, скажи,
Чья здесь земля: моя или Ходжи?

С а й и д А б и д

Здесь — вы султан.

У л у г б е к

Так кланяйся мне в ноги.
Терпению есть предел.
Уйди с дороги.

У л у г б е к и его свита входят в ворота. Народ идет за ними, некоторые расходятся. Сайид Абид зло смотрит вслед Улугбеку.

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Перед занавесом. С одной стороны входит Абдуллатиф со своим оруженосцем Аббасом и несколькими воинами; с другой идет ему навстречу Ходжа Ахрар в сопровождении мюридов. Когда они встречаются, Ходжа Ахрар останавливается и внимательно смотрит на Абдуллатифа. Под его взглядом Абдуллатиф останавливается тоже. Мгновение они стоят молча, но вот Абдуллатиф падает на колени перед Ходжой и целует его руку. Ишан благословляет шахского сына и уходит. Абдуллатиф смотрит ему вслед. Затем медленно поднимается и в сопровождении своей свиты идет в противоположную сторону.

Когда занавес поднимается, видна большая гостиная в одном из самаркандских дворцов Тимура—Коксарая. На сцене Улугбек, Шейхулислам, бек Арслан, Саккаки, Абдураззак, казий Мискин.

У л у г б е к

По милости великого амира
Тимура, говорю я, Улугбек:
Аллах свидетель, мы хотели мира,
И все же крови меч наш не избег.
Мятежники — зачинщики войны —
В сраженье пали или пленены.
И все же злого умысла клубок
Пока еще распутать я не смог.
Второе, что с прискорбностью большою
Я сообщаю, вас позвав сюда:
Недружны тимуриды меж собою:
И это наша главная беда.
Наш сын, кому мы завещаем трон,
Не победив двоюродного брата,
В сражении кровавом был пленен
И заключен был в крепости Герата.
Для трона есть ли большая беда,
Чем меж родней кровавая вражда?

Ш е й х у л и с л а м

Да, государь, ужасней во сто крат
Несметных орд чужого властелина
Война, когда идет на брата брат,
Сын на отца или отец на сына.

У л у г б е к

Но, слава богу, братьев примирив,
Освободил я сына от бесчестья,
Наследник наш мирза Абдуллатиф
Приедет к нам, я получил известье.

Входит диванбеги.

Д и в а н б е г и

Абдуллатиф, счастливый шахзада.

У л у г б е к

Быстрее, проводи его сюда!

Входит А б д у л л а т и ф, за ним А б б а с. Абдуллатиф подходит к отцу, кланяется. Аббас встает неподвижно у дверей.

А б д у л л а т и ф

Привет покоям нашего отца,
Поклон столпу тимурова дворца.

Целует руку Улугбека. Улугбек обнимает сына, целует в лоб, усаживает подле себя.

У л у г б е к

(мягко)

Наследник мой, забудьте все, что было:
Печаль плененья и огонь вражды.
В отсутствии раздора наша сила.
Сильны мы, коль едины и тверды.
Дни во дворце вам счастье принесут,
Сном станет все, что было там, в Герате...
Хоть мускус в тесный заключить сосуд,
Он свойств своих чудесных не утратит.
Здесь, во дворце, живите нам на счастье,
В делах страны примите вы участие.
А мы приникнем к роднику познания,
Ведь жизнь дается не на долгий срок:
Чуть приоткроешь тайну мироздания,

Чуть вникнешь в суть, а век уж твой истек.
Приходит осень к нам — пора печали,
Беда вслед за бедою.

Вы слышали,
Что младший брат ваш заболел опять?

А б д у л л а т и ф

Я это знаю!

(в сторону)

Мне ль того не знать!

У л у г б е к

Наверное, была трудна дорога,
И отдохнуть вам надобно сейчас.

А б д у л л а т и ф

Хотя и правда я устал немного,
Позвольте все ж остаться подле вас.
Внимать словам отцовского совета —
Не отдых ли и не блаженство ль это?

У л у г б е к

Ну что ж, останьтесь, сын мой, всем известно:
Усталость с молодостью не совместна.

А б д у л л а т и ф

Я вам, отец мой, кланяюсь, спасибо.
Позвольте же представить вам сейчас:
Вот старший сын сайида мухтасиба,
Помощник мой и друг батыр Аббас!

Аббас кланяется, Улугбек делает знак, и Аббас уходит.

А б д у л л а т и ф

Отец, иль мой помощник нехорош?

У л у г б е к

Надеюсь, на отца он не похож.
Его отец позорит нашу честь.
Терпел я, но предел терпенью есть!

А б д у л л а т и ф

О мой султан, прошу я снисхожденья.
Аббас мой раб и друг мой дорогой.
В дыму борьбы, в печали заточенья
Всегда он был мне преданным слугой.
За это, о великий мой родитель,
Вы и отца Аббаса не простите ль?

К а з и й М и с к и н

И я, султан, прошу, чтоб вы прощенье
Потомку Магомета дали в дар.
Сайид Абид достоин уваженья.
С ним водит дружбу сам Ходжа Ахрар.

У л у г б е к

О том известно нам, и нет сомненья,
Что в этой дружбе кроется беда.
И все ж, Абдуллатиф, в день возвращенья
На вашу просьбу говорю я: «Да!»
Но о другом речь поведем мы зле —
О бедности крестьян родного края.

Султан есть тень аллаха на земле,
Не может жить он, бед земли не зная.
Коль совесть у него усыплена,
У подданных покоя нет и сна.
Я думаю, нам всем сполна воздастся.
Ведь нет на свете большего греха,
Чем есть кебаб, забыв про пастуха.
Есть хлеб, не зная горя хлебопашца.
И потому мы порешили: впредь
С дехканина налог скостить на трети!

К а з и й М и с к и н

Но чем же пополнять казну султана?
На двор, на войско где нам деньги брать?

У л у г б е к

Купцов, товары, лавки, караваны
Мы будем большей данью облагать!

А б д у р а з з а к

Такой закон Ануширван Адил
И сам бы подписью своей скрепил.

Б е к А р с л а н

Что шах решил, то и закон всегда.
Рекущих «нет» сказать заставим «да!»

К а з и й М и с к и н

Но черный люд всегда платил налог,
А торговал,— мы знаем,— сам пророк.
Зачем же ныне сокрушать основы,

Чернь одарять, люд ущемлять торговый?
Ведь сам султан и сам Ходжа-ишан
Нет-нет да и отправят караван.

У л у г б е к

И наши караваны,— видит бог,—
Внесут в казну положенный налог.

А б д у л л а т и ф

Закон ваш мудр и добр, его грешно
Оспаривать.

У л у г б е к

Так, значит, решено.

Диванбеги подает Улугбеку бумагу на подпись. Улугбек читает
начальные строки указа.

По милости Амира Тимурбека
Повелеваю я на этот раз...
Перед судом истории от века
В ответе тот, кто подписал указ.

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Полдень. Читальня Улугбека на женской половине Коксарая.
На полках книги с золотыми корешками. Высокий мраморный стол.
На столе тетради, книги, чертежи. Сидит Фирюза. Она отвле-
кается от занятия, поднимает голову, видит свое отражение в боль-
шом зеркале на стене.

Ф и р у з а

(встает, идет к зеркалу)

О Фируза, светла твоя судьба.
Могла ли даже думать ты когда-то,
Что, дочь садовника, дитя раба,
Ты будешь царствовать в таких палатах.
Любовь сильнее, чем золотой престол,
Когда б не так, наверно, было б странно,
Что повелитель мира предпочел
Тебя всем дочерям великих ханов.

(смотрит в окно)

Вот милый повелитель мой и сам.

Садится в кресло, листает тетрадь. Входит У л у г б е к.
Фируза встает.

Ф и р у з а

Пожалуйте, учитель мой, салам!

У л у г б е к

Ну, ученица, как твои дела?
Ты сделала ль уроки?

Ф и р у з а

Да, учитель.
Задачи я решила, как могла.
Вот здесь, взгляните, верен ли числитель?

У л у г б е к

Все правильно, усердию хвала!
А как стихи?

Ф и р у з а

Я бейт один нашла.

(декламирует)

«Хоть царство красоты к тебе под свод пришло,
Не будь беспечным ты, не дремлет в мире зло».
Учитель, не смогли б вы объяснить:
Под свод один как царство все вместить?

У л у г б е к

Об этом надо бы спросить поэта.

Ф и р у з а

Так вот я и пытаюсь сделать это!
Ведь это вами же сочинено?

У л у г б е к

(улыбаясь)

Винюсь, грешил стихами, но давно!
Но как узнала ты, как поняла?

Ф и р у з а

Я Низами читала и нашла
Клочок бумаги старой с вязью строчек.

(показывает пожелтый листок)

Я и признала в них знакомый почерк.

У л у г б е к

Разоблачен, винюсь я, а признание
Преступникам смягчает наказание!

Ф и р у з а

Не бойтесь: кара будет не тяжка —
Раскройте мне смысл вашего стиха!

У л у г б е к

Ах, Фируза, давно все было это.
Все, что писал, я сам уже забыл.
А смысл стиха сокрыт в душе поэта —
Так старый мой учитель говорил.
Что, поняла?

Ф и р у з а

Не очень, тем не менее
Спасибо вам, учитель, за учение.

У л у г б е к

Да, Фируза, как никогда мне ясно,
Когда б не ты, звезда б моя погасла.
Мне кажется порой, что жизнь — дорога,
Мы встретились на ней лицом к лицу.
По молодости ты прошла немного,
Меж тем как мой подходит путь к концу.
Немного мне осталось. Так доколе

Лить кровь свою и кровь чужую лить?
Я царь, и все моей послушно воле.
Но как хочу, я сам не волен жить!
На свете множество занятий разных.
Мы можем к стольким родникам припасть.
Но вновь кого-то запах крови дразнит,
Кого-то манит золото и власть.
Сейчас увидишь одного такого,
Что хочет он, попробуй-ка пойми...

(Хлопает в ладоши. Делает вошедшему диванбеги знак)

Чтоб править, он убил отца родного.
Что жажда власти делает с людьми!

Ф и р у з а

Не лучше ль мне уйти?

У л у г б е к

Нет, погоди.
Увидишь все.

(снова хлопает в ладоши)

Диванбеги, веди!

Входит диванбеги, за ним двое стражников вводят Буракбека со связанными руками. Буракбек, как пойманный зверь, дико озирается по сторонам.

Д и в а н б е г и

Встань на колени, вор, исчадьё зол.

Пригибает Буракбека к полу. Тот становится на колени.

У л у г б е к

Зачем ты поднял меч на наш престол?

Б у р а к б е к

В долине Чирчика и возле Шаша
Земля всегда была и ныне наша!

У л у г б е к

Что значит наша? Это слышать странно.
Кто вы такие?

Б у р а к б е к

Внуки Чингисхана!

У л у г б е к

Так это ваши предки, Буракбек,
В пригоршнях притащили воды рек?

(Буракбек молчит)

Я знаю: пешка ты. Но кто игрок?
Признайся, кто в игру тебя вовлек?

Д и в а н б е г и

(подавая Улугбеку разорванный клочок бумаги и показывая на Буракбека)

Была записка спрятана в сапог.
Когда же мы нашли ее и взяли,

Он, связанный, рванулся по-шакальи
И, ртом схватив, бумагу изжевал
С трудом остатки эти мы собрали.

У л у г б е к

Чей это почерк, говори, шакал!

(Пленник молчит. Улугбек разглаживает порванную бумагу, пытается читать ее).

«По милости аллаха»... «Сам ишан
Благославляет вас»... «Гяур — султан»...
Скажи, презренный, чье это писанье?

В то время, как Улугбек читает обрывки фраз, входит Абдулла-латиф, оглядывает всех и понимает что происходит.
Буракбек молчит.

А б д у л л а т и ф

Сей бунтовщик достоин наказания!

У л у г б е к

Ах, сын мой дорогой, пришли вы кстати.
Нам предстоит несладкое занятие.
Вот кто ввергает нас в пучину бед,
То руша, что я строил сорок лет.
Когда вы примете в правленье царство,
И вам не уберечься от коварства.
Но пуще, чем о глазе, вы должны
Заботиться о цельности страны.

(Буракбеку)

Так кто тебе все это повелел?
Признайся и вернешься в свой удел!

Я отпущу. Известно всем от века,
Что нерушимо слово Улугбека.

Буракбек украдкой бросает взгляд на Абдуллатифа. Шахзада еле заметно прикусывает губу, как бы приказывая этим Буракбеку молчать, Буракбек молчит.

У л у г б е к

Шакала — в яму. Может, сидя в ней,
Покладистей он станет и умней!

Буракбека уведят. Улугбек передает клочки письма Фирузе.

У л у г б е к

В ларце хранятся письма, вот ключи.
Вынь и попробуй почерки сличи.
Ну, на сегодня хватит!

А б д у л л а т и ф

Можно ль мне
Сказать вам слово, но наедине?

(Смотрит на Фирузу. Она выходит.)

Отец, нет края гневу моему.
Мне лучше самому вести дознание.
Я вырву из преступника признание.

У л у г б е к

Что ж, если хочешь так, быть посему!

Улугбек уходит в опочивальню Фирузы.
Абдуллатиф остается один.

Абдулатиф

Когда я вижу или вспоминаю,
Я не навизу, злобою горя,
Того, кто от Египта до Китая
Стал притчей про ученого царя!
Мне, сыну, ненавистен голос отчий,
А из того, что было да прошло,
Все доброе я забываю тотчас
И навсегда запоминаю зло.
А впрочем, зло, добро — пустые бредни.
Замена счастья тем, кто бос и гол.
А я — сын шаха, престолонаследник.
Но сколько лет я должен ждать престол?
Иду я, а когда дойду до трона?
Мне долго ль ждать, когда придет мой срок?
Но к волосам седым зачем корона,
Коль нет зубов, от яств велик ли прок?
Мои скончались в отрочестве брата,
И брат последний болен тяжело —
Что это — добрый знак или проклятье
За то, что у меня на сердце зло?
Я остаюсь единственным, последним.
Клокочет кровь царей в моей крови.
Хоть я — надежда шаха и наследник,
Но в сердце шахском нет ко мне любви.
И в дни, когда с врагами я сражался,
Когда в гератском мучился плену,
Он со своею девкой миловался
Иль мирно любовался на луну.
Ходжа Ахрар, святой и неподкупный,
Мне говорил, и повторить я рад:
«Коль брат твой иль отец вероотступник,
Отец твой — не отец, и брат — не брат».
Мой ясен путь, я не прощу обиды,
Не я один, все не согласны с ним.

Мискин, Абид, Ходжа Ахрар, мюриды
И даже бабка Гавхаршадбегим.
Пусть сам отец клубок распутать хочет,
Но заговор покуда не раскрыт.
Покуда Фируза поймет, чей почерк,
Письмо писавший дело завершит.
Жизнь коротка, и, чтоб хватило века,
Не рассуждать мне надо, а спешить.

(бьет в ладоши)

Э, кто там, приведите Буракбека.

(про себя)

Он глуп, он всех нас может погубить!

Стража вводит Буракбека.

А б д у л л а т и ф

(стражникам)

Когда я кликну вас, придите снова.
Теперь идите, вы мне не нужны!

Стражники уходят. Абдуллатиф остается
наедине с Буракбеком.

Б у р а к б е к

Ах, шахзада, твое неверно слово,
И все теперь погибнуть мы должны!

А б д у л л а т и ф

(прикладывая палец к губам)

Вы с делом поспешили, о проклятье,
Иль вы не знали, что я был в Герате?

Б у р а к б е к

Быть может, мы поднялись слишком рано,
Но нынче нет надежды, тьма кругом.

А б д у л л а т и ф

Надежды нету только у шайтана.
Не сознавайтесь, и мы вас спасем.
Ни слова больше, не забудьте, бек:
День-два — и мы устроим вам побег!

В это время Фируза выходит из своей комнаты, чтобы забрать тетради, лежащие на столе. Но, невольно заинтересовавшись разговором, задерживается и стоит за занавесом.

Абдуллатиф ее не замечает.

А б д у л л а т и ф

(бьет в ладоши)

Эй, стража, уведите и тотчас
Найдите, пусть придет ко мне Аббас!

Аббас появляется тотчас. Он входит в дверь, когда уводят Буракбека. Аббас мгновенно смотрит вслед Буракбеку, которого уводит стража.

А б б а с

Я здесь, ваш раб!

А б д у л л а т и ф

(в раздумье)

Был, не был — зря, не зря...

(Обращаясь к Аббасу, указывает в сторону двери, куда ушли Буракбека, и проводит пальцем по своему горлу.)

Кых-ких, и не позднее, чем взойдет заря.

Аббас, кланяясь, выходит. Фируза начинает громко смеяться.

А б д у л л а т и ф

Кто это там смеется или плачет?

Ф и р у з а

Мирза, скажите мне, что это значит:
Кых-ких?..

А б д у л л а т и ф

Так это вы, моя ханум?
Что вдруг смеяться вам пришло на ум?

Ф и р у з а

Мирза, я услышала это слово,
И почему-то стало мне смешно.

А б д у л л а т и ф

(в сторону)

Прекрасно, что не слышала другого!

Ф и р у з а

Так что же означать оно должно?

А б д у л л а т и ф

Есть в словаре мужском словечек пять,
Которых господам не надо знать.

Ф и р у з а

Нет, все ж скажите мне значенье слов.

А б д у л л а т и ф

«Кых-ких»... так говорим мы «будь здоров!»

Ф и р у з а

Как странно, человека вы позвали
И только «будь здоров» ему сказали!

А б д у л л а т и ф

Ханум, прошу вас: эти шутки бросьте,
Здесь я хозяин, остальные гости!
Тем боле те, которых взял отец
По доброте из грязи во дворец!

Ф и р у з а

Мирза, мне ваши речи слышать странно:
Я дочь раба, но я жена султана.
И здесь мои покои, и теперь
Я вас прошу,

(показывает на дверь)

закройте эту дверь.

*(Абдуллатиф бросает на Фирузу гневный взгляд, но
повинуется.)*

Что мучает его: тревога, страх?
Что б ни было, спаси нас всех аллах!

З а н а в е с

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большой зал в гареме. На сцене женщины дома тимуридов.
Прислужницы, певицы. Одна из певиц поет.

П е с н я

Кто твой увидит лик, кто твой услышит зов,
Тот кровь пролить готов, покинуть отчий кров.
От взгляда твоего пришел Китай в смятенье,
И Рум, и Туркестан, и сто других краев.
Льет кровь и Саккаки, твоей стрелой пронзенный,
Но боль его сладка, он умереть готов.

Н и г а р х а н у м

Молчи, довольно, сердце не терзай,
Мне не дает покоя это пенье.
Мне кажется: мой взгляд смутил Китай
И сто других краев привел в смятенье.

II ж е н а

(с иронией)

Конечно, Саккаки, увидев вас,
И песнь исторг, и пролил кровь из глаз.

Н и г а р х а н у м

(смотрясь в зеркало)

Для красоты нет запертых дверей,
Но мир проигрывает поединок,
Сраженный блеском ханских дочерей,
А не смазливостью простолюдинок.

Смазливость — грош, а красота — динар,
Пред красотой бессилен млад и стар.

II ж е н а

Вы всех прекраснее, Нигарханум,
В сравненье с вами мы гораздо хуже.
Вы покорили Туркестан и Рум.
Не покорили только сердце мужа.

Н и г а р х а н у м

Все ерунда!

III ж е н а

Совсем не ерунда,
В садовниковой дочке вся беда.
Иль, может, правда, младшая жена
И медом, и нугой начинена?

II ж е н а

Она хитра, ее лишь в этом сила,
Над кнгами весь день сидит не зря,
Быстрее всех нас она сообразила,
Как оплести и чем прельстить царя.

Н и г а р х а н у м

Рожденная рабой, она раба,
Прислуживать весь век — ее судьба,
Она, как ни печется, как ни тщится,
Из грязи вышла, в грязь и возвратится.

II ж е н а

Меня учили тоже до поры,
Но грамотою я не овладела,
Да, впрочем, это и не наше дело.
Ведь мы не дети мулл, не школяры!

Н и г а р х а н у м

Никто пока на нежных наших лицах
Не пишет, сколько книжек мы прочли,
Пред красотой все должно склониться,
Она сильнее всех сущих сил земли.
Владыки мира, обливаясь кровью,
Ведут осаду грозных крепостей,
А женщине лишь стоит двинуть бровью,
И крепости склоняются пред ней.

III ж е н а

Бывает, впрочем, и наоборот:
И красота становится страданьем...

Входит Абдуллатиф.

Н и г а р х а н у м

Пожалуйте, мирза, к нам ваш приход
Пусть будет добрым предзнаменованием!

А б д у л л а т и ф

О женщины, в счастливого гонца
Сегодня мне случилось превратиться,
Родительница нашего отца
Прибудет завтра утром к нам в столицу!
После кончины матери моей,
Мне матери она была родней.
Нет в мире мусульманки правоверней,
Султан-отец ее приезда ждет,
Готовьте все теперь же, в час вечерний,
Чтоб утром должный ей воздать почет.

Н и г а р х а н у м

Мирза, мы рады вашему известью,
Достойную ханум мы встретим с честью.

Женщины уходят.

А б д у л л а т и ф

Ну что ж, пока все хорошо идет,
Я в шахматы игрок не самый слабый,
И лишь один меня тревожит ход.
Ход Фирузы — поганой этой бабы.
Она сначала почерки сличит,
А после нанесет удар последний —
Ублюдка на погибель мне родит,

Пожалуйста, вот это и наследник,
Недаром говорится, что всегда
Опасней всех неожиданная беда!
Но ничего, есть способ у меня:
Мы пустим сплетню, поддадим огня,
Когда с уменьем человек возьмется,
В его руках и снег огнем займется.
Ну а потом...

Несколько молодых служанок, неся различные яства на серебряных подносах, проходят через зал. Абдуллатиф задерживает последнюю, Гунчакыз.

Г у н ч а к ы з

Простите, мой мирза!

А б д у л л а т и ф

Ах, Гунчакыз, черны твои глаза,
За этот год ты вновь похорошела.
В служанках быть тебе не надоело?
Тебе с твоей красою неземной!
Подходит быть любимую женой!
Скажи — мы жениха найдем тотчас...

Г у н ч а к ы з

Мне это говорил уже Аббас.
И горы золотые до небес
Он обещал мне, да потом исчез...
И целый год уже не объявлялся...

А б д у л л а т и ф

Получше мы найдем кого-нибудь.
А этого негодника забудь!
Я сам в нем горько разочаровался.
И я был слеп...

Г у н ч а к ы з

Что ж сделать он посмел,
В чем провинился?

А б д у л л а т и ф

Переступил предел!
Победами своими похвалялся.
Когда бывал в кого-нибудь влюблен,
Он не щадил ни чести, ни имен,
Всем говорил: «Я от любви сгораю»...

Г у н ч а к ы з

И это было правдою?

А б д у л л а т и ф

Не знаю!
А впрочем, правда это или нет,
Зачем кричать о том на целый свет...
Чернить людей достойных непрестанно?

Г у н ч а к ы з

Чью ж он позорил честь?

А б д у л л а т и ф

Жены султана,
На дню произносил по десять раз
Он имя Фирузы...

Г у н ч а к ы з

Ай да Аббас!

Абдуллатиф

Мне самому нанес он этим рану.

Гунчакыз

Ай да ханум!

Абдуллатиф

Прогнал его я с глаз.

Гунчакыз

О боже!

Абдуллатиф

Много я сказал такого,
Что говорить не должно, может быть.
Ступай и помни: никому ни слова.

Гунчакыз уходит.

Пустил стрелу, теперь не возвратить!
О женщины, загадочный народ.
Что скажешь — сделают наоборот!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Там же. На почетном месте сидит Гавхаршадбегим.
Вокруг нее женщины гарема: жены, прислужницы. В
стороне, скрестив руки, стоит Абдуллатиф.

Г а в х а р ш а д

Я много лет сюда не приезжала.
Когда великий умер Тимурбек,
Мой муж Шахрух-мирза — его наследник —
Избрал своей столицей Герат.
И я хочу сейчас сказать вам, жены
Моих живых и мертвых сыновей,
Живите в вере, помните законы,
Храни вас бог от пагубных страстей.
«Приютом целомудрия» ваш город
Считался, и хранил его аллах.
Мне странно слышать ныне разговоры
О том, что все погрязли вы в грехах.

За сценой слышится музыка и пенье девушек.

Эй, прекратите неприятный шум,
Все это грех, достойный наказанья.
Приходит с песней женщине на ум
Бог знает что и будит в ней желанья.

Музыка прекращается.

А где, скажите, младшая из вас?

А б д у л л а т и ф

Она, должно быть, явится сейчас.

По его знаку одна из служанок уходит.

Ш и г а р х а н у м

Делами шаха занятой всегда,
Ей, может, недосуг прийти сюда.

И ж е н а

Иль, может, слезы льет она в печали
Из-за того, что убежал Аббас.

А б д у л л а т и ф

(с ложным упреком)

Ханум, поверьте, то что вы сказали,
Не стоило бы говорить сейчас!

Г а в х а р ш а д

Не думайте, мирза, мне все известно.

Входит Ф и р у з а. Она кланяется свекрови.

Но вот и наша младшая невестка.
Я, милая, здесь гостья и свекровь.
Где же вниманье ваше, где любовь?
И я была невесткой, я, бывало,
Свекровь свою, как мужа, почитала!

Ф и р у з а

Для всех большая радость вам служить.
Но мой учитель...

Г а в х а р ш а д

Кто?

Ф и р у з а

Мой повелитель
Мне поручил бумаги разложить,
И задержалась я; меня простите ль?

Г а в х а р ш а д

Ужели в Самарканде из мужей
Нельзя найти достойных писарей,
Что сын мой жен назначил писарями?

Н и г а р х а н у м

О нет, он этого не сделал с нами.
Украсить может должность писарей
Служанок, а не ханских дочерей!

Ф и р у з а

А тех, чье высоко происхождение,
Украсить могут только украшенья.

Н и г а р х а н у м

Мы носим драгоценности не зря,
И отличает ценность их обычно
От жен простолюдинов жен царя.

Ф и р у з а

Когда другого нет у нас отличья.

Г а в х а р ш а д

Я вижу на примере Фирузы,
Что в Самарканде взяли волю жены.

Ф и р у з а

Ханум, быть в подчинении мирзы
Мой долг, как долг любой жены законной.

Г а в х а р ш а д

Служите же ему и, не дай бог,
Не выходите из повиновенья...

П и г а р х а н у м

Не выходите из повиновенья.

Ф и р у з а

Мне в речи вашей слышится намек,

А б д у л л а т и ф

О нет, ханум, всего лишь наставленья.
Так принято в Тимуровом роду.

Г а в х а р ш а д

Ступайте, женщины!

(к Фирузе)

И ты!

Ф и р у з а

(кланяясь)

Иду.

Жены расходятся. Гавхаршад остается с Абдуллатифом.

А б д у л л а т и ф

Нам во дворце так не хватало вас,
Приезд ваш — дар аллаха и спасенье,

Султан в заняты звездами погряз,
В стране разруха, смута, запустенье.
Нет золота в казне, порядка — в войске,
Владыка с чернью говорит по-свойски.
Все рушится, все шатко, трон трещит,
Преступники в чести, в опале судьи.
Коль власть другой захватит тимурид,
Нам с вами места во дворце не будет.
Беда грядет, не избежать грозы.
Кто нашего отца на путь наставит?
Вы слышали ответы Фирузы?
Вот кто сегодня государством правит.

Г а в х а р ш а д

Мирза, я воспитала в вас царя,
Труд воспитателя пропал не зря.
Я вижу, не отбились вы от рук.
Я на земле не знаю человека,
Кому бы, кроме вас, мой милый внук,
Пошла бы так корона Тимурбека.

А б д у л л а т и ф

Клянусь, что, как в былые времена,
Как при Шахрух-мирзе, при вашем муже,
В короне, коль она мне суждена,
Вы будете крупнейшей из жемчужин.

Г а в х а р ш а д

Я верю в верность ваших слов благих!

А б д у л л а т и ф

(в сторону)

Ее заверить — труд не из простых.

(к Гавхаршад)

Моя душа служить всегда вам рада.

Г а в х а р ш а д

Мне кажется, что будет все как надо!
Издравле сын приемлет трон отца.

А б д у л л а т и ф

Нет моему доверью к вам конца.

Г а в х а р ш а д

(в сторону)

Его уверить не был труд простым.

А б д у л л а т и ф

Пусть сбудется все то, что мы хотим.

Абдуллатиф уходит.

Г а в х а р ш а д

Постигла я нехитрую науку:
К лицу корона только тем, кто смел.
Ни к сыну сердце не лежит, ни к внуку,
Меня и внук мой отстранит от дел!
Мне написал ишан Ходжа Ахрар,
Что гибнет сын мой Улугбек в гордыне,
Мне пишет сам ишан Ходжа Ахрар,
На что-то, значит, я гожусь и ныне.

Входит Улугбек.

У л у г б е к

Привет вам, досточтимая бегим,
Надеюсь, не придется вам томиться
От скуки! Посещением своим
Вы нашу осчастливили столицу.
Всяк понимает — юный и седой,
Что рай под материнскою стопой.
С тех пор, как умер муж ваш, раежитель,
Немало пережили вы невзгод.
Вы хоть теперь на нас переложите
Всю тяжесть государственных забот.
Здесь все для вас, скажите только слово!
Что б вы ни захотели, все готово!

Г а в х а р ш а д

Как горек и тяжел удел старух!
Но нам ни лень, ни праздность не во благо,
Отец ваш раежитель хан Шахрух,
Без слова моего не делал шага.
Я вижу: все грехом осквернено.
В чертогах царских все поют и пляшут,
И богохульствуют и пьют вино
Не то что гости, но и жены ваши.
Под сводами дворца молитв не слышим.
Почета нет к ишанам и дервишам.

У л у г б е к

Поверьте, видеть вас я очень рад,
Мне мил ваш голос, им я упиваюсь.
Но мне уже давно за пятьдесят.
Я матерь чту, а в няньках не нуждаюсь.

Г а в х а р ш а д

Ах, сын мой, наша горькая беда.
Что мальчиком при мне вы жили мало.

Вас с малых лет Тимур привез сюда,
Где Сарай-Мулк-ханум вас воспитала.

У л у г б е к

Да, я обязан Сарай-Мулк-бегим
Тем, что я добр, и тем, что я терпим.

Г а в х а р ш а д

Сын дорогой, давно уж все забыли
Царей, что добрым склонностям служили.
Не мальчик вы, и вам понять пора:
Для власти нужно все, кроме добра!
Не мы такой закон установили!
И я хотеть еще покуда в силе,
Чтоб сыновья мои царями были
И подчинялись мне, хоть я стара,
Чтоб жены их в смиренье пребывали,
Чтоб внуки мне почтенье изъявляли,
Я для того к вам прибыла вчера,
Чтоб этих истин вы не забывали.

У л у г б е к

О нет, я с вами соглашусь едва ли.
Бабур, Алауддавл, Абдуллатиф —
Три ваших внука, вы их воспитали,
Им не любовь, а ненависть привив,
Вы из троих кого-то отвергали,
Кого-то приближали, подстрекали,
И вот они, родство свое забыв,
Во гневе кровь друг друга проливали.
Такое в Самарканде я едва ли
Позволю допустить, покуда жив.
Пред матерями всегда в долгу мы — дети,
Но я здесь царь, и я за все в ответе!

Г а в х а р ш а д

Ужель свершила я столь тяжкий путь,
Чтоб сын родной всадил кинжал мне в грудь?

У л у г б е к

Я вам сказал без лести и коварства
Правдивые, хоть горькие, слова,
Но судьбы подданных моих и царства
Дороже мне покоя и родства.

Г а в х а р ш а д

О сын мой, я готова вас понять.
Забываясь о судьбе страны, наверно,
Вы шейхов оскорбляете и знать,
Чтоб только обласкать людей из черни,
Вы ханских дочерей прогнали прочь.
Приблизили простолюдина дочь,
Простолюдин Али Кушчи вам близок.
Вам близки только те, кто родом низок!

У л у г б е к

У этих двух людей, свидетель бог,
Пронсхождение низко, дух высок.

Г а в х а р ш а д

От черни, что не знает долгу цену,
Все можно ждать...

У л у г б е к

Что именно?

Г а в х а р ш а д

Измену!

У л у г б е к

Вы поясните мысль свою?

Г а в х а р ш а д

Сейчас.

Поверьте, я пекусь о вашей чести.
Вторые сутки Фируза, Аббас —
Два этих имени я слышу вместе!

У л у г б е к

Поверьте мне: все это злобный вздор!

Г а в х а р ш а д

Не я ж его везла сюда за горы,
Коль спит хозяин, в дом его и двор
Спокойно лезут опытные вору.
Я удалюсь: пора свершить намаз.

Г а в х а р ш а д уходит.

У л у г б е к

(бьет в ладоши, появляется слуга)

Пусть сын мой и слуга его Аббас
Придут сюда...

Слуга уходит.

Я знаю, это ложь.
Как часто лживость нам ясна, а все же...
О женщины, загадочный народ.
Чтоб их прочесть, как книгу, нужно знание,
А мы увидим яркий переплет,
И обомрем, не зная содержания,
Мы зрим на женщин, видя в них мечту,
Но есть закон у жизни быстротечной,
И по нему — осеннему листу
Соседствовать не можно с розой вешней.
Здесь правых нет и виноватых нет!
Есть только увяданье и расцвет.
Роптать на это можем мы едва ли.

Входит Абдуллатиф.

А б д у л л а т и ф

Я здесь, родитель мой! Меня вы звали?

У л у г б е к

А где Аббас — помощник ваш и друг?

А б д у л л а т и ф

Ему проступки все сходили с рук,
Но кончилось теперь мое терпенье,
Его прогнал...

У л у г б е к

Какое ж преступленье,
Что вы не в силах были перенести,
Он совершил?

А б д у л л а т и ф

Позорил вашу честь.
Рассказывать взбрело ему на ум
О нежности к нему одной ханум.

У л у г б е к

Какой ханум?

А б д у л л а т и ф

Не смею...

У л у г б е к

Ну какой?
Я это знать хочу.

А б д у л л а т и ф

Фирузы-ой!
Прогнав его, я мягко поступил,
Хотел вернуть. Какой там: след простыл!
Людей на розыски послал...

У л у г б е к

И что же?

А б д у л л а т и ф

Пока никто его найти не может!

У л у г б е к

О благородстве мнимом говоря,
Зачем же вы его хвалили зря?

А б д у л л а т и ф

Он скромн был, смиренн был от века.
Должно быть страсть меняет человека!

У л у г б е к

В моем дворце позорят честь мою,
А сам я все последним узнаю.

А б д у л л а т и ф

Я сожалею, виноват, простите,
Мне не хотелось огорчать отца,
Я вас щадил, и надо ли — скажите —
Знать мудрецу о дерзости глупца?

У л у г б е к

Так, значит, по дворцу ходили слухи:
Все люди были немы, но не глухи,—
И, не успев приехать, наша мать
Всю эту грязь должна была узнать?

А б д у л л а т и ф

Не знаю, может быть, кому-то мнится,
Что в этих слухах — истины крупца.
Ведь говорят: «Не шелохнутся ветви,
Покудова не пронесутся ветры!»

У л у г б е к

Ваш друг Аббас как будто сын сайида,
Найдите, пусть сайид ко мне придет.

А б д у л л а т и ф

Найти легко, с какою-то обидой
С утра он вашего приема ждет!

У л у г б е к

Скажите, пусть войдет он...

Абдуллатиф удаляется.

О проклятье!

Что происходит, вразуми, аллах!
Иль сын мой изменился там в Герате,
Иль зоркость прибыла в моих глазах.

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Там же. У л у г б е к, А б д у л л а т и ф, с а й и д А б и д.

У л у г б е к

Сайид, скажите, где ваш сын Аббас?

С а й и д А б и д

Не знаю, повелитель. Взрослым детям
Родительское слово — не указ.
Они умнее нас и всех на свете.
Куда стопы Аббас мой устремил,
Быть может, знают те, кому он мил.

У л у г б е к

Кто именно?

С а й и д А б и д

Коль разговорам верить,
Так, видимо, одна из здешних пери.

У л у г б е к

Что говорите вы, защитник веры,
Какие подаете нам примеры!

С а й и д А б и д

Но как могу я говорить иначе,
Я только мухтасиб, и, сбившись с ног,
Искать влюбленных не моя задача,
Я даже дочь свою найти не мог!

А б д у л л а т и ф

Сайид Абид, невнятен ваш ответ.
Где сын ваш? Если знаете, скажите.
Не знаете — скажите прямо «нет!»
И правдою от бед себя спасите!

Входит Г а в х а р ш а д, садится на свое почетное место,

У л у г б е к

Глаза я закрывал, я вас щадил,
Сам вас прощал, наш сын за вас просил,
Но вы, сайид, и ваше все семейство
Несете всюду распри и злодейство!

Я слышал, что гноите вы в темницах
Невинных иль свершивших малый грех.
Я нынче сам решил в зиндан спуститься
И отпустить, кто не виновен, всех.

Г а в х а р ш а д

Мирза, зачем вам пыл и силы тратить,
Сайид нам мил. Мы слышали в Герате,
Что вера у него в душе крепка,
Что держит он весь город в страхе божьем...

У л у г б е к

Вы слышали о нем издавека,
А мы его воочью видеть можем.
Я милостью амира Тимурбека
Повелеваю, так тому и быть:
Утратившего облик человека
От должности сайида отстранить!
За все содеянные злодеянья
Его мы обрекаем на изгнание.
Идите и благодарите бога,
Что осудили вас не слишком строго.

Диванбеги уводит сайид Абнда.

А б д у л л а т и ф

Приказ ваш справедлив, отец-султан,
Сайида стоит наказать жестоко.
Но мне известно, что Ахрар-ишан
В нем ценит красноречие пророка.
И как ни тяжелы его проступки,
Пойти бы следовало на уступки!

У л у г б е к

Мой взрослый сын, когда придет к вам зрелость?
Вы и теперь своих сомнений раб,
Пора быть мужем, ваша мягкотелость
К двуличию, боюсь, не привела б.
Все взвесьте, сын мой, а теперь идите!

А б д у л л а т и ф

Отец, за мягкость вы меня простите!

А б д у л л а т и ф уходит.

Г а в х а р ш а д

О чести царь заботиться обязан,
Сбежал Аббас, и мухтасиб наказан,
Но рта, который рвется говорить,
Не удастся решетом закрыть.

У л у г б е к

Все пересуды, сплетни — плод обмана...

Г а в х а р ш а д

Но речь идет об имени султана.
Коль так толкуют о его жене,
Что ж делать женщинам простого званья?
Ужель в аллахом избранной стране
Останется порок без наказания?

Г а в х а р ш а д уходит.

У л у г б е к

Ужель в такое время мы живем,
Когда добро оплачивают злом?
Жил мой отец Шахрух-мирза, и я
Служил ему и правдою и верой,
За что ж мои родные сыновья
Лишь горе мне даруют полной мерой?
Отец двух сыновей, я одинок,
Нет у меня опоры в мире целом.
Один мой сын болезнен и убог,
Другой душою слаб, хоть крепок телом.
Что сделал я, в чем преступил предел,
За что судьба меня карает строго?
Иль небо мстит за то, что я посмел
Проникнуть дерзко в глубь его чертога?

Улугбек, обхватив голову руками, погружается в глубокое раздумье. Входит Ф и р у з а. Заметив ее, Улугбек поднимает голову и пристально смотрит на жену.

Ф и р у з а

Я ваши мысли прервала, устаз!
К вам у меня есть небольшое дело.

Улугбек молчит.

Могу прийти я в следующий раз.

Хочет уйти.

У л у г б е к

(тяжело)

Не уходи, что ты сказать хотела?

Ф и р у з а

Я принесла, учитель, два письма.
Смотрите: почерк сходен и весьма.
Вот шахзада писал вам из Герата,
А вот письмо у Буракбека взято.

У л у г б е к

Оставь, мне не до этого сейчас,
Знаком ли, Фируза, тебе Аббас?

Фируза, рыдая, бросается в ноги Улугбеку.

Пусть даже это правда, мне на горе,
Ты молода, а потому права:
У молодости молнии во взоре,
У старости свеча горит едва.

Улугбек гладит голову Фирузы.

Не плачь, не надо, правду мне скажи,
И злая правда лучше доброй лжи.

Ф и р у з а

Так, значит, сплетня и до вас дошла.
Велик аллах! Как длинны руки зла!
Учитель, не боюсь я ничего,
Пусть я умру, побитая камнями,—
Боюсь я больше смерти одного:
Быть проклятой, непонятою вами.
Иначе не открыла бы я рта...

У л у г б е к

Встань, Фируза, я знаю — ты чиста.

Ф и р у з а

Устаз, я начинаю вспоминать,
Когда допрашивали Буракбека,
Вернулась я, чтоб взять свою тетрадь,
И вижу шахзаду, с ним человека.
Ваш сын кому-то отдавал приказ.
Тот человек второй и был Аббас.
Но я его не видела с тех пор,
А с сыном вашим странный разговор
Был у меня.

У л у г б е к

Позор моим сединам!
Что ж ты молчала?

Ф и р у з а

Страшен был раздор.

У л у г б е к

Какой раздор?

Ф и р у з а

Между отцом и сыном!

У л у г б е к

Я тоже начинаю понимать,
Абдуллатиф рассказывал мне, будто
Пытался пленный Буракбек бежать
И был убит Аббасом в то же утро!
Я знаю: нету на тебе вины...

(в сторону)

И все ж таки расстаться мы должны.
Чиста, как свет созвездий, Фируза!
Не стоят все печали Туркестана
Одной твоей слезинки дорогой.

Д и в а н б е г и

(входя)

Пришел по повелению султана
Шейхулислам.

У л у г б е к

Диванбеги, постой!
Распорядись, пусть приготовят люди
Фарфоровый дворец и поскорей,
Там Фируза владычествовать будет,
Назначь прислугу в услуженье ей.
Пусть будет все, как я повелеваю.

Диванбеги уходит. Улугбек провожает Фирузу к дверям.

Все будет хорошо, иди, родная,
А у меня есть с шейхом разговор!

Фируза, радостная и немного удивленная, целует руку Улугбеку
и идет к выходу. Входит Шейхулислам, кланяется.

У л у г б е к

Здесь Фируза была, Шейхулислам,
Скажите, что о ней известно вам?

Шейхулислам

(смущенно)

Я слышал, ходит разная молва.
Но я уверен, лживы все слова
О слабости ханум, для них нет пищи.
Ханум чиста, как ангел, даже чище!
Сомненья пусть не властвуют султаном...

Улугбек

Вы в том уверены?

Шейхулислам

Клянусь кораном.

Улугбек

Я в том же убежден, Шейхулислам.
А потому — бумагу и калам!
Свидетельство составьте разводное.

Шейхулислам

Эмир, простите, я, наверно, глух,
И слово мне слышалось иное,
Чем сказано!

Улугбек

Не обманул вас слух...
Что Фируза невинна, нет сомненья,
И это подтверждает ваше мнение.

Шейхулислам

Простите, но зачем тогда развод?

Улугбек

Правитель я, и долг меня гнетет.
Есть у земных царей свои законы,
Владыки мира, мы рабы короны,
Блистающей над нашей головой.
Не могут быть мои задеты жены
Пусть лживой, но порочашей молвой.
Ах, Фируза, неведомы пути,
Мы слепы, мы идем, куда, не зная,
Люблю тебя, аллах меня прости,
Гоню тебя, прости, моя родная!

Занавес

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Зиндан под Коксараем. Полутьма, порою слышны стоны заточенных в подземелье. Тьма озаряется приближающимися факелами. Идут Улугбек, Шейхулислам Бурханиддин, Фарманшах Корчи, Бердияр. Их сопровождает Зинданбон. Видны плоские камни, которыми накрыты отдельные ямы, где томятся узники.

Улугбек

Проверим обитателей зиндана.

(Показывая на одну из ям)

Кто здесь сидит?

Ф а р м а н ш а х

(читая по тетради)

Ташбук — опасный вор!

У л у г б е к

Что сделал он?

Ф а р м а н ш а х

(читая)

У Малика Тархана
Украл козу, ягненка и барана!

У л у г б е к

Давно ль сидит он?

Ф а р м а н ш а х

Год прошел с тех пор!

У л у г б е к

Не много ль за столь мелкую скотину?
Освободите!

Г о л о с с н и з у

Слава властелину!

У л у г б е к

(показывая на следующую яму)

Кто здесь томится?

Ф а р м а н ш а х

(читая)

Здесь Кадыр — чабан.
Отрезал ухо сборщику налога.

Г о л о с с н и з у

Бесчестил он мою жену, султан.

У л у г б е к

Давно сидит?

Ф а р м а н ш а х

Два года.

У л у г б е к

Слишком строго.
Всего за ухо! Пусть идет домой.

Г о л о с с н и з у

Сто лет вам жизни, избавитель мой.

У л у г б е к

Иди да не отрежь, простясь с тюрьмой,
Второго уха сборщику налога.

Г о л о с с н и з у

Чтоб горя вы не знали, властелин!

У л у г б е к

(проходя дальше, показывая на следующую яму)

Кто здесь?

. Ф а р м а н ш а х

(опять заглядывая в тетрадь)

Атамурад — крестьянский сын.

А т а м у р а д

(снизу)

Великий шах, прощение тогда
Я подал вам и угодил сюда.

У л у г б е к

Немедля отпустите старика.
Ах, мухтасиб, опять твоя рука,
Ты сам достоин в этой гнить могиле.

Ф а р м а н ш а х

Простите, шах, на нем еще вина,
Он подати не уплатил сполна!

У л у г б е к

Пора бы знать: мы подать сократили!
Он — не должник. Иди, старик, домой!

А т а м у р а д

(снизу)

Спасибо вам, султан, спаситель мой.

У л у г б е к

(останавливаясь у следующей ямы)

А кто томится здесь?

Ф а р м а н ш а х

Здесь водонос,
Пил воду в рамазан, сосед донес.
И грешник по веленью мухтасиба...

У л у г б е к

Все ясно, отпустить!

Г о л о с с н и з у

Султан, спасибо!

У л у г б е к

Где пленники кипчакские?

Ф а р м а н ш а х

(показывая на ряд ям)

Вон там,
Где подобает вашим быть врагам!

У л у г б е к

Всех отпустите: прошлому прощенье.
Главарь их мертв, а это — мелкий люд.

Ф а р м а н ш а х

Я вас просить хотел в свои владенья
Взять как работников!..

У л у г б е к

Их дети ждут!

Ш е й х у л и с л а м

Властитель, нет числа их преступленьям.
Ужель не сладко насладиться мщеньем
За их богопротивные дела!

У л у г б е к

Шейхулислам, чем мщеньем насладиться,
Не слаще ли прощеньем насладиться!

Г о л о с с н и з у

Великому властителю хвала!

Улугбек вместе с сопровождающими его людьми проходит дальше,
останавливается перед следующей ямой.

У л у г б е к

А кто томится здесь под сводом мрака?

Ф а р м а н ш а х

Баба Кайфи...

У л у г б е к

Ах, помню, тот гуляка!
Добряк пропащий. В чем его вина?

Ф а р м а н ш а х

Он мухтасиба оскорбил спяна!

У л у г б е к

Пусть прочь идет!

Б а б а К а й ф и

(снизу)

Хоть здесь темно и тесно,
Мне стало как бы домом это место.
Но если надо мне уйти отсюда,
Велите вытащить меня, покуда
Вы здесь, властитель наш!

Ф а р м а н ш а х

Ты что, больной,
Не знаешь здешних правил?

Б а б а К а й ф и

Я хмельной,
А не больной...

По знаку Улугбека Баба Кайфи вытаскивают из ямы.

У л у г б е к

Ступай скорей домой.

Б а б а К а й ф и

Султан, но без любимого напитка
Мне трудно, пусть бурдюк наполнят мой!

У л у г б е к

Ну что ж, как возмещение убытка!

Б е р д и я р

Пошли, Баба, но скажи, твой учитель Хайям
Тоже пил вино-мино, когда попадал в яму-маму?

Б а б а К а й ф и

Хайям не знал мне ведомых обид,
Был не рожден еще сайид Абид!

(Идет вслед за Бердияром, напевая.)

Зиндан — свеча, я — мотылек.
На гибель рок меня обрек.

Б а б а К а й ф и и Б е р д и я р у х о д я т .

Ф а р м а н ш а х

(закрывая тетрадь)

Итак, все перелистаны страницы,
Нет ныне узников других в темнице.

У л у г б е к

(показывая на глухую дверь)

А что скрывается за дверью той?

Сопровождающие Улугбека удивленно смотрят на дверь в ожидании ответа на вопрос.

З и н д а н б о н

Султан великий, мой отец и дед
Хранить мне завещали ту обитель,
Туда под страхом смерти хода нет,
Так повелел нам дед ваш, раежитель!

Ш е й х у л и с л а м

Султан, во дни бывшие горожане
И прочий незначительный народ
Против Тимура подняли восстаенье
И Самаркандом управляли год.
Бек пролил кровь бунтовщиков упрямых.
А самых злых, что ведомо не всем,
Он в кельях содержать велел, не в ямах,
Пока они смирились не совсем.

З и н д а н б о н

Властитель мира деду моему
Велел кормить, велел поить их вволю,
Чтоб прожили они как можно доле,
Но даже тимуридам никому
Не открывать затворов, чтобы жалость
Не испытал к виновным тимурид.

Ш е й х у л и с л а м

Наверно, там живых уж не осталось.

З и н д а н б о н

Да нет, один пока еще сидит.

У л у г б е к

Открой нам двери!

З и н д а н б о н

Грех меня страшит!

У л у г б е к

Я ныне царь: вину с тебя снимаю.
Скажи, как звать несчастного?

З и н д а н б о н

Не знаю,
В тетради не написано имен.
Спросить его об этом не решаюсь.
Есть кличка у него «Пири Зиндон»,
Раз в год с вопросом я к нему являюсь.
Не хочет ли покаяться?..

У л у г б е к

А он?

З и н д а н б о н

Твердит одно: «Что раньше Тимурбеку
Я говорил, то повторю теперь!»

Ф а р м а н ш а х

Ужель не надоело человеку
Сидеть в темнице?..

У л у г б е к

(Зинданбону)

Отвори нам дверь!

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тот же зиндан. Отдельная келья. Одновременно с тем, как раскрывается дверь, келья освещается факелом, который держит Бердияр. На нарах лежит человек.

У л у г б е к

Теперь ступай, скажи, чтоб обождали!

Бердияр оставляет факел, а сам уходит. От непривычно яркого света человек, лежащий на нарах, просыпается и садится. Узник очень стар. Он оброс волосами.

П и р

Кто здесь, в убежище моей печали?

У л у г б е к

Я — внук царя Тимура — Улугбек.
Я тот, кто унаследовал правленье
Страною сей. Несчастный человек,
Ты мне свои поведай злоключенья!

П и р

Зачем перечислять мои мученья?
Иль эта келья станет вдруг светлей?

Иль вновь я стану молод, буду в силе?
Царя убили множество людей,
Но никого еще не оживили!

У л у г б е к

Да, молодость нам возвратят едва ли.
Как звать тебя?

П и р

Меня Хасаном звали!
Я в этой келье темной и сырой
Сижусь по повеленью Тимурбека...
Сейчас на белом свете год какой?

У л у г б е к

Год пятьдесят второй!

П и р

Я здесь полвека!
Велик аллах год пятьдесят второй!
Полвека здесь, а я еще живой.
Иль, может, наделен я силой бычьей,
Иль жив я потому, что нет различий
Между могилой и моей дырой?
Иль потому я пережил царей
И самого эмира Тимурбека,
Что топота коней и слез людей
Не слышал я без малого полвека?

У л у г б е к

Чем ненавистен так тебе мой дед?

П и р

Мирза, с тех пор прошло немало лет,
Как в Самарканде бедняки восстали,
И увидали пред собою свет,
И год почти что власть в руках держали.
Но в бой открытый дед ваш не вступил,
А на переговоры ли, совет ли
Позвал вождей мятежных в Кани-Гил
И там их предал всех ножу и петле.
Тогда погибли дед мой и отец.
Вот почему Тимуру я — истец.
Я был кузнец из рода мастеров,
Хотя и долго жил я — сделал малость.
Как много не откованных серпов
И не рожденных мной сынов осталось!

У л у г б е к

Тебя владыка мира не казнил,
Ты, старец, хоть бы это оценил!

П и р

Царь был хитер, и, чтоб в его стране
Роптать народу было б не угодно,
Мятежников проклясть велел он мне —
Отречься пред мечетью всенародно.
Он мне сулил за это девять благ,
Всем благам предпочел я этот мрак.

У л у г б е к

Мне кажется, что роковое слово
Не разум диктовал тебе, а злость.

П и р

Я ненавижу всех царей и снова
Все повторил бы, если б довелось.

У л у г б е к

В словах твоих есть злость и нету страха.
Мятежники, что б ни твердили вы,
Но праведный султан — слуга аллаха,
Страна без шаха — тело без главы.

П и р

Не может царь — мудрец он пль злодей —
Вершить один судьбою всех людей.

У л у г б е к

Пойми, несчастный, тщетны все старанья,
Для процветания любой страны
Необходимы людям ум и знанья,
И больше всех царям они нужны.

П и р

Вы — человек ученый, говорят.
И все ж для всех царей одни законы.
И как бы ни был зорек царский взгляд,
Слепит его блеск золотой короны.

У л у г б е к

Я, старец, повторю тебе опять:
Царями движет не одно коварство,
И если правил бы не я, как знать,

Во что бы превратилось наше царство!
Я так хотел, чтобы в мое правленье
Царили ум, добро и просвещенье.

П и р

Но власть и ум живут бок о бок редко,
Корона царская для мысли — клетка.

У л у г б е к

Пир, опоздал ты лет на пятьдесят.

П и р

Нет, даже через пятьдесят столетий,
Покуда есть цари на белом свете,
Все будет так, как сотни лет назад.

У л у г б е к

Знай, старец, время трудное сейчас,
Нависли тучи черные над нами,
И глас, который поднят против нас,
Пусть задохнется в этой смрадной яме!

П и р

Султан, мне ненавистна ваша власть,
Пусть я погибну за семью замками,
Вам, мудрецу, готов я в ноги пасть,
Но пред царем я не склонюсь пред вами!
Я — смертник, но своей судьбе я рад.

Старец гордо выпрямляется.

У л у г б е к

Пир, опоздал ты лет на пятьдесят.
В глубоком раздумье Улугбек выходит из кельи.
Ох, не по силам был мне этот спор.
К Улугбеку подходят Фарманшах и Зинданбон.

Ф а р м а н ш а х

Не повелите ль полумертвеца,
Как прочих, выпустить из подземелья?

У л у г б е к

Нет, сила мятежа и дух борца
Таятся в этом полумертвом теле!
Все дайте старцу, что захочет он,
Но не пускайте!..

Ф а р м а н ш а х

Слышишь, Зинданбон!

Улугбек в сопровождении Фарманшаха направляется к выходу.
Зинданбон медленно запирает тяжелые двери кельи на замки.

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кишлак неподалеку от Самарканда. Вдали белые вершины гор.
У подножья сады и хижины дехкан. Лачуга Атамурада. Глиняный
забор почти у края дороги. Бердияр и несколько слуг,
нагруженных дичью, входят во двор.

Б е р д и я р

(громко)

Атамурад, эй, аксакал! Где ты есть?

А т а м у р а д

Добро пожаловать, владыка!

Б е р д и я р

Оставь свои шутки-мутки, какой я владыка-мурлыка?
Наш настоящий владыка сейчас придет.
После охоты надо немного отдохнуть-передохнуть!

А т а м у р а д

Добро пожаловать в нашу хижину,
Неси, старуха, подушки и паласы!

Б е р д и я р

Хлеб-млеб тоже не мешает.

Ж е н а Атамурادا стелит на супу ковер и одеяла, выносит подушки, во двор входят У л у г б е к, С а к к а к и, А б д у р а з з а к,
А л и К у ш ч и в охотничьих одеждах.

У л у г б е к

Вот мы, отец, и у тебя в гостях,
Давно я в этих не бывал местах,
Хозяюшка, бодра ли, как была?
Здорова ли?

Жена Атамурада

Всевышнему хвала!

Гости садятся на супу и скамейки.

У л у г б е к

(Атамураду)

Не хлопчите, друг любезный мой,
Кумыса мы напьемся и — домой!
Сегодня жажда всех нас мучит что-то!

Во время беседы Атамурад и Бердияр приносят в бурдюках кумыс, наливают в чаши. Подносят присутствующим.

Была сегодня славная охота.
Семь ланей удалось нам настрелять.

А л и К у ш ч и

Но из семи вы подстрелили пять!
Искусство ваше выше всех похвал.

У л у г б е к

Стреляли все, не только я стрелял.

А б д у р а з з а к

Стрел, правда, было пущено немало.
Все дело в том, чья в цель из них попала.

(Обращаясь к Саккаки)

Вы, например, совсем не молодец!
Когда в стихах такой же вы ловец,

Как были на охоте, то едва ли
За век свой много девичьих сердец
Вы стрелами созвучий настреляли!
Иль свойственен всем вашим стрелам дар
Не находить рифмующихся пар?

У л у г б е к

Стрелу пустили в зайца, как спросонья,
А угодили вы в гнездо воронье.

Все смеются.

А б д у р а з з а к

Наверно, в жизни больше вы страдали
От стрел чужих, чем сами попадали.
Я стих один припомню для начала
Из вашего посланья одного:
«И грудь моя печальной целью стала
Для метких стрел кокетства твоего».

С а к к а к и

Чем гнаться за несчастною газелью,
Не лучше ли стать для красавиц целью?
И падать, грудь свою подставив им...

А л и К у ш ч и

Простите; но красавицам своим
Зачем тогда и вы нередко лжете,
Хвалясь своей удачей на охоте?

С а к к а к и

Али Кушчи, вину в таких грехах
Нам, грешникам, готов простить аллах.

У л у г б е к

А коль аллах простить не согласится,
Попробуйте к султану обратиться,
И я за грех такой прощу вас всех...

(На ухо Саккаки)

Я только свой простить не в силах грех.
Как зло я с Фирузою поступил,
Нет прав простить себя, забыть нет сил,
Я, лишь о царской чести беспокоясь,
Сломить хотел любовь свою и совесть.

(Обращаясь к Бердияру)

Налей кумыса да похолодней,
Пригубим еще раз и — на коней!

Б е р д и я р

Кумыс-пумыс, казы-пазы, барашка-марашка
Здесь хороши бывают. Жаль только, мало.

У л у г б е к

Ты, Бердияр, слова находишь ловко.
Я думаю о том, что, если б взять
Из парных слов твоих скрутить веревку,
Могла б она до Бухары достать?

Б е р д и я р

Это я еще сдерживаю себя, а если
начну нести-плести дома или на базаре,
так веревка и до Мекки дотянется!

У л у г б е к

«Ах, Бердияр, ты изведешь любого,
Кто б ни вступил с тобою в разговор.

С а к к а к и

Как только к слову подступает слово —
Помедли и откинь словесный сор!

Б е р д и я р

Мавлано, я спариваю слова, чтоб украсить речь,
думаю, стих получится!

С а к к а к и

Нет, Бердияр, не преступай предела,
Стихи — мой хлеб, мое святое дело!

У л у г б е к

(к Бердияру)

Слуга мой верный, верность чловечья,
Уверен я, — ценнее красноречья.
Бывает — мед стекает с языка,
Расколешь слово — косточка горька.
Не потому ли я ценить привык
Добро души, а не язык-мазык.

Все смеются.

Болтать довольно, нас дорога кличет!

Гости поднимаются со своих мест. Улугбек тихо гсырит Али
Кушчи.

Дай денег старику и часть добычи!

Али Кушчи отходит в сторону с Атамурадом и протягивает ему кошелек.

А т а м у р а д

Ах, благодетель, это уж некстати.
У нас гостеприимство не товар.

А л и К у ш ч и

Бери, старик, тебе не гости платят,
Хозяин всей страны вручает дар!

Атамурад берет деньги с благодарностью. В это время за сценой раздаются крики женщин. Слышен лязг оружия и брань сипаев.
А т а м у р а д убегает в ту сторону.

У л у г б е к

Эй, Бердияр, узнай-ка, что случилось.
Что происходит?

Бердияр не успевает уйти, как возвращается Атамурад и падает ниц перед Улугбеком.

А т а м у р а д

Проявите милость!
Нас губят, гонят прочь с земли родной!

У л у г б е к

(Бердияру)

Пойди узнай, кто этому виной,

Бердияр выходит на дорогу, кричит, обращаясь к людям за сценой.

Б е р д и я р

Эй, что случилось?

На дорогу выходят несколько е с а у л о в.

Е с а у л

Здесьние смутьяны
Не поставляют дичь, кумыс, казы...

Б е р д и я р

Кто вы такие?

Е с а у л

Мы из Хорасана,
Сипаи досточтимого мирзы!

Б е р д и я р

Что за мирзы-казы?

Е с а у л

Протри глаза,
Мирза один — Абдуллатиф-мирза!
Он в наказанье за неподчиненье
С лица земли велел стереть селенье,
А жителей переселить в пески.
Прочь!..

Б е р д и я р

(вынимает саблю)

Коль не жаль своей башки-машки,
Иди сюда!..

Е с а у л

Чего ты петушишься?
Ты пьян, мирза придет, так протрезвишься!

Появляется А́бдулла т и ф.

А б д у л л а т и ф

(замахиваясь нагайкой на есаула)

А ну, что ты замешкался, болван!

Е с а у л

Путь преградил нам здесь один смутьян!

А б д у л л а т и ф

Кто смеет нам мешать, кто сей храбрец?

Улугбек в сумерках, незаметно для людей Абдуллатифа стоя под деревом, следит за происходящим. Когда Абдуллатиф и есаулы пытаются ворваться во двор, Улугбек выходит из-под тени дерева

У л у г б е к

Я смею!..

А б д у л л а т и ф

Это вы, султан-отец!

У л у г б е к

И хорошо, что я перед тобой,
Не то бы совершил ты преступленье...

А б д у л л а т и ф

Дехкане вышли из повиновенья.

У л у г б е к

Дал знать бы мне!

А б д у л л а т и ф

Но скажет вам любой,
Не надо на защиту разрешенья,
Коль на твоих глазах чинят разбой!

У л у г б е к

И кто же здесь разбойник?

А б д у л л а т и ф

Все селенье!

У л у г б е к

Не понимаю!

А б д у л л а т и ф

Дам вам объяснение.
Я, объезжая здешние пределы,
Увидел нечто странное на вид.
На ветви дерева висело тело,
Был это мухтасиб сайид Абид.

(показывая на дехкан)

Кто ж в этом виноват, как не они?

У л у г б е к

Не будь так скор, аллах тебя храни.
Нельзя по одному лишь подозренью
Губить несчастных, мстить всему селенью!
Мы люди просвещенные, и странно
Нам править по примеру Чингисхана!

А б д у р а з з а к

Известно: мухтасиб сайид Абид
Немало людям причинил обид.
Кто знает, чья его настигла кара.
Людей из кишлаков немало здесь.
Быть может, люди, шедшие с базара,
Свою над ним свершили злую месть.
Сайида жаль, но нет ему прощенья.

С а к к а к и

Ему, повесив, дали повышенья!

Б е р д и я р

(в сторону)

И дьяволы его в аду-маду,
Наверно, тащат на сковороду!

У л у г б е к

Пусть бедный люд идет в свои дома.
Все взятое пусть отдадут дехканам!
Пусть их зерно вернется в закрома.

А б д у л л а т и ф

Приказ ваш странен, не к лицу султанам
Позорить сыновей.

У л у г б е к

Позорят нас
Твои поступки, а не мой приказ!
В стране не потерплю я произвола!

А б д у л л а т и ф

Ужель, отец, под вашим каблуком
Я — воспреемник царского престола —
Не властен над вонючим кишлаком?

У л у г б е к

Ответь мне: кто здесь царствует сейчас?

А б д у л л а т и ф

Вы, Улугбек, — султан неболодобный!

У л у г б е к

(сипаям)

Ступайте, исполняйте мой приказ!..

(Абдуллатифу)

Ты — плоть моя; откуда нрав столь злобный?
Выходит — если не вершишь ты зол,
Власть ни к чему и ни к чему престол?
Насилие без чести и закона —
Лишь это для тебя наследье трона.
А я не верил, все мне было странно:
Мятеж, поклеп, возня Ходжи-ишана.
Все мне понятно с нынешнего часа:
Стенание подученных калек,
И то письмо, что прятал Буракбек,
Его убийство, и побег Аббаса!
Ты сын мой и преемник мой прямой,
Ты смерти ждал моей, не мог дожждаться...
Знай — ты отныне не наследник мой!..

А б д у л л а т и ф

(возбужденно и гневно)

Ужели моему придурку-братцу
Власть отдадите над страной всей?

У л у г б е к

Жаль, у меня нет больше сыновей!
Но сердце у меня покуда бьется.
Я правлю сам, а время пролетит,

И для престола нашего найдется
Разумный и достойный тимурид!

А б д у л л а т и ф

Немало я терпел, но сколько можно,
Чем это, лучше смерть. Прощай, отец!

Пытается вынуть саблю из ножен, его удерживают сипаи.

У л у г б е к

Ужели так твоя душа ничтожна?
Ужель тебе так дорог сей венец?..
Я именем амира Тимурбека
Повелеваю... так тому и быть.
Ты, потерявший облик человека,
Поедешь в Балх, чтоб там отныне жить.

А б д у л л а т и ф

До коих пор?

У л у г б е к

Не знаю, но куда!
Понятно?

А б д у л л а т и ф

Но!..

У л у г б е к

И никуда оттуда!

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Перед занавесом

С левой стороны выходят Бердияр.

Бердияр

Вот тебе и шутки-мутки. Абдуллатиф-мирза
восстал в Балхе против нашего султана.

С той же стороны появляется Улугбек.

Улугбек

Не шахи, не цари, не полководцы —
Сын и отец скрестят мечи в бою.
Я этого боялся, но придется,
Я кровь его пролью иль он мою!

Справа входят Шейхулислам, бек Арслан, Фарманшах
Корчи. Поравнявшись с Улугбеком, почтительно останавливаются
перед ним.

Что ж делать, быть тому, что суждено.
Ходжа Ахрар — вот враг наш, вне сомненья.

(Шейхулисламу)

Составлено о нем постановление?

Шейхулислам

Постановление готово; но...

У л у г б е к

Что значит «но?»

Ш е й х у л и с л а м

Я все исполнил точно.
Фирман составлен, но не так давно
Ишан бежал.

У л у г б е к

(Фарманшаху)

А ваша стража ночью
Спала, пила или несла дозор?

Ф а р м а н ш а х

Помилуйте, султан, но до сих пор
Мы о восстание ничего не знали,
Не то ворота зорче б охраняли,
Вполне надежных снарядив людей!

У л у г б е к

Кто вы: изменник или ротозей?

Ф а р м а н ш а х

Мы ничего не знали о восстание,
Ходжа, как видно, знал о нем заранее.

У л у г б е к

(беку Арслану)

Послать погоню вслед бунтовщикам!
А вы останьтесь здесь, Шейхулислам,
Покуда мы с врагами будем биться!
Поддерживайте дух людей в столице,
Вы тоже оставайтесь, Фарманшах,
Держите город Самарканд в руках,
Но если снова промахнетесь вы,
Ей-богу, не сносить вам головы!
Ты ж, Бердияр, храни покой дворца,
Будь домочадцам нашим за отца!
А мы, сардар, пойдем навстречу бедам,
Смертям навстречу или же победам.
Покуда сила есть у нас в руках,
Покуда с нами правда и аллах!

Открывается занавес. Ворота Самарканда. После поражения Улугбек с остатками своего войска хочет войти в город, но ворота закрыты. Около Улугбека бек Арслан и другие приближенные. Слуга держит горящий факел над головой шаха. На стенах крепости городская стража. Ею командует самаркандский даруга Фарманшах Корчи. Идут переговоры между беком Арсланом, стоящим внизу, и Фарманшахом, кричащим сверху.

Б е к А р с л а н

Эй, открывай ворота!

Ф а р м а н ш а х

(прикрывая лицо щитом)

Не могу!

Бек Арслан

Что ты мне отвечаешь, как врагу,
Ворота отвори без препирательств!
Царю наносишь в спину ты удар.
Не худшее ли это из предательств.

Фарманшах

Здесь вовсе не предательство, сардар,
А верная оценка обстоятельств!
Правитель новый — шах Абдуллатиф!

Бек Арслан

Но долг перед правителем законным?

Фарманшах

Не лучше ль жить, закону изменив,
Чем незаконным шахом быть казненным?

Неожиданно стрела, пущенная издалека
вонзается в грудь воина,
стоявшего около Улугбека.

Вонн

(падая)

Быстрее гасите факелы...

Вонн умирает.

Бек Арслан

Сейчас,
Султан, укройте, это целят в вас!

Гаснут факелы, становится еще темнее. Прибегает гонец.

Г о н е ц

Султан, куда враг нас не сломил,
Мы держим мост, но не хватает сил!..
А неприятель напирает грозно...

У л у г б е к

Держите мост в руках, пока возможно!

Гонец уходит.

Да, отвернулась от меня судьба,
И те, кто был мне верен, с нею вместе.

(обращаясь к Фарманшаху)

Эй, Фарманшах, герой с душой раба,
Куда ты дел, скажи, остатки чести?
От страха перешедший в стан врага,
Ты более не здешний даруга.
Смещаю я тебя, исчадь ада!

Б е к А р с л а н

Кто уберет предателя, награда
Немедля будет выдана тому!

Стражники на стене начинают возбужденно переговариваться.

Ф а р м а н ш а х

(берясь за рукоять сабли)

Эй, вы, ни с места, головы сниму!

(обращаясь вниз)

С наградой, бек Арслан, спешить не надо,
Вас с награждением опередив,
Приедет скоро хан Абдуллатиф.
Вот будет вам достойная награда!

Вбегает гонец.

Г о н е ц

Властитель, наша сила сметена.
Мы гибнем.

У л у г б е к

О, несчастная страна!
Тщеславье, себялюбье и коварство
Такое сильное сгубили царство!
Ну что ж, погибнем на земле родной!
Кто верен мне еще — вперед, за мной!

На стене крепости появляются Ф и р у з а и Б е р д и я р.

Ф и р у з а

Мы верны вам! Э, Фарманшах Қорчи,
Ты должен шаху оказать почтенье,
Лишь он один правитель!— Вот — прочти
Совета шариатского решенье!
Вот знак Шейхулислама, вот печать.

Ф а р м а н ш а х

Он мною опоздал повелевать.
Шейх бывший, шаху бывшему он пара.
А я теперь — слуга Ходжи Ахрара.

Бек Арслан

Ахрар сбежал, где ты его найдешь?
Ты шейху беглому не верь упрямо.

Фарманшах

Но в силе он, а власть Шейхулислама
Ушла из рук, теперь цена ей — грош!

Фарманшах пытается вырвать из рук Фирузы бумагу.

I стражник

Не трогай бабу, Фарманшах, назад!..

II стражник

Не оскверняй священный шариат!

Голоса дервишей

(за крепостью)

Создал всех людей аллах,
Человек — былинка, прах.
После смерти в царстве божьем
Все равны: и раб, и шах.

Бердияр

(притворно)

Ах, молодчина — мужчина, Фарманшах-наиб,
хвала твоей ловкости-мовкости.

Ф а р м а н ш а х

(настороженно)

Чего тебе нужно, ты же ихний!

Б е р д и я р

Был, да сплыл, твой пример меня научил уму-
разуму!
Век буду слугой твоим, дай обнять тебя
покрепче!

Б е к А р с л а н

Эй, Бердияр, и ты предатель. Такова твоя
верность шаху?

Б е р д и я р

Да, бек Арслан, такова моя верность!

Бердияр заключает в объятия Фарманшаха и, обнимая, всаживает
ему в грудь нож. Фарманшах падает со стены крепости.

І с т р а ж н и к

Отправил в ад его, ах, молодец.

ІІ с т р а ж н и к

Велик аллах, предателю конец!

Радостные крики за сценой. Со звоном падают засовы ворот. Улуг-
бек входит в Самарканд, за ним приближенные.

Б е к А р с л а н

Враги уж близко, надо торопиться!

Стражники поспешно закрывают ворота.

Ф и р у з а

(со стены крепости)

Учитель, вас приветствует столица!

Слышны крики приближающихся мятежников.

М я т е ж н и к и

(появляясь у стен крепости)

Ур-ха! Ур-хха! Ур!

Б е р д и я р

Вот тебе и ур-ха, собака!

З а н а в е с

А К Т П Я Т Ы Й

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Самарканд. Диван Улугбека в Коксарае. Саккаки и Абду-раззак играют в шахматы. Около них, следя за игрой, стоит Али Кушчи.

А б д у р а з з а к

Конем пошел я, вам ходить сейчас!

А л и К у ш ч и

Пути закрыты, шах в плену у вас!

С а к к а к и

Да, проиграл!

А б д у р а з з а к

Здесь надобно искусство
И знание тайны шахматной доски,
А у поэтов развито лишь чувство!

Из внутренних покоев выходит У л у г б е к. Он подходит к игровому столу и оглядывает шахматную доску.

У л у г б е к

Шах в западне, сдавайтесь, Саккаки!
В любой игре сдающемуся горе,
Престолы словно лодки в бурном море,
Как все на свете, и престолы — прах:
Шах ты сегодня, завтра ты в цепях.
Сидишь на троне, издаешь законы,
Сегодня слышишь льстивые слова,
А завтра нет на голове короны,
И неизвестно, есть ли голова!
Во власть судьбы я верил неминучей,
Теперь я понял: нами правит случай.
Когда б не Фируза в тот страшный час
И если бы не хитрость Бердияра,
Царя, что пекся столько лет о вас,
Постигла бы несправедная кара.
Три месяца в осаде Самарканд,

Повсюду бродит призрак Азраила,
Нужда и голод мучат горожан,
И правда, как всегда, слабей, чем сила,
Я вижу: тяжело подданным моим...

Входит диванбеги

Диванбеги

Родительница Гавхаршадбегим
Желает к вам прийти, чтобы проститься!

Улугбек

Я жду ее!

Диванбеги уходит.

Абдураззак, Али Кушчи, Саккаки

Позвольте удалиться?

Улугбек

Ступайте с богом!

Все, кроме Улугбека, уходят. Входит Гавхаршадбегим.

Гавхаршад

Сын мой, что творится,
Наш город превратился в сущий ад.
Осада душит все своей рукою,
Позвольте возвратиться мне в Герат,
Чтобы остаток дней прожить в покое!

У л у г б е к

Вы можете уехать хоть сейчас,
Но я боюсь, мой сын задержит вас!

Г а в х а р ш а д

Мне опасаться нету основанья,
Никто не будет мне чинить препон!
Абдуллатиф — мой внук.

У л у г б е к

Ваш внук, но он
Внук, получивший ваше воспитанье.

Г а в х а р ш а д

Я думаю: он не такой плохой.
Да и за что ему меня неволить?

У л у г б е к

За то, что ваш любимец внук другой!..

Г а в х а р ш а д

Чинить мне зло себе он не позволит.

У л у г б е к

Он вас однажды заключил в тюрьму.

Г а в х а р ш а д

Да, в Нишапуре, но потом винулся,
Он молод был, простила я ему.

У л у г б е к

Прощал и я, да горько поплатился!
И потому предупреждаю вас.

Г а в х а р ш а д

Я буду размышлять, казнясь и плача...
Я удаляюсь, чтоб творить намаз...
Аллах, дай зренье нам, рабам незрячим!

Г а в х а р ш а д б е г и м уходит. Улугбек ходит по залу в раздумье.

У л у г б е к

Я окружен враждебною стеною,
Я дожил до нерадостного дня.
Врагами стали сын, рожденный мною,
И женщина, родившая меня.
Что происходит, сколько в мире зол!
Здесь мать моя, там сын — наследник царства.
Стыдись, о небо, своего коварства!

Входит д и в а н б е г и.

Д и в а н б е г и

Султан, язык немеет, но посол
От них, от «этих самых», вновь пришел!

У л у г б е к

Что в городе творится?

Д и в а н б е г и

Дело худо!
Осада третий месяц, голод, мор,

Как крысы, воры выползли из нор,
Мне кажется, спасет нас только чудо!

У л у г б е к

Так кто, ты говоришь, от них пришел?

Д и в а н б е г и

Казий Мискин почтенный — их посол!

У л у г б е к

Конь наконец-таки нашел свой кол.
Что предлагает он, о чем хлопочет?

Д и в а н б е г и

Он это все сказать вам лично хочет.

У л у г б е к

Пусть будет все, как предначертит бог,
Проси посла сюда, но, ради бога,
Пусть не переступает он порога,
Чтоб видсть рожу я его не смог!

Диванбеги выходит и становится между дверьми.

Г о л о с к а з и я М и с к и н а

О Улугбек почтенный, птица власти
Перелетела с вашей головы
На голову другую.

У л у г б е к

Да, к несчастью,
Что нужно вам?

К а з и й М и с к и н

Условия таковы:

Иль, вы, султан, откажетесь от трона,
Ворота города открыв немедля,
Или осада по своим законам
На Самарканде туже стянет петлю!
Болезни, мор и голод сломят силу,
На горе вам, на радость Азраилу!

У л у г б е к

Я вижу, в слуги взял вас Азраил,
И вы не избежали порчи веком.
А ведь казий Мискин когда-то был
Порой слепым, но честным человеком.
Ступайте, казий, ждите мой ответ.
Я завтра «да» скажу вам или «нет»!

К а з и й М и с к и н уходит.

(Улугбек к диванбеги)

Пусть он к моим врагам идет скорей.
А ты пойдн найди моих друзей.

Д и в а н б е г и уходит.

Ждет Самарканд, от моего ршенья
Зависит жизнь ста тысяч человек,
Судьба переменила направленье,

Будь проклята она и проклят век,
В котором взяли верх, упившись мстью,
Над правдой ложь, бесчестие над честью!
Дворец, где мне казалось вечной кладка,
Как шаток он, как все на свете шатко!

Входят Шейхулислам, Абдураззак, бек Арслан, Али
Кушчи, Саккаки, диванбеги.

Друзья, скажите, что спасти нам нужно,
Жизнь горожан иль собственную честь,
Корону снять ли и сложить оружие,
Или стоять, покуда силы есть?

Шейхулислам

Султан, я так скажу: не подем боя,
Мавераннахр стал очагом разбоя.
Уйдите из страны, где льется кровь,
Где кружит смерть над головой, как птица,
Быть может, счастье улыбнется вновь
И знак подаст аллах вам возвратиться.

Улугбек

Что скажете, мой друг Абдураззак?

Абдураззак

Мы знаем, что султаны попадали
В беду, пред коей наши все печали,
Все наши злоключения — пустяк.
Сам Тимурбек великий — дед эмира —
В зиндане сидя, не лишился сил,
Все претерпев и став владыкой мира,
Его пленивших в ямы посадил.

Бороться должен всяк, покуда жив,
Терпенье, шах, аллах был терпелив!

Улугбек подает знак, чтобы говорил бек Арслан.

Бек Арслан

Не подобает воинам сдаваться,
Ценой бесчестья обретать покой,
Покуда живы, мы должны сражаться,
Недаром пояс носим мы мужской.
Победа или смерть — вот мой совет!..

Улугбек

А что нам скажет добрый наш поэт?

Саккак

Судьбу царей решать мне не дано,
Но что бы ни было нам суждено,
Аллаха я молю, пусть сохранится
Все сделанное вашей рукой,
Пусть сохраняются звездные таблицы,
Как стих поэта в памяти людской!
Все то, что суждено, пусть совершится.
Хоть я не жду от неба правоты.

Улугбек

(Али Кушчи)

Мой верный ученик, что скажешь ты
В сей трудный час?

А л и К у ш ч и

Аллах тому свидетель,
Я выскажу всю правду до конца:
Пусть в вас, учитель мой и благодетель,
Властитель не подавит мудреца.
Пути царей лукавы, хищна власть,
Наука — ваша истинная страсть.
Сильней царя ученый человек...

У л у г б е к

Скажи, что мыслишь ты, Ходжа Узбек?

Д и в а н б е г и

Во мраке безнадежья есть полоска
Надежды, ставшей тоненьким лучом...
Не надо ль быть податливее воска,
Чтоб в час удобный снова стать мечом.
Бывает, надо нам обнять врага,
Чтоб можно было растоптать врага.

У л у г б е к

Спасибо вам, друзья! На размышление
Еще осталось несколько часов.
Умом и сердцем взвешу ваши мнения,
У человека нет иных весов!
Спокойной ночи! Будет пусть отмечен
И счастьем и удачею ваш путь...

Все встают и уходят. Улугбек остается один.

Есть у меня еще один советчик,
Быть может, он подскажет что-нибудь.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Самарканд. Усыпальница Тимура. Входит У л у г б е к. За ним двое слуг с факелами и свечами.

У л у г б е к

(*слугам*)

Оставьте здесь меня и ждите там!

С л у г и выходят.

У л у г б е к

(*после раздумья*)

Нелегко жребий, что достался нам.
Ложится тень на ширь твоей земли.
За это долгое сорокалетье,
Мой грозный дед Тимур, мы не смогли
Сберечь свою страну — твоё наследье.
Бывало, не вмещались в этот мир
Речь и дела твои, но год от года
Мы вырождались, Тимурбек-амир,
Мельчала плоть твоя, твоя порода.
Я добрым был, не поминал обид,
Твоих я не придерживался правил.
И вот твой правнук, потерявший стыд,
Свое копьё к груди отца приставил.
Я сына на груди в былые дни
Растил и нежил, в нём души не чая,
Беда отцов не в том ли, что они
Пороков сыновей не замечают.
Пороки эти видит глаз врага,

Враг думает, куда бы их направить.
Враг раздувал, как пламя очага,
В наследнике тщеславье, злобу, зависть.
Что делать? Положить конец войне,
Уйти и за собой оставить пропасть...
Скажи, Тимур, я духом слаб, во мне
Лишь кровь твоя, но не твоя жестокость!
Устал я видеть распри меж людьми,
Вражду и кровь, я на твоей могиле
Прошу, великий дед мой, вразуми:
Суть царства — милосердье иль насилье?

Склонившись, Улугбек погружается в раздумье. Внезапно с треском разверзается могила Тимура. Усыпальница наполняется дымом. Факел гаснет. На фоне зловещих теней на заднем плане сцены появляется фигура Тимура. Вид его грозен. Размахивая длинной саблей, он зловеще смеется.

Т и м у р

Ур-ха, бежит мой враг, со мной аллах,
Сопутствуют мне громы битв и войн.
Передо мной — огонь, за мною — прах.
Эй, внуки, кто из вас меня достоин?
Кто из моих детей меня грозней?
Увы, никто, мне может только сниться,
Что в поле, где следы моих коней,
Поныне кровь горячая дымится.
С седлом я сросся, я к мечу привык,
Всем землям мира нес я власть и горе,
Я знал, что тесен мир для двух владык,
Теперь он и для ста царей просторен!
И ты, любимец мой, мой бедный внук,
Науки умертвили нрав твой грозный.
Земные рати выпустив из рук,
Ты стал распоряжаться ратью звездной!
Мир движется не силою любви —

Мечом стальным у воина в деснице,
Когда перо историка в крови,
Прекраснее истории страницы.
Бывало, предо мной дрожал весь свет!
В тебе же честолюбья маловато.
Совета просишь? Вот тебе совет:
Мир созидает меч, а не лопата.
Я кровь с меча смывал слезой людской.
Как жить тебе? Мой вспомни день вчерашний,
Башку, что не склонилась, с плеч долой,
Из черепов врагов воздвигни башни!

Тимур взмахивает саблей и снова зловеще хохочет. В это время около Тимура появляется фигура другого человека. Он держит в руке молот, которым ударяет о меч Тимура. Меч падает. Тимур исчезает. На холме Пир Зиндон с молотом в руках.

П и р

Где, падишах, твоя былая сила?
Сильней мой молот твоего меча.
Труду — простор, насилию — могила.

Пир с хохотом исчезает. Снова становится темно.

У л у г б е к

(очнувшись от забытья)

Эй, кто там есть, где факел иль свеча?

Входит слуга с факелом.

Скажи, входил ли кто-нибудь сюда?

С л у г а

О нет, великий шах!

У л у г б е к

Ночные тени
Бывают порождением иногда
Дневных забот, тревог и размышлений.
Лежит Тимур, здесь плоть его и дух,
И не поднять ему свой камень тяжкий,
Вот сын его — родитель мой — Шахрух,
Царь неживой слабей живой букашки.
Как слаб и жалок человечесий род.
Все суетно, и царь не исключенье.
Стал стар и я, грядет и мой черед
Переселиться в это поселенье.
Меня, царя, забудет мир навек,
Как только век земной мой будет прожит,
Но то, что я открыл, что я изрек,
В умах людских останется, быть может.
И звездочеты помянут меня!
Эй, кто там!..

С л у г а

Я у ваших ног!

У л у г б е к

Коня!

Улугбек решительно направляется к выходу.

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Самарканд. Коксарай. Большая комната, отделенная занавесом от приемной, которая тоже видна. На сцене Шейхулислам, Абдураззак, бек Арслан, Саккаки, диванбеги.

Д и в а н б е г и

До света не сомкнул властитель глаз.
Не спая, был в усыпальнице Тимура.

А б д у р а з з а к

На улицах тревожно, в поздний час
Повсюду каландары рыщут хмуро,
Бог знает что о шахе говорят.

Б е к А р с л а н

Я приказал сипаям притаиться
И незаметно охранять царя
На всем пути отсюда до гробницы.

Ш е й х у л и с л а м

Сардар, вы это сделали не зря.
В такое время может все случиться!

С а к к а к и

Как странно: шах искуснейший стрелок,
А в прошлой битве в цель попасть не мог.

Ш е й х у л и с л а м

О да, в стрельбе султана побороть
Никто не в силах: он из лучших лучший.

А б д у р а з з а к

Не мог стрелять он в собственную плоть,
Я видел: он стрелу направил в тучи!

Бек Арслан

Я помню: напирал Абдуллатиф,
И наш властитель гневно лук свой поднял,
Прицелился, но руки опустив,
Лишь прошептал: «Проклятое отродье!»

Али Кушчи

Султану нашему раздор любой
Противен, как мирабу наводнение,
Как музыканту волка дикий вой
Или строителю землетрясение!

Входит Улугбек

Улугбек

Я все решил, и нет пути назад.
Я слишком дорогой платил ценою
За власть свою. И пусть меня простят
Те, кто свою судьбу связал со мною!
Я знаю, кто-то понесет урон,
И все ж я отрекаюсь от престола,
Никто на свет в короне не рожден,
А для меня она — лишь груз тяжелый.
Я поздно понял: власть мне не нужна,
И понял я, что можно жить спокойно,
Что черные минуют времена,
Как все на свете, как чума и войны.
И хоть теперь вокруг меня потемки,
Все ж впереди я вижу дальний свет,
И может, наше слово или след
Отметят благодарные потомки.
Итак, всю власть с себя решил я снять!
И это мне не кара, а награда.

Но все ж, пока в моих руках печать,
Одно еще мне дело сделать надо.
Мой сын, Али Кушчи, садись за стол,
Пиши мое последнее решенье!..

С а к к а к и

(в сторону)

Кто в детях утешенья не нашел,
В учениках находит утешенье...

У л у г б е к

Пока еще мои слова — закон.
Пока еще печать в моей деснице,
Пусть будет вечный узник Пир Зиндон
Освобожден немедля из темницы!
Вчера не смел я волю дать врагу.
Царю был страшен дух его бунтарства,
Сегодня милосердным быть могу
Я, отдающий власть свою и царство!
Так исправляет просто человек
Жестокость, что допущена султаном.

(Али Кушчи)

Готово?

А л и К у ш ч и

Да, великий Улугбек!

Подает бумагу.

У л у г б е к

В последний раз склоняюсь над фирманом.

(подписывает)

На свете безграничны зло и месть,
Весь блеск, всю славу город наш утратит.
Отныне вам житья не будет здесь.
Живите в Хорасане иль в Герате.
Ступайте, с вами будет Бердияр,
Он отведет в пути любой удар!
Мои возьмите свитки и таблицы.

А л и К у ш ч и, А б д у р а з з а к

Как скажете, теперь нам все равно...

У л у г б е к

Я думаю — плохого не случится.
Увидимся еще, коль суждено!

Али Кушчи и Абдураззак выходят.

У л у г б е к

Где заговорщики?

Д и в а н б е г и

Ждут!

У л у г б е к

Пусть войдут,
Их видеть лица радости мне мало,

Пусть остаются там и речь ведут
Со мною через это покрывало!
Еще условие ставлю я такое,
Чтоб говорил не бывший сын со мною,
Чтобы другой со мною говорил!

С а к к а к и

(в сторону)

Все это видеть не хватает сил!

Хочет уйти незаметно, но Улугбек все же замечает его уход. В приемную входит диванбеги, за ним Абдуллатиф, Ходжа Ахрар, казий Мискин и еще несколько имамов и муфтиев. Все они останавливаются за занавесом. Диванбеги входит в комнату Улугбека.

У л у г б е к

Кто будет говорить из вас? Один
Пусть назовется!

К а з и й М и с к и н

Я, Казий Мискин!

У л у г б е к

Я, именем великого амира,
Чтобы раздору положить конец,
Освобождаю трон владыки мира,
Снимаю золотой его венец!
Короне этой дань платил весь свет.
Теперь уже былой в ней силы нет.

Снимает с головы корону и ставит ее на золотой поднос, поданный слугой. Абдуллатиф и его приближенные не могут скрыть радости. Ходжа Ахрар поднимает руку к небу в знак благодарности аллаху.

У л у г б е к

Я несколько условий ставлю ясно.
Во-первых: все раздоры прекратить!
Согласна ваша сторона?

Казий Мискин смотрит на Абдуллатифа. Тот — на Ходжу Ахрара. Ходжа кивает головой, в знак согласия, Абдуллатиф в свою очередь кивает головой, давая этим указание казию Мискину; впоследствии эта пантомима повторяется при ответе на каждое условие Улугбека.

К а з и й М и с к и н

Согласна!

У л у г б е к

Друзьям моим, прислужникам не мстить,
Не подвергать гонениям напрасно.
Согласна ваша сторона?

К а з и й М и с к и н

(после повторения прежней пантомимы)

Согласна!

У л у г б е к

Не обижать соседей, мир хранить.
Не забывать — война всегда опасна.
Согласна ваша сторона?

К а з и й М и с к и н

(после пантомимы)

Согласна!

У л у г б е к

Обиды нашим женам не чинить,
Не оговаривать меня заглазно.
Согласна ваша сторона?

К а з и й М и с к и н

(после пантомимы)

Согласна!

У л у г б е к

Еще одно условие: сохранить
Хранилище, где столько книг прекрасных,
Расад наш от глумленья оградить.
Согласна ль ваша сторона?

К а з и й М и с к и н

(после пантомимы)

Согласна!

У л у г б е к

Я поселюсь в далекой стороне.
Но чтоб идти нам было безопасно,
В дороге не чинить препятствий мне.
Согласна ль ваша сторона?

К а з и й М и с к и н

(после пантомимы)

Согласна!

У л у г б е к

Составьте все, чтоб мог я подписать.
Все оговорено, кончать пора нам,
Обещанное строго выполнять
Клянётесь ли?

Л ю д и А б д у л л а т и ф а

Аллахом и кораном!

Люди Абдуллатифа уходят.

У л у г б е к

Итак, сегодня в путь на много дней.
Припасы приготовьте и коней.

Б е к А р с л а н

О повелитель, для чего мне меч,
Я не могу остаться здесь с врагами.
Я должен жить и драться рядом с вами
Или же в землю рядом с вами лечь!

У л у г б е к

Сардар, здесь, в Самарканде, наш народ,
Ваш сильный меч, чем мне, ему нужнее.
Останьтесь здесь!

Бек. Арслан кланяется и выходит.

Итак, мой сын берет
Всю власть мою и муку вместе с нею,
Я отдал трон свой и свое несчастье,
Я ухожу, но гложет мысль меня:
Боюсь, что сын, взяв в руки повод власти,
Путем насилья будет гнать коня!

Шейхулислам

Не влезешь, повелитель, людям в души,
Ваш сын, боюсь я, клятвы все нарушит.

Улугбек

Вы правы шейх, им доверять опасно,
Предатель страшен, ложь в его словах.
Я их заставил клясться громогласно,
Надеясь тем вселить в их души страх!
Я замечал, что так бывает, к счастью,—
Какой бы власть обманной ни была,
А все ж любой тиран в начале власти
Боишься лгать и делать много зла!
Прощайте, дорогой Шейхулислам,
Пока с чужбины вести не подам,
Прошу, останьтесь здесь — так будет лучше.
На это время доверяю вам
Мою семью, ее благополучье!
Приеду я в Тебрис или Багдад,
Чтоб тихо жить, наукой наслаждаться,
Я знак подам, и, если захотят,
Приедут жены к нам и домочадцы!

Входит Саккаки.

С а к к а к и

Султан, простите, но без разрешенья
К вам человека я привел сюда.
Он друг ваш.

У л у г б е к

(немного веселя)

Саккаки, мое прощенье
Дарю вам отныне навсегда.
Поэты замечательный народ,
Хотя порою поступают странно.
И вы все сделали наоборот,
Ушли без разрешения султана,
Теперь готовы вы к ногам упасть
Тому, кто отдал свой венец и власть.
И все ж, когда земля бы не была
Озарена поэтов добрым светом,
Еще, наверно, больше было б зла
И больше б лилось крови в мире этом...
Где ж человек?

Саккаки выводит за руку Ф и р у з у. Она в волнении падает пред
Улугбеком и обнимает его ноги.

Ф и р у з а

Учитель, я чиста,
Отныне разлучит нас лишь могила.

У л у г б е к

Тебя не изменила клевета,
Тебя моя жестокость не сломила.

Встань, Фируза, при красоте такой
Достойна ты, чтоб царь твоим был мужем!
Зачем, скажи, тебе изгнанник нужен?

Ф и р у з а

Мне нужен Улугбек, никто другой.
Капризна жизнь, друг друга в ней сменяют
Власть и безвластье, горе и беда,
То снег на горы упадет, то стает,
Но горы остаются навсегда.

У л у г б е к

Встань, Фируза, вина мне сердце жжет,
Я до могилы твой должник и данник.
Султан немудрый дал тебе развод,
Но в жены вновь берет тебя изгнанник,
Аллах свидетель, суетны законы
Престолов и дворцов, добра и зла,
У тех, кого не давит груз короны,
Спокойна совесть и душа светла!

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Коксарай, Гостинная дворца. Вечереет. Ходжа Ахрар и Абдулатиф торжествуют. У дверей мрачная фигура Аббаса. С улицы доносится крик каландаров.

К а л а н д а р ы

(за сценой)

Создал всех людей аллах.
Человек — былинка, прах.

После смерти в царстве божьем
Все равны: и раб и шах.

Х о д ж а А х р а р

Благодарение аллаху за то, что наши многолетние усилия и рвение увенчаны победой.

Слава аллаху всемогущему и всесильному! Благодарение аллаху за то, что оплот ислама, раеподобный город Самарканд, избавился от греховных и вредоносных правителей! Мирза, вам должно быть теперь понятно, что от моих проклятий могут пасть падишахи, равно как моими молениями нищие могут быть подняты ввысь! Будьте, мирза, послушны наставнику, способствовавшему возвеличению вашему, и вы найдете защиту против всех бедствий и недугов наших.

А б д у л л а т и ф

Каждый подданный царства, доставшегося мне благодаря священному вашему благословению, будет служить и подчиняться вам, отец мой!

Х о д ж а А х р а р

И тем не менее нельзя упускать из виду Улугбека. Никто не поручится, что не захочет он вернуться. Что ныне не ждет он своего часа!

А б д у л л а т и ф

Бывший султан и бывший родитель мой отправляется сегодня в далекий путь, но преданных ему людей в городе достаточно. Подписавшись под его условиями, не допустили ли мы оплошность?.. Придравшись к чему-нибудь, не начнет ли он снова борьбу за престол наш? Не

поступим ли мы мудро, если возьмем его под стражу, святой отец?

Х о д ж а А х р а р

Терпение — одно из свойств аллаха. Если мы заключим Улугбека в темницу, завтра же из Ферганы и Ташкента, Хорезма и Герата вся родня тимуридов, все безбожники, называющиеся учеными, а еще хуже, ремесленный и городской люд — все начнут паломничество в Самарканд и превратят темницу узника в святое место.

А б д у л л а т и ф

Где же выход, блаженный отец мой?

Х о д ж а А х р а р

Это и для меня остается загадкой. Я знаю только, что живой Улугбек — угроза нашему ордену и вашей власти.

А б д у л л а т и ф

Значит...

Х о д ж а А х р а р

Значит, все должно свершиться по шариатскому установлению.

А б д у л л а т и ф

По шариатскому установлению. Понимаешь ли ты, Аббас-оглан?

А б б а с

Высокославный султан, я — ваш раб!

Абдуллатиф

Аббас, ты понимаешь, что, если б твой отец не был отправлен в изгнание, он был бы жив? Подумай, кто виновник смерти отца. Подумай, если ты его законнорожденный сын.

Аббас

Я — ваш раб!

Абдуллатиф

Кто же мстит за кровь отца: родной его сын или подкидыш?

Аббас

Я — ваш раб!

Ходжа Ахрар

Аббас-оглан, встречай блаженных людей!

З гостинную входят улемы, имамы, муфтии, казии, в числе которых казий Миьскин. Все они садятся. Ходжа Ахрар — на почетном месте.

Помолимся о счастливом воцарении и благополучии высокославного падишаха. Аллах великий, продли царство султана нашего времени и хакана веры мирзы Абдуллатифа-хана до конца света. Аминь!

Все

Аминь!

А б д у л л а т и ф

Любое решение священного шариата должно быть вынесено волею вождей Ислама. И я вмешиваться в решение ваше не смею.

Абдуллатиф выходит через боковую дверь в смежную комнату и устраивается так, что слышит все происходящее в покинутой комнате.

Х о д ж а А х р а р

Хвала всевышнему. Велик аллах,
Мавераннахр очистивший от скверны,
От шаха, что гяуром был в глазах
Людей, которые аллаху верны!
Султан преступно правил до сих пор.
Над шейхами он допускал глумленье,
Он брал святых ишанов под надзор,
Как покарать все эти преступленья?
Немало лет разврат здесь обитал,
На площадях, в чертогах сих и всюду
Ходили женщины без покрывал
И пили вина, предаваясь блуду.
Султан сверх меры брал с купцов поборы!
В почете были грешники и воры,
Искал он вечно что-то в небесах,
Не избегал кощунственного слова,
Но в небесах господствует аллах.
Там только он, и ничего другого!
Султан не почитал чалмы ходжи.
Изгнав, он погубил сайид Абида...

Муллы в раздумье. Внезапно Аббас, молча стоявший все время у дверей, подходит к восседающим мужам и падает на колени перед ними.

А б б а с

Я — раб ваш, досточтимые мужи,
Велите кровью смыть мою обиду!

Х о д ж а А х р а р

Достойные мужи, за вами слово.
Постановление уже готово!
И перечитывать его не стану,
Здесь как бы утвержденье прав истца —
Благословление Аббас-оглану
На мщение за смерть его отца!

Присутствующие, передавая друг другу бумагу, ставят подписи
свои и печати.

Вам, казий, тоже должно подписать,
Вы медлите или печать забыли?

К а з и й М и с к и н

Нет, пир-ишан, при мне моя печать.

Х о д ж а А х р а р

Так что ж печати вы не приложили?
Иль вам не правым кажется наш суд?

К а з и й М и с к и н

Всегда я был противник супостату,
Но ваши замыслы вразрез идут
И совести моей и шариату!
Я клятву дал от имени вас всех,
А клятвопреступленье — тяжкий грех.

Ни вам, святому нашему отцу,
Ни мне быть палачами не к лицу!

Х о д ж а А х р а р

Что совершается во имя веры,
То — не греховно, есть тому примеры.
Святой ходжа Бахаутдин весь век
Был шахским палачом, тащил на плаху
От веры отступивших!

К а з и й М и с к и н

Улугбек
Нас притеснял, но верен был аллаху,
Клялись мы путь его не пресекать.
Лишенный трона, он идет в изгнание.
Не велико ли это наказание?
Нет, не поставлю я свою печать!

Х о д ж а А х р а р

(с гневом вырывает из рук казия бумагу)

Считается законным то решение,
Что принято согласьем большинства.
Аббас-оглан, тебе для исполненья.

К а з и й М и с к и н

Когда такие взяли вы права,
Прошу, увольте и меня со службы.

Х о д ж а А х р а р

Как будет вам угодно, аксакал!

Казий уходит, Аббас берет постановление, целует, прикладывает к глазам и засовывает за пазуху. Затем, пятась, выходит в смежную комнату. Здесь он сталкивается с Абдуллатифом, который все слышал.

А б д у л л а т и ф

Мой друг Аббас, во имя нашей дружбы
Дарю тебе ташкентский мой кинжал...
Ты знаешь, что кинжалом делать нужно,
А Фирузу укутаешь в чадру
И к нам скорей — устроим здесь игру.

А б б а с

(кланяясь)

Я — раб!

Абдуллатиф входит в соседнюю комнату, где сидят приближенные
Ходжи Ахраара.

Х о д ж а А х р а р

Пусть, как святыня из святынь,
Наш Самарканд прославится!

В с е

Аминь!

Х о д ж а А х р а р

Аминь, аминь!

В с е

Позвольте удалиться?

Отцы ислама уходят, Ходжа Ахрар и Абдуллатиф, оставшись вдвоем, начинают о чем-то говорить, но в это время с улицы доносится шум. Абдуллатиф подходит к окну и ударяет в ладоши. Появляется сипай.

А б д у л л а т и ф

Скажи, что там на площади творится?

С и п а й

Там дервишей святых дразнил смутьян
Баба Кайфи.

А б д у л л а т и ф

Наглец, что вечно пьян?

Х о д ж а А х р а р

Ушедшего султана почитатель.

А б д у л л а т и ф

Веди его!

Сипай приводит потрепанного в драке Баба Кайфи.

Ты знаешь ли, приятель,
В Мавераннахре кто теперь султан?

Б а б а К а й ф и

Что знаю, то знаю, остального не знаю,
Знаю, что правда — правда, а неправда —
неправда.

И ничего другого.

Х о д ж а А х р а р

Жалкий вор,
Молоть довольно этот пьяный вздор!

Б а б а К а й ф и

Не разумею и уразуметь не могу.
Хороший — плох, плохой — хорош.
Пока не выпьешь — не поймешь.
Расад мирзы хорош, а сам он плох,
И сад мирзы хорош, а сам он плох.
Мирза-арык хорош, мост Улугбека
Такой, какого не было от века.
А сам строитель плох, вот потому
И пьяный ничего я не пойму,
Хоть вразумить хотел кого-то в драке.

Х о д ж а А х р а р

Доколе лаять бешеной собаке?

А б д у л л а т и ф

Эй, кто там есть?

Входят с и п а и.

В зиндан смутьяна бросьте,
Покуда вовсе не истлеют кости.
Пусть там сидит, поганный.

Б а б а К а й ф и

Слава богу,
В зиндан неплохо знаю я дорогу.

Х о д ж а А х р а р

Ты гнить там будешь до скончания века!

Б а б а К а й ф и

Зиндан — весь Самарканд без Улугбека...

Синаи тащат Баба Кайфи. Он упирается и поет.

Был Самарканд—убежищем султана,
И Бухара была красой ислама.

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Знакомый зрителю кишлак неподалеку от Самарканда. Осень. Смеркается. Двор Атамурата. Хозяин стоит посреди двора и смотрит на небо.

А т а м у р а д

Вновь небо хмурит брови, вот досада,
И пахарь и пастух — бедняк любой
В долгу извечном, небо, пред тобой!
Купцу из ростовщического ряда
Иль золота всегда, иль крови надо,
Вот так и ты...

Слышится топот коней.

Кого принес аллах?

Атамурат открывает калитку. Входят Улугбек, Фируза,
Саккаки, диванбеги и несколько слуг.

У л у г б е к

Опять, старик, мы у тебя в гостях!

А т а м у р а д

Добро пожаловать под этот кров,
Опора власти!

У л у г б е к

Как живешь?

А т а м у р а д

Здоров!
Добро пожаловать, опора власти,
Аллах, как дар, послал таких гостей.

У л у г б е к

Ты что, старик, не слышал новостей?

А т а м у р а д

Не слышать их большое было б счастье!

У л у г б е к

Теперь не я опора власти здесь!

А т а м у р а д

Для нас, хоть разорвись весь мир на части,
Опора власти были вы и есть!

У л у г б е к

Нам предстоит, старик, далекий путь,
Дай посидим мы на твоём айване.
Перед дорогой надо отдохнуть,
Хлеб разломить с друзьями на прощанье.

Рассаживаются на айване. Атамурад и его жена приносят фрукты,
хлеб. Слуги разливают по пиалам вино.

У л у г б е к

(обращаясь к Саккаки)

Страхни, поэт мой милый, груз печали,
Ведь я, не ты, корону потерял!

С а к к а к и

Мои стихи опоры потеряли,
Разлука тяжелей горы Чаткал.

У л у г б е к

Не близок путь в чужие города,
И все ж назад оттуда расстоянье
Ничуть не бесконечней, чем туда.
Какие-нибудь строки на прощанье
Прочти, поэт, не пожалей труда.

С а к к а к и

Сложил газель в пути, если хотите,
Прочту, я в ней излить пытался грусть.

Ф и р у з а

Какая грусть печалит вас, скажите?

С а к к а к и

Что вы уходите, я остаюсь.

(читает газель)

«Взглянул на меня, коснувшись тайных струн,
И с этого я дня безумен, как Меджнун.
Я желт, но желтизны моей враги не видят:
От слез я покраснел так, будто снова юн.
Меня манила даль, хотел я мир увидеть,
Но нет дороги мне. Мой охромел скакун.
Я, Саккаки, навек останусь в этом крае,
Один мой глаз — Сейхун, другой мой глаз —
Джайхун!»

Ф и р у з а

Да, заключили эти две реки
Родной Мавераннахр в свои объятия.

У л у г б е к

Как тонки ваши чувства, Саккаки,
Разлука — горе, вас могу понять я,
Но возвратитесь — говорю вам я, —
Край без поэта — сад без соловья!
Ходжа Узбек и Саккаки, ступайте.
Не то запрут ворота — поздний час.
Увидимся, коль повелит аллах!
А не увидимся — так поминайте
Меня в своих молитвах и стихах!

Становится темнее. Атамурад приносит фонарь и вешает на дерево
около айвана.

У л у г б е к

(обращаясь к диванбеги)

Ходжа Узбек, тебя благодарю
За службу несчастливому царю.

(Улугбек обнимает, прощаясь, Саккаки и диванбеги)

Разлука с другом — это испытанье.
Не будь бы в ней надежды на свиданье,
Мы от разлук сходили бы с ума.

С а к к а к и

Уходим, на устах — слова прощанья,
В глазах — слеза, в душе — ночная тьма.

Диванбеги и Саккаки уходят.

У л у г б е к

Надежда — порожденье нашей воли.
Как ни были бы облака черны,
Они расступятся, и свет луны
Пробьется, озарив и сад и поле.

Ф и р у з а

Учитель мой, изгнание не вечно,
Еще вернетесь вы, дождетесь дня
И Самарканд увидите.

У л у г б е к

Конечно,
Когда не я его, так он меня!

Ф и р у з а

«Не вы, так он», — мне ясно не вполне.

У л у г б е к

Ужели Самарканд забудет сына
И в том краю, что был подвластен мне,
Не отведет земли хоть два аршина?
Хоть мертвым вновь коснусь родной земли.

Ф и р у з а

Печальные отбросим мысли эти .

Слуги с поклажей идут за ворота, чтоб навьючить коней.

У л у г б е к

Быстрее готовь коней, йигитали,
Чтоб в Шахрисабзе быть нам на рассвете!
Все сделал?

Й и г и т а л и

Все, султан мой!

У л у г б е к

Молодец!
Теперь мы можем ехать, наконец!

Й и г и т а л и

Опора власти, там вас ждет гонец.

У л у г б е к

(несколько обеспокоенный)

Какой еще гонец, мне это странно!
Откуда он?

И г и т а л и

От нового султана!

Входит г о н е ц и, кланяясь с почтением, обращается к Улугбеку

Г о н е ц

Султан вас просит здесь заночевать,
Чтобы, предавшись впредь его заботам,
Наутро свой продолжить путь опять
С торжественностью должной и почетом!

У л у г б е к

Я понял все, ступай!..

Г о н е ц уходит.

О, наважденье!

Я понимаю смысл таких забот,
Тревожит тех людей не мой уход,
Тревожит их возможность возвращенья!

Улугбек направляется к воротам. Ему преграждают путь сипаи. Куда бы он ни обернулся, всюду — за забором, у калитки, под деревьями за оградой — он видит вооруженных сипаев. Двор окружен.

У л у г б е к

Теперь я вижу. Это западня.
Все войско против одного меня.

А т а м у р а д

О, защити, аллах, творят разбой!

Ф и р у з а

(выбежав и обнимая Улугбека)

Учитель, не вступайте с ними в бой!

Аббас, который стоял в тени дерева, идет навстречу Улугбеку
и оказывается в свете фонаря.

У л у г б е к

Ты, значит, жив еще, сын подлеца?

А б б а с

Я жив, чтоб отомстить за смерть отца!

У л у г б е к

Сайид Абида покарал народ
За все свои бесчисленные несчастья,
За все его грехи...

А б б а с

Решенье вот.
В нем суд отцов ислама признает,
Что к смерти мухтасиба вы причастны.

(Вынимает из-за пазухи постановление и машет им.)

У л у г б е к

(в гневе)

Презренный раб, прислужник палачу,
Эй, саблю мне, попробовать хочу.

• Йигитали подает Улугбеку саблю.

У л у г б е к

(тесня Аббаса)

Ты, жалкий сын злодея и блудницы,
Болтать умея, можешь ли рубиться?

Аббас, чувствуя свое бессилие перед Улугбеком, подает знак, выскакивают затаившиеся сипаи. Атамурад с криком „Войдод! Эй, мусульмане!“ убегает в сторону кишлака за помощью. Йигитали становится по левую сторону от Улугбека, отражая вместе с ним натиск людей Аббаса.

У л у г б е к

(продолжая сражаться)

Не разучился я рубить сплеча.

(Поражает одного из сипаев.)

Еще не потерял покуда сил я.

*(Поражает второго и скрещивает свою саблю с саблей
Аббаса.)*

Я клятву дал не обнажать меча,
Грех на тебе, что клятву преступил я!
Посмотрим-ка, насколько ты горазд...

Улугбек, стоя под фонарем, видит поле боя и твердо защищает себя и Фирузу. Раненный, падает йигитали. Улугбек наступает.

А б б а с

(сипаям)

При свете нам его не одолеть...
Фонарь разбейте!..

Несколько сипаев ударами мечей разбивают фонарь. Становится темно.

У л у г б е к

Эх, слепые мыши.

Сипаи, пользуясь темнотой, нападают на Улугбека сзади, раненный в руку, он невольно роняет меч. Сипаи набрасываются на него.

А б б а с

А ну, вяжите крепче, петлю выше!

Сипаи скручивают раненого Улугбека арканом и привязывают к дереву.

Теперь кинжал я сам в него всажу.

Ф и р у з а

Убийцы, звери!..

А б б а с

(чувствуя силу и потому обретая уверенность)

Как она сердита.
Красотку заверните в паранджу.

Два сипая накидывают Фирузе на голову паранджу. Фируза сопротивляется.

Не должно женщинам ходить открыто —
Учил нас мой отец сайид Абид!

Ф и р у з а

(продолжая сопротивляться)

Проклятье!

А б б а с

Что кричишь ты, как шальная!

Продолжая бороться с Фирузой, сипаи оборачивают ее паранджой
и волокут в дом.

У л у г б е к

(Фирузе)

Как много я тебе нанес обид.
Прости мне, Фируза, прощай, родная!

Фирузу, завернутую в паранджу, уносят в хижину Атамурада.

А б б а с

Сейчас исполнен будет приговор,
Вы можете оставить завещанье!

У л у г б е к

А кто его услышит, кроме гор?
И чем распорядиться в час прощанья?
Казну, богатство — все я потерял.
Власть тоже улетела, словно птица,
Мое богатство — книги и таблицы,
Но их давно я миру завещал.
Теперь я не дарую, лишь преемлю,
А слово, чтоб осталось на века,
Сказал бы я, но мне никто не внемлет,
Я б написал — да ранена рука!
Друзей своих я отпустил напрасно
Будь с ними, не попал бы я в беду.
Где ученик мой, где поэт прекрасный?
Где Бердияр мой храбрый?

За сценой голос Бердияра.

Б е р д и я р

Я иду!
Терпенье, повелитель мой, терпенье!
Уже я близко!

А б б а с

(испуганно своим людям)

Ну-ка, поспешим...
За кровь отца я совершаю мщенье!

Вонзает кинжал в грудь Улугбека. Улугбек повисает на веревках, которыми он привязан к дереву.

У л у г б е к

Ублюдок жалкий!..

Аббас и его люди убегают. На сцене показывается Бердияр, несколько вооруженных слуг, Атамурад, дехкане, вооруженные топорами, кетменями, дубинами.

Б е р д и я р

(вслед Аббасу)

Не уйдешь живым!

Стреляет из лука. Аббас с криком: „Умер я!“ падает. Пришедшие развязывают веревки, укладывают Улугбека на землю, склоняются над ним.

У л у г б е к .

(ослабевшим голосом)

Мой верный Бердияр, чаткальский сокол,
Ты опоздал!

Б е р д и я р

Мой шах, я слышал крик,
Кричал Атамурад, бежал старик
Ко мне: я проезжал неподалеку.

Ф и р у з а

(кричит, запертая в хижине)

Эй, люди, помогите! Кто там есть?

А т а м у р а д

(спеша ей на помощь)

Иду к тебе я, дочка!..

Бердияр рассматривает кинжал Аббаса.

Б е р д и я р

Надпись здесь

На лезвии. Смогу ли разобрать я?
«А-б-д-у-л-л-а-т-и-ф». Когда тебя, змею,
Я этим же кинжалом не убью,
Пусть поразит меня навек проклятье!

Освобожденная Атамурадом, к Улугбеку подбегает Фируза и падает около него, целует руки.

Ф и р у з а

(плача)

О, если мне была бы эта рана
Нанесена!

Но не в меня, не в вас —
Убийца метил в сердце Туркестана...

У л у г б е к

(с трудом произнося слова)

Друзья мои, мне хорошо сейчас.
Когда вы здесь, не верю я в разлуку,
Я рад, что ты со мною, Фируза.

Ни с чем твою не спутаю я руку.
Ни ныне, ни закрыв навек глаза.

На небе в разрыве туч показывается полная луна.

Луна, ты тоже вышла слишком поздно,
Когда я бился, ты была нужна.
Прощай, всегда грустящая луна,
Прощайте, веселящиеся звезды!
Я ни о чем не сожалею ныне,
И ни о чем не сожалеть мне впредь.
И право, чем скитаться на чужбине,
Не лучше ли в отчизне умереть!
Пусть выведет перо Абдураззак
Свидетельство об этих годах мрака,
О том, как ненадежен мир земной,
И я не смог его переиначить,
Сдавило грудь, мир темен надо мной,
Не плачьте вы, друзья, ведь я не плачу!

Умирает.

Б е р д и я р

Спаси, аллах!

А т а м у р а д

Надломлен наш хребет.

Ф и р у з а

(обнимая Улугбека)

Учитель мой, любовь моя, мой свет!

Медленно опускается занавес. Вдали слышна песня девушек.

Песня

По небесам плывут,
Свой путь свершают звезды.
Мы — лишь подзвездный люд.
Нас озаряют звезды.
Они в вечерний час,
Как благо мирозданья,
Благославляют нас
На сладкое свиданье.
В вечерних небесах
Кочуют звезды,
В заоблачных краях
Ночуют звезды!

ГОРИЗОНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Конец двадцатых годов в Узбекистане, где все дышало обновлением, становлением нового, до сих пор невиданного в его истории породил и в литературе республики плеяду замечательных литературных имен. Вслед за первыми певцами революции, такими, как Хамза Хаким-заде Ниязи, Абдулла Авлони, Суфи-заде, в узбекскую литературу пришли такие молодые поэты, как Гафур Гулям, Айбек, Уйгун, Хамид Алимджан, Яшен, Гайрати, впоследствии ставшие основателями новой узбекской советской поэзии и прозы. Наряду с прославленными этими именами стоит и имя Максуда Шейхзаде, одного из своеобразных поэтов Узбекистана.

Максуд Шейхзаде оставил заметный след в развитии узбекской советской литературы. Поэт с ярким, самобытным голосом и особым складом поэтического мышления, он привнес в узбекскую литературу высокие образцы политической, публицистической, философской лирики.

«Для всех советских поэтов,— писал М. Шейхзаде в 1948 году в статье «Голос Хамида»,— идеалы коммуны, отечества и народа являются общими идейными принципами. Но каждый большой поэт, который имеет свой собственный стиль и индивидуальный подход к действительности при решении тех общих задач, выдвигает свои, только ему присущие темы. Высокие идеалы разрешаются на фоне «своих тем». Были «свои темы», своя сфера художнического освоения жизни и у Шейхзаде. Он стремился охватить в своем творчестве темы, представляющие интерес для современников, актуальные проблемы времени. Его поэзии присущи накал гражданственности, он

стро современен и в то же время не чужд глубокого историзма в мышлении.

Десятки поэтических книг Максуда Шейхзаде, проникнутые ярким публицистическим пафосом его поэмы «Ташкентнамэ» (поэма о Ташкенте), «Лениннамэ» (поэма о Ленине), «Багистан» (Страна садов) и драматические произведения, художественно впечатляюще воссоздающие образы известных исторических личностей — «Джалалиддин Мангуберди», «Мирза Улугбек» становились событием в литературной жизни Узбекистана.

Для Максуда Шейхзаде характерен целенаправленный поиск новых форм выражения духа времени, дум и чаяний своего народа. В его поэзии ясно видны следы ярких традиций классики, современной русской и мировой поэзии. Глубокое знание им узбекской классической литературы, богатейшего устного народного творчества, выдающихся поэтов Востока и особенно таких всемирных трибунов поэзии двадцатого века, как В. В. Маяковский, Назым Хикмет, сыграли существенную роль в обогащении его поэзии высокими художественными, идейными достоинствами. Шейхзаде как художник принадлежит к тем поэтам, которые не ограничиваются в своей деятельности лишь усвоением традиций других поэтов, ему чужды проторенные пути поэзии, он ищет свое «я», свою тему, свои приемы. Эти поиски привили его лирике присущие только ему самому новаторские элементы, дали право называться поэтом-новатором. Шейхзаде был новатором не только формы, но и новатором темы. Его новаторство заключается в особо проникновенном, глубоко заинтересованном отношении к задачам коммунистического строительства. Острый публицистический пафос в изображении актуальных проблем времени, ораторская установка и убежденность коммуниста, эмоциональная приподнятость чувств и философичность раздумий — вот те основные черты лирики, которые уберегли произведения Шейхзаде от декларативности и определили их новаторское значение.

Как известно, художник в своих поисках идет от элементарного к сложному, от простой регистрации к глубоким художественным обобщениям, от натуральных фиксаций к высокохудожественным образам.

Рука об руку с Октябрьской революцией в Узбекистан шагнули

великие перемены. Формировавшаяся новая революционная литература сразу же поднялась на защиту завоеваний Советской власти, воспевала новую жизнь. На поле узбекского дехканина, не знавшего ничего кроме первобытных орудий труда, пришел могучий трактор. Началась невиданная в истории культурная, социальная революция. В двадцатых-тридцатых годах много песен сложено в честь новых машин, разнообразной техники, строящихся новых заводов, об авиации и парашютах, поэтизировались и вводились в ткань стиха любые атрибуты индустриализации. Все было ново и для узбекского народа, и для молодых узбекских поэтов. Они увидели и глубоко осознали, что все это означает наступление новой эры, что будущее народа зависит теперь от него самого, от его борьбы, от его крепости в борьбе за все новое, что предоставила революция. И для молодых поэтов голос трактора звучит как раскаты оратории. Здесь уместно вспомнить слова А. А. Фадеева о том, что в молодости слово «завод» звучало для него как музыка¹. Они берут свое молодое вдохновение от самолетов, готовых на защиту Родины, от заводских гудков, зовущих к труду во имя социализма. Молодые поэты стремятся постичь суть социалистической действительности, властно диктуемых ею перемен в сознании человека. Поэтому не может показаться случайным, что первое опубликованное стихотворение Максуда Шейхзаде носит название «Трактор». С самого первого шага в поэзии он стремится идти в ногу с веком, со своим народом, с энтузиастами молодой узбекской советской литературы.

Проследить творческую эволюцию художника невозможно без указания хотя бы основных вех его биографии. Максуд Шейхзаде родился в 1908 году в Азербайджане в городе Акташ, в семье врача. В семье царили демократические настроения. Здесь ценили и понимали литературу. Поэтому с детства, как любил вспоминать сам поэт, он привык «улавливать рифмы, мелодию стиха...» В тринадцать лет Шейхзаде учится уже в бакинском учительском институте. Первое его стихотворение на азербайджанском языке опубликовано в газете «Коммунист» в 1921 году.

---

¹ А. А. Фадеев. Из речи на Всесоюзном совещании молодых писателей в 1947 г. „Комсомольская правда“, 25 марта 1969 г.

В 1925—1927 годах Шейхзаде учителем в Дагестане, в 1928 году уезжает из Азербайджана в Ташкент и с этих пор вся его жизнь, вся его творческая деятельность кровными узами связаны с узбекским народом, узбекской литературой. Это не совсем обычное слияние судьбы поэта с Узбекистаном дало богатые плоды. С начала тридцатых годов один за другим выходят в свет сборники стихотворений Шейхзаде «Ўн шеър» («Десять стихотворений»), «Ундошларим» («Созвучия»), «Учинчи китоб» («Третья книга»), «Жумхурият» («Республика»), «Янги девон» («Новый диван»). В сороковых годах вышли такие сборники поэта, как «Жанг ва қўшиқ» («Война и песня»), «Кўнгил дейдики...» («Сердце велит...»), «Ўн беш йилнинг дафтари» («Тетрадь пятнадцати лет»).

В последующие годы поэтом были изданы сборники «Юрт шеърлари» («Стихи о Родине»), «Олқишларим» («Мои приветствия»), «Замон торлари» («Струны времени»), «Чорак аср девони» («Диван четверти века»), «Йиллар ва йўллар» («Годы и дороги»), сборник «Хибон» («Аллея») и др. Заметным явлением в творчестве Максуда Шейхзаде стала драма «Мирза Улугбек», о глубоко светлой и трагической личности позднесредневекового ученого и мыслителя, одного из выдающихся астрономов всех времен Улугбека. Одновременно Шейхзаде написаны сотни литературоведческих и публицистических статей, посвященных вопросам классической и современной узбекской литературы. Умер Максуд Шейхзаде 19 февраля 1967 года.

Первые шаги Шейхзаде в литературе дают понять, что он поэт с явным тяготением к политической, гражданской лирике. В его первых сборниках мы не встретим ни одного стихотворения без определенной социальной направленности. Каждое произведение здесь неразрывно связано с политической жизнью страны, насыщено ее могучей преобразовательной энергией. Для раннего периода творчества поэта характерны такие стихотворения, как «Хайкал олдида» («Перед его памятником») и «Улмас...» («Бессмертие...»), «Символ», «Рапорт комсомола». Здесь мы уже видим попытки молодого поэта постичь образы вождей пролетариата К. Маркса и В. И. Ленина. Поэт стремится избежать простого декларативного пересказа истории, раскрывает облик вождей философски образно. Образ В. И. Ленина в творчестве Максуда Шейхзаде занимает особое место. Ленинская тема — одна

из излюбленных и широко разработанных в лирике Шейхзаде. Она берет начало от стихотворения «Бессмертие...», где поэт выражает идею единства вождя с народом, неразрывной связи идей Ленина с чаяниями и борьбой народа за будущее. «Каждое сердце несет от Ленина что-то», — говорит поэт, и это означает, что каждый человек должен стать достойным учеником вождя, верным и последовательным бойцом за его идеи.

Следует отметить, что не все стихотворения тех лет написаны на должном художественном уровне. Многие из них еще, с одной стороны, рассудочны, с другой, страдают вычурностью стиля. Все эти недостатки были свойственны молодой поэзии вообще. И Х. Алимджан, и Г. Гулям, и Уйгун и другие в те же годы преодолевали влияние традиционного стихосложения, осваивали новые формы. Синтез того и другого вскоре пришел и к Шейхзаде.

Бег времени стремителен. Эта стремительность в какой-то мере выражалась и в каждодневно меняющихся цифрах. А за цифрами стояли крепнущая мощь страны, растущая культура и благосостояние советского народа. И Шейхзаде, чтобы показать это непрерывное движение по восходящей, часто прибегает в своей публицистической лирике к цифрам, к своеобразной поэтической статистике. Поэт нередко умело пользуется цифрами для выражения темпа времени, диалектики развития общества. Вспомним, что статистика никогда не была чужда поэзии (Пастернак).

Третья книга поэта, так и названная «Учинчи китоб» («Третья книга» — 1934 г.), была шагом вперед в его творчестве. Лучшие стихотворения этой книги отличаются логической завершенностью. Обогатилась стилистическая палитра. Широко пользуется поэт приемом олицетворения: в стихотворениях «Символ» — «тени ползут», «Письмо Азербайджану» — «рука победы длинна...» и т. д. Молодая советская поэзия стала настоящей лабораторией новой, соответствующей духу эпохи лексики. И у Шейхзаде рождаются новые слова, словообразования вроде «Хечистон» («Пустынная страна»), «Йулхат» («Путевка в жизнь»), «Советистон» («Страна Советов»), «Лаббайламоқ» («Отозваться») и др.

С выходом в свет в 1935 году сборника «Жумхурият» («Республика») мы видим дальнейший неуклонный подъем творчества Шейх-

заде. Углубление гражданско-патриотических идей сопровождается последовательностью образно-поэтического мышления, композиционной цепкостью, стремлением к более сложной метафористичности. В таких вещах поэта, как «Ватан» («Родина»), «Кремль соати» («Кремлевские куранты»), «Дайди шамол» («Ты, ветер бродячий...»), большие социальные события даются в ярком освещении, в их историческом развитии, с осмыслением их значения для будущего страны.

Поэт находит удачные развернутые гиперболы. В «Кремлевских курантах» лирический герой мечтает услышать пульс земли, а для этого «нужны уши величиной с луну». Но ведь есть Кремлевские куранты, которые чутко улавливают биение сердца планеты, и поэт призывает своих сограждан сверять с ними ритм и смысл своей жизни.

Одним из ярких признаков новаторства в узбекской советской поэзии явилось переосмысление традиционных образов. В стихотворении Шейхзаде «Ты, ветер бродячий...» старый, как мир, образ ветра обретает новое значение. Поэты по традиции призывали ветер донести восточку любимой, развеять их тоску и т. д. У Шейхзаде образ ветра получает другое, более значительное, общественно-значимое содержание. Он несет дальним странам и народам, страдающим под колониальным гнетом, весть о новой, счастливой жизни, которой добилась партия и народ в нашей стране. Так в новаторском, свежем преломлении образ ветра выступает связным идей мира и свободы между странами и народами.

Отличительной чертой гражданской лирики Шейхзаде становится стихотворный портрет: «Бахши» («Певец»), «Камтарлик» («Скромность»), «Мувашшах» («Акrostих»), «Мени ака дейдилар...» («Братом меня называют...»), «Эл шункори» («Орел края»), «Киров хотираси» («Воспоминание о Кирове»). Здесь перед нами целая галерея впечатляющих образов исторических личностей, наших современников. В них поэт раскрывает идейно-нравственную силу личности человека социалистического общества, видя в воспевании его трудового подвига свое призвание и счастье, свое «место в рабочем строю».

И это звучит по-коммунистически искренне, когда поэт говорит:

Времени река неудержимая,—
Лет немало мне легло на плечи...
Не о славе,—
Пусть промчится мимо!—
Думаю о доле человечьей.

(Пер. Н. Милованова)

Примыкает к этому ряду портретов современников замечательная баллада «Уртоқ Навоий» («Товарищ Навоий»). Здесь поэт использует исключительно сильный эмоционально-образный прием — употребление рядом слов-понятий, казалось бы, разного стилистически-временного ряда. Это партийное «товарищ» в применении к великому поэту и мыслителю прошлого неожиданно приближает нас к Навою, выявляет между ним и поколениями советских людей глубокое духовное родство.

Наряду с портретными стихотворениями, воссоздающими образы современников и исторических деятелей, Шейхзаде посвящает свои стихи укреплению оборонной мощи страны, героинке трудовых будней, создает произведения-раздумья о смысле жизни.

При поверхностном взгляде на творчество Шейхзаде периода тридцатых годов может показаться, что перед нами чисто политическая, лозунговая поэзия. Но это совершенно не так. Подобное толкование было бы ограниченным, односторонним. Как бы отвергая такие взгляды на творчество поэта, еще в 1934 году Айбек писал: «Стихотворение Шейхзаде «Из тетради жизни» является революционно-романтическим. В нем своеобразие нашей жизни описывается романтическими красками. Поэтому величие, неповторимость наших дней выглядят еще более значительными.

Гей, времени водопад,
Возьми меня, плесни на меня,
Гей, музыка моей души,
Хочу опереться на тебя.

Я хочу жить до цифры тройной
И войти в коммунизм
В конце своего пути.

(Подстрочный перевод. — И. Г.)

Воспевается здоровый, оптимистический взгляд на жизнь, чувствуется счастье жить и работать в наше время. Любовь к жизни не превращается у поэта в эпикуреизм, это настоящая романтика жизни в свободной стране. Поэт, который хочет дожить до трехзначной цифры, своей индивидуально-специфической формой, романтической манерой выражения показывает здоровое отношение класса к жизни, его мироощущение¹.

Романтическая манера Шейхзаде особенно явственно начинает проявляться в конце тридцатых годов. В его лирике реалистические картины одухотворены высокой романтикой, насыщены эмоциональной приподнятостью чувств. Поэт как бы не представляет себе реализм без романтики и романтику без реализма, общественно-политические идеи находят индивидуальное выражение.

Всякая романтизация, казалось бы, неизбежно приводит к «завышению» тона, к «красивости». Однако это касается ложной романтики. Шейхзаде не был бы большим поэтом, если бы не сумел избежать ложного пафоса, вычурности стиля. На пути поэта к зрелости происходит обретение настоящей одухотворенности, очищение от выпренности и высокопарности. «Как великолепно это слово — коммунизм», — говорит он в одном из стихотворений и, во всем своем творчестве раскрывая сущность и смысл коммунизма, как бы проветряет все слова этим высоким понятием.

Так совершенствуется мастерство поэта, его власть над формой становится все более ощутимой. Вспоминаются слова А. В. Луначарского о том, что настоящий мастер слова не может оставаться довольным собой, своей работой. Он всегда стремится, стоя на твердых идейных позициях, овладеть все новыми и новыми пластами жизни. Если мастер начинает отставать от жизни, перестает ее понимать —

---

¹ Ойбек, Адабиет соҳасида илмий текширишлар, тўнлам, Ўздавишр, Т., 1934 й., 65- бет.

он уже не художник. Труд, работа над собой, стремление к совершенству, знание, понимание окружающей среды — все это толкает идти вперед. Что не идет вперед, то отстает, идет назад¹.

Шейхзаде принадлежит к тем поэтам, которые всегда стремятся идти вперед, не успокаиваясь на достигнутом. С развитием мастерства у поэта все более появляется вкус к овладению большой темой. Стихотворения «Весенний дождь», «Рождение стиха», цикл «Чимган», «Крылья» ясно показывают, что Шейхзаде добивается полновесного звучания слова, полновесного выражения волнующих идей времени.

Новое десятилетие вносит в творчество Шейхзаде новое содержание: для лирики Шейхзаде сороковых годов и особенно военных лет характерным становится внутренне-углубленное раскрытие образа советских людей, их героических характеров, негибаемой воли, самоотверженности в борьбе за коммунистические идеалы. Вышедшие в годы войны сборники стихов и поэм Шейхзаде «Кураш нечун» («Смысл борьбы»), «Жанг ва қўшиқ» («Война и песня»), «Кўнгил дейдики...» («Сердце велит...») и на русском языке «Грозой рожденные» (1942 г.), «Сааз» (1943 г.), «Сердце говорит» (1944 г.) проникнуты верой в победу советского народа, победу светлых гуманистических устремлений над злом, олицетворенным в фашизме.

Военная лирика Шейхзаде насыщена мифологическими образами народной поэзии. Узбекский народ в своих сказках, дастанах и песнях олицетворял зло в образах коршунов, дивов, кровожадных драконов, а добро несли побеждающие их богатыри. Поэт пользуется этими образами для отражения борьбы советских людей с фашизмом. Традиционные образы, неся в себе новое историческое содержание, придали его лирике эпический размах. Такие произведения, как «Йўқ, мей ўлган эмасман» («Нет, я не умер!»), «Берлинда суд бўлғуси» («Будет суд в Берлине»), «Тўпчи Мухаммад» («Артиллерист Мухамед»), «Капитан Гастелло», наиболее ярко выразили лучшие идейные черты лирики Шейхзаде военных лет: высокий пафос, углубленное понимание истории, сознание высокой миссии советского народа, борющегося

---

¹ См: А. В. Луначарский. Статьи о литературе, издательство «Художественная литература», М., 1957.

за счастье всего человечества. Недаром для них характерна афористичность, многие строки восняной лирики поэта стали крылатыми. В них отражены мудрость и правда тех суровых лет.

Шейхзаде в своей военной лирике много и удачно применяет стилистические фигуры и особенно амплификационное строение — нагнетание образов.

Эти особенности присущи и послевоенной лирике Максуда Шейхзаде. Стихи этих лет, представленные в таких сборниках, как «Диван четверти века», «Аллея» проникнуты радостным ощущением недавней победы. Они призывают к трудовому героизму в восстановлении разрушенного хозяйства, укреплению мира на земле. Поэт черпает свое вдохновение в энтузиазме труженников, в счастливом цветении садов и полей родного края.

К отчизне ж любовь,—
Этот лист на виду
В тетради, где рифмы как птицы в саду!..
Иду на простор я.
Мне в хлопковом поле
Куст каждый — усердия вестник живой.

(Пер. И. Милованова)

Пафос созидания — вот что характерно для лирики Шейхзаде конца сороковых — начала пятидесятих годов. Ее пронизывает чувство законной гордости за достигнутое. Отсюда патетическая приподнятость тона, отсюда, однако, и проявляющаяся порою чрезмерная парадность, однообразие «громких» эпитетов.

Однако не это определяет лицо его поэзии, главное в лирике Шейхзаде — ее партийность, ответственность поэта за выполнение исторических задач, стоящих перед социалистическим обществом. Отмечая это, писатель Шараф Рашидов писал: «В творчестве поэта Шейхзаде характерное место занимает целенаправленная политическая лирика и наполненная пафосом гражданская поэзия. В годы Великой Отечественной войны политическая острота его поэзии ста-

новится еще более напряженной. Существенной политической и художественной чертой поэзии Шейхзаде является ее партийность¹.

Четкая партийная направленность в лирике Шейхзаде пятидесятых — шестидесятых годов удачно сочетается с усилением философской глубины в подходе к ключевым проблемам действительности. Подобные тенденции отчетливо видны в стихотворениях Шейхзаде «Севги ва тинчлик» («Любовь и мир»), «Пахтанинг қалби» («Сердце хлопка»), «Ленин ва ленинчилар» («Ленин и ленинцы»), «Қуёш билан суҳбат» («Разговор с солнцем») и др.

Мастерство большого художника — понятие неоднозначное. Оно необходимо включает его талант, широту его мировоззрения, умение разобраться в сложных вопросах жизни, выделить из хаоса событий и явлений самое существенное и выразить через него определяющие черты эпохи.

В своей поэзии Шейхзаде глубоко современен. И эта современность выражается не только проблематикой, но и всей системой, стилевыми особенностями поэтического мышления и поэтической речи, манерой выражения.

Отношение Шейхзаде к жизни, к людям всегда было живым и непосредственным. Так он интересуется не только жизнью Узбекистана и всей нашей страны, он пишет о тяжелом уделе крестьянина Суматры, о голодных Индии, поднимает тему братства и солидарности. Но эта широта не только географическая, а прежде всего общезначимая, разносторонне-философская.

В изображении Шейхзаде мир как бы становится необъятным, у поэта особо развито чувство бесконечности пространства. Картины, которые он рисует, просторны, границы горизонта будто размыты дальними расстояниями, в них всегда почти физически ощутима перспектива.

Да, это ты, красавица-отчизна!
Холмы, долины, струи горных вод,
Вершины снежные... О, как безбрежно,
Как обновленно дышит твой народ!

---

¹ Шароф Рашидов. Бачий публицистика ҳақида. „Шарк юлдузи“, 1948 йил, 12- сон, 113- бет.

Спустился ветер с гор. В реке зеленой,
Легко минуя камни, островки,
Скользит ладья. В две пары белых весел
Гребут четыре белые руки.

В гармонии с красою лунной ночи
Плывет любовь, прекрасна и вольна.
И все поют любовь. И эти двое,
И сад, и ночь, и горы и волна! —

(Пер. В. Липко)

пишет поэт в стихотворении «Рождение стиха». В последние годы поэт очень интересно использует образ берега, берег носит у него символическое и философское значение, через него передается контрастность, сложность мира. В этом отношении очень показательны стихотворения «Соҳилда ўйланишлар» («Раздумья на берегу»), «На берегу», «Следы». Берега напоминают поэту о взаимоисключающих явлениях, о жизни и смерти, о вечном и преходящем, о встречах и разлуках, о прошедшем и будущем и т. п.

Вообще же контрастное изображение явлений характерно для лирики Шейхзаде, и в этом заключается одна из сторон своеобразия его творчества.

«Облик ораторской речи зависит не только от ее внешнего словесного покрова и форм его расположения, не только от обусловленной синтактикой словесных рядов игры смыслов, но он определяется общей композиционной системой, в которой логика построения или приемы психологической рисовки могут выступить доминирующими силами. В ораторской речи, в которой все эффекты воздействия вращаются около логического стержня, скрепленного точными, математически-прозрачными доводами, поражает правильная четкость логических скреп в движущихся словесных рядах»¹.

Шейхзаде мастерски владеет приемами ораторской речи. У него «все эффекты воздействия вращаются около логического стержня».

---

¹ В. В. Виноградов. О теории художественной речи, Изд-во Высшая школа, М., 1971 г., стр. 132.

Причем интонация гражданской лирики поэта всегда очень динамична. Его четкие строки движутся со стремительностью выходящего из глубокого туннеля состава, и каждое слово в строке, даже отдельно поставленное, создает экспрессию, само движение слов и строк обогащает семантику, содержание произведения. В этом отношении особо выразительны такие стихотворения, как «Баллада о главном дне», «Темы Октября», «Кровь Пхеньяна», «Эта песня», «Прислушайся к миру, сердце поэта». Вот как стремительно набегают поэтические образы, когда Шейхзаде хочет особо подчеркнуть величие Октября:

Как много бы ни было важных событий,
Есть день, что важней всех веков и времен,
Мы знаем о нем, не читая писем,
Родившийся ночью,— тот день лучезарен,
Ему человек на земле благодарен.
Родившийся осенью,— стал он весной.
Он дышит свободой, теплом, новизной.
Хотя в ноябре мы его отмечаем,
Родным Октябрем мы его величаем.
Померкли пред ним все былые века,
Всем людям он светится издавека...

(Пер. С. Липкина)

Пафос утверждения всемирного значения Октября доходит до большого накала. Патетика здесь эмоционально выразительна. Движение мысли поэта характеризуется масштабностью, она преодолевает огромные пространственные расстояния, она превращается в одухотворенность, в высокое сознание причастности к великому.

Вообще в своей ораторской лирике Шейхзаде выступает как бы перед большой аудиторией, делится своим большим жизненным, человеческим опытом с современниками и как бы соединяет свой опыт и энергию с опытом и энергией масс. И отсюда та проникновенная одухотворенность, которая передается выдвигаемым поэтом политическим общественно-значимым идеям, обеспечивая им путь к сердцу читателя. В одном из значительных своих лирических стихот-

ворений «Бу қўшиқ!..» («Эта песня!..»), где стержнем композиции, смысловых связей является слово «песня» — Шейхзаде через внутренние спаянные ассоциации передает поток своих раздумий о месте песни в духовной жизни человека.

Революция — самая светлая песня для поэта. Она олицетворяет рождение всего нового, невиданного и неслыханного до сих пор, рождение подлинного счастья для человека. И слова поэта, искрясь, летят в едином могучем потоке, в котором становится ощутимой полнота каждого слова.

Ораторской лирике Шейхзаде присущи некоторые характерные приемы. Так, поэт часто и удачно пользуется обращениями. Редко у него стихотворение, где нет обращения прямо к читателям, современникам, труженикам полей и рабочим, к целым континентам и странам.

Обращения самого различного характера придают лирике поэта задушевную тональность разговорной речи, организуют поток его раздумий направленностью к определенному адресату.

Тебя, пиала, уважаю,
И чай, и дела уважаю;
Твоим наслаждаюсь узором,
Как дружеским, ласковым взором.

(Пер. Ю. Хазанова)

Стихотворения Шейхзаде — это разговор с современником, который является для поэта самым ценным собеседником, единомышленником.

Другой характерной чертой гражданской, ораторской лирики Шейхзаде, на наш взгляд, является ее фактическая оснащенность. Мир произведений поэта богат фактами, событиями нашей многогранной жизни. Его лирика, как и творчество всех больших советских художников слова, является в этом отношении как бы ответом на слова великого вождя: «Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам,

пропагандистам, организаторам»¹. Отсюда и уже отмеченное нами для раннего периода творчества и пронесенное через всю творческую жизнь пристальное внимание Шейхзаде к цифрам, за которыми стоят деяния советских людей. Вот как он в стихотворении «Колхозный секретарь» восхищается своим героем, для которого цифры — живое воплощение жизни:

Очень многое тот секретарь
мог за цифрами различать.
Эх, ему бы стихи писать.

Цифры наполняются различным общественным значением: «у него были мирные цифры и были воинственные, были ясные и таинственные...» Герой в них различает и грохот арб, «и пахучих тандыров дар, веток яблоневых узор, и сиянье хлопковых гор, запах роз, и мычанье коров... и биенье сердец людских».

«Жизнь!» — воскликнув, борьбу мы подразумеваем,
И за словом «проценты» читаем мы «жизнь»!
Замечаешь, что край наш стал неузнаваем?
Так прильни к этим цифрам и с ними сдружись!—

— — —
(Пер. Б. Дубровина)

призывает поэт в стихотворении «Цифры».

Новаторство и оригинальность поэзии Шейхзаде, своеобразие его художнического исследования с особенной силой проявились в стихотворениях, написанных в последние годы жизни поэта. Стихи Шейхзаде шестидесятых годов и особенно предсмертный цикл «Дунё боқий» («Мир вечен»), где мастерство образного языка поэта достигает наибольшей художественной глубины и силы, являются блистательными образцами философско-интеллектуальной лирики в узбекской советской поэзии.

---

¹ В. И. Ленин. ПСС, том 39, стр. 13.

Важно художественное назначение пейзажа в гражданской поэзии Шейхзаде, замечательно его мастерство в воссоздании картин родного края, где много удивительно насыщенных философскими мотивами описаний горизонта, дальних берегов, небесной лазури...

Максуд Шейхзаде прошел большой творческий путь. И на всем протяжении этого пути его лирика целиком пронизана партийной мыслью, партийной убежденностью. Им созданы значительные лирические произведения об Октябре, о В. И. Ленине, о нашей современности. Их место в узбекской советской литературе, во всей нашей многонациональной поэзии определяется важнейшими особенностями дарования поэта... Оставаясь поэтом-оратором, пропагандистом идей коммунизма, Шейхзаде умел придать гражданственности, политическому настрою «четвертое измерение» философской глубины, присущего советскому человеку активного отношения к жизни, истории. Это и сделало поэзию Шейхзаде зеркалом времени, зеркалом души и помыслов людей новой социалистической действительности.

Шейхзаде, как поэт и передовой человек своего времени, чувствовал себя бойцом новой, прекрасной жизни, внутренне органически гордился этим.

Неустанный боец я в страде трудовой,
Я за все отвечаю — своей головой,
Отвечаю — упорным, умелым трудом,
Отвечаю — задорным и смелым стихом.

(Пер. Э. Тумановой)

Сегодня задорная, живая, живописующая, несущая в себе передовые идеи эпохи поэзия Шейхзаде вышла, как он сам любил говорить, «в даль сияющих времен».

Произведения Шейхзаде тем и ценны и дороги поколениям, что в них художественно ярко и емко отражены главные идейные и духовные устремления народа, строящего коммунизм.

Ибрагим Гафуров

СОДЕРЖАНИЕ

Поэмы

Светоч. Перевод В. Державина	7
Наследство. Перевод Вл. Гордиенко	13
Кисмэт (Судьба). Перевод В. Державина	22
Аксакал. Перевод В. Липко	30
Одиннадцать. Перевод М. Голодного	37
Поэма о Ташкенте. Перевод В. Державина	42
Мирза Улугбек. Историческая трагедия. Перевод Н. Гребнева	85
<i>И. Гафуров.</i> Горизонты поэтической мысли	264

ШЕЙХЗАДЕ МАКСУД

ИЗ БРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

в двух томах

Том II

Поэмы. Историческая трагедия „Мирза Улугбек“

Перевод с узбекского

Редактор *Р. Москалева.* Художники *А. Москин, Г. Жирнов.*

Художественный редактор *А. Бобров.* Технический редактор *Т. Смирнова.*

Корректор *Т. Красильникова*

ИБ №485

Сдано в набор 24.01.78 г. Подписано в печать 18.09.78 г. Формат 70×108^{1/2}. Печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 10,25+0,05 вкл. Тираж 10000. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, Ташкент, Навои. 30. Договор № 214—76.

Отпечатано в типографии № 1 Ташкентского производственного полиграфического объединения „Матбуот“ Государственного комитета УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли на бумаге № 1. Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ № 529. Цена 1 р. 50 к.